КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

Из книг академика
С. Ивано-Даниловского.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Профессора Н. И. Петрова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловска. у., д. № 4.
1895.

5821

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

Изъ книгъ академика
С. Ново-Константиновскаго.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Профессора Н. И. [illegible]рова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.
1895.

Пров. 1961 г

Н

БУ
СССР

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии наук
Украинской ССР
1219
62

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1895 годъ.

151138

Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка.

Кіевская Академія, доживающая третье столѣтіе своей исторіи, тѣснѣйшимъ образомъ связана была съ исторіей русскаго просвѣщенія, бывши въ свое время чуть ли не единственнымъ свѣточемъ его для всей Россіи, и потому вызывала на свѣтъ какъ общіе обзоры ея исторической жизни въ связи съ исторіей просвѣщенія въ Россіи вообще (Пекарскаго, Галахова, Порфирьева и др.), такъ и особыя, спеціальныя изслѣдованія ея исторіи и разныхъ сторонъ ея просвѣтительной дѣятельности. Къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по исторіи Кіевской Академіи, и доселѣ не потерявшимъ еще своего значенія, принадлежатъ: „Исторія Кіевской Академіи“ іеромонаха (впослѣдствіи Московскаго Митрополита) Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 года, и „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“ В. И. Аскоченскаго, Кіевъ, 1856 г. Но эти труды по исторіи Кіевской Академіи уже устарѣли для настоящаго времени, такъ какъ, послѣ составленія и изданія ихъ, явилось не мало новыхъ матеріаловъ для исторіи Кіевской Академіи, или значительно восполняющихъ ее новыми фактами, или освѣщающихъ извѣстные и прежде историческіе факты съ иной точки зрѣнія. Начало болѣе полной и критической исторіи нашей Академіи положилъ С. Т. Голубевъ первымъ выпускомъ своей „Исторіи Кіевской духовной Академіи“, Кіевъ, 1886 года. Въ существѣ дѣла, сочиненіе это есть не что иное, какъ только

особое приложеніе къ капитальному сочиненію того же автора „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“ (томъ I, Кіевъ, 1883 года). Другой изъ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Кіевской Академіи, имѣющихъ въ виду восполнить и критически провѣрить данныя для этой исторіи, есть сочиненіе молодаго ученаго Н. Ѳ. Мухина „Кіево-Братскій училищный монастырь (историческій очеркъ)“, Кіевъ, 1893 года; но это сочиненіе, какъ можно видѣть изъ самаго заглавія его, касается исторіи не столько Кіевской Академіи, сколько Кіево-Братскаго монастыря, и можетъ служить лишь пособіемъ для исторіи Кіевской Академіи[1]).

Мы избрали для своего изслѣдованія слѣдующій за могилянскою эпохою періодъ исторіи Кіевской Академіи, обнимающій вторую половину XVII вѣка, до преобразованія Кіевской Коллегіи въ Академію.

Избранный нами для изслѣдованія періодъ есть одинъ изъ самыхъ смутныхъ и темныхъ періодовъ въ исторіи Кіевской Академіи. Въ теченіи его Кіевская Академія, въ званіи еще коллегіи, нѣсколько разъ подвергалась опустошеніямъ и даже совершенному разрушенію, частію отъ руки непріятельской, во время борьбы Россіи съ Польшею за Южную Русь и Кіевъ и во время казацкихъ междоусобій, частію отъ случайныхъ пожаровъ. А вмѣстѣ съ опустошеніями и разрушеніями Академіи, истреблены были и тѣ документы и вообще данныя, по которымъ можно было бы возстановить исторію Кіевской Академіи за это время. Позднѣйшіе же пожары, опустошавшіе Кіевскую Академію въ 1780 и особенно въ 1811 годахъ, истребили и то, что могло еще оставаться въ академіи отъ XVII вѣка. Уцѣлѣли, въ подлинникахъ или копіяхъ, только документы на юридическія и имущественныя

[1]) Съ особенною полнотою и обстоятельностію разсмотрѣно здѣсь экономическое положеніе Кіево-Братскаго монастыря и академіи. Поэтому мы вовсе не будемъ касаться экономической стороны академіи.

права Академіи, по которымъ можно приблизительно возстановить хотя внѣшнюю, хронологическую исторію Академіи и перечень начальствующихъ ея лицъ за вторую половину XVII столѣтія. Но за то внѣ стѣнъ Кіевской Академіи постепенно открываются все новые и новые источники для исторіи сей Академіи, которые проливаютъ значительный свѣтъ и на избранный нами періодъ этой исторіи.

Для внѣшней исторіи Кіевской Академіи за XVII вѣкъ имѣютъ немаловажное значеніе недавно открытые списки настоятелей Кіево-братскаго монастыря и начальствующихъ и учащихъ лицъ Кіевской Академіи. Одинъ изъ этихъ списковъ составленъ былъ въ Кіевской Академіи въ 1760-хъ годахъ, на основаніи тогдашнихъ наличныхъ документовъ ея, въ ректорство Самуила Мислáвскаго (1759—1768 г.г.), съ собственноручными его поправками, и отысканъ въ 1894 году студентомъ Кіевской Академіи В. Серебренниковымъ въ архивѣ Кіевской духовной Консисторіи. Этимъ спискомъ пользовался, по видимому, еще митрополитъ Евгеній въ своемъ спискѣ начальствующихъ въ Кіевской Академіи въ приложеніи къ его „Описанію Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской епархіи“ [1]), но безъ указанія на мѣсто нахожденія этого источника и безъ достаточно критическаго отношенія къ нему. Другой подобный списокъ, далеко незаконченный, составленъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и найденъ въ 1892 году въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря Н. Ѳ. Мухинымъ [2]).

Что же касается внутренней исторіи Кіевской Академіи въ намѣченный нами періодъ; то для изображенія ея имѣютъ первостепенное значеніе привилей польскаго короля Владислава IV-го, данный Кіево-Братской Коллегіи 18 марта, 1635

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора и Кіевской епархіи, Кіевъ, 1825 г., прилож., стр. 226 и слѣд.

[2]) См. „Отчетъ Церковно-археологич. Общества при Кіев. Дух. Академіи“ за сей годъ. Оба списка см. въ приложеніяхъ II и III.

года, и сохранившіеся доселѣ рукописные учебники по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ Кіево-Братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ.

Содержаніе королевскаго привилея отъ 18 марта 1635 года не было извѣстно прежнимъ историкамъ Кіевской Академіи. Изъ этого универсала или привилея видно, что Кіево-Братской Коллегіи предоставлялось право преподавать въ ней науки не далѣе Діалектики и Логики [1]). Слѣдовательно, Кіево-Братская Коллегія, по своимъ правамъ, была ниже многихъ тогдашнихъ польско-католическихъ коллегій, въ которыхъ преподавалось и богословіе. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что курсъ ученія въ Кіево братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ, до 1680-хъ годовъ, былъ семилѣтній [2]) и состоялъ изъ шести классовъ—инфимы, грамматики, синтаксимы [3]), піитики и реторики одногодичныхъ и философіи двухгодичной [4]). Съ такими ограниченными правами своими Кіево-Братская Коллегія оставалась во все время польскаго владычества въ Кіевѣ и даже во все время борьбы Польши и Россіи изъ-за Кіева, до окончательнаго перехода послѣдняго подъ власть Россіи. Королевскій привилей 18 марта 1635 года въ общихъ чертахъ подтвержденъ былъ Зборовскимъ договоромъ 18 августа 1648 года, польскимъ сеймомъ 1650 года [5]) и привилеемъ короля Михаила отъ 10 октября 1670 года [6]).

---

[1]) См. мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Москва, 1892 г. вып. 1 № 51, стр. 94, въ рукописи стр. 80—81, и ниже приложеніе I. Въ извлеченіи, въ русскомъ переводѣ, см. въ „Исторіи Русск. Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 477—479.

[2]) Семь лѣтъ обучался здѣсь Симеонъ Полоцкій. См. „Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ“, 1885 г. кн. IV, стр. 562—564.

[3]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, Кіевъ. 1886 г., стр. 190, и прилож. стр. 77.

[4]) Обозрѣніе учебниковъ по этимъ предметамъ. См. въ IV приложеніи къ сей статьѣ.

[5]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора и Кіевской епархіи“ м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., стр. 181 и 182.

[6]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“ В. И. Аскоченскаго, Кіевъ 1856 г. ч. I, стр. 200—202.

Рукописными учебниками по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ Кіевской Академіи, какъ важнымъ источникомъ для ея исторіи, не пренебрегали и прежніе историки академіи, особенно іеромонахъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) Макарій Булгаковъ, а вслѣдъ за нимъ и В. И. Аскоченскій. Но преосвященный Макарій Булгаковъ пользовался только рукописями Кіевской академической библіотеки, Кіево-Печерской лавры и Кіево-Софійскаго собора, и притомъ въ опредѣленіи времени и мѣста преподаванія нѣкоторыхъ учебниковъ XVII вѣка допустилъ значительныя ошибки, которыя указаны будутъ нами въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Мы, съ своей стороны, предпринявъ краткое систематическое описаніе всѣхъ рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, во первыхъ, провѣрили указанія преосвященнаго Макарія на извѣстные ему учебники Кіевской Академіи XVII вѣка по подлинникамъ и мѣстами исправили ошибки въ этихъ указаніяхъ, а во вторыхъ, вновь нашли нѣсколько подобныхъ учебниковъ въ библіотекахъ Кіево-Михайловскаго монастыря [1]), Кіевской дух. Семинаріи и Мѣлецкаго монастыря на Волыни [2]). Сохранилось также нѣсколько рукописныхъ учебниковъ Кіевской Академіи за XVII вѣкъ въ библіотекахъ Московской дух. Академіи [3]) и духовныхъ Семинарій Черниговской [4]) и Иркутской [5]). При всемъ томъ, и въ настоящее время количество учебниковъ Кіевской Академіи, сохранившихся отъ XVII вѣка, незначительно, и притомъ неравномѣрно распредѣлено по времени: въ настоящее время извѣстно до шести

[1]) Описаніе ихъ войдетъ въ составъ приготовленнаго къ печати 3-го выпуска моего „Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“.

[2]) См. о нихъ въ 1-мъ выпускѣ моего „Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Москва. 1892 г.

[3]) См., напр, „Труды Кіев. Дух. Академіи“, Январь, 1864 г. стр. 60 и 61.

[4]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской Дух. Семинаріи“, М. Лилеева, С.-Петербургъ, 1880 года.

[5]) „Труды Кіев. Дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 257, и октябрь 1882 г., стр. 305 и слѣд. О всѣхъ этихъ учебникахъ см. Приложеніе IV.

учебниковъ отъ Могилинскаго періода Кіево-Братской Коллегіи, 1632—1647 годовъ; неизвѣстно почти ни одного учебника съ половины XVII вѣка и до 1680-хъ годовъ, и только съ этого времени и до конца XVII вѣка число учебниковъ постепенно увеличивается.

Кромѣ того, разрозненные, единичные факты, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи за XVII столѣтіе, можно находить въ различныхъ монографіяхъ о дѣятеляхъ, вышедшихъ изъ Кіево-Братской Коллегіи въ данный періодъ. Наконецъ, немаловажнымъ пособіемъ для уясненія внутренняго строя Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ могутъ служить школьные порядки съ одной стороны тѣхъ польско-католическихъ и западно-европейскихъ учебныхъ заведеній, которыя служили образцомъ для Кіево-Братской Коллегіи, а съ другой—русскихъ коллегій и академій, происшедшихъ отъ Кіевской Академіи и устроенныхъ по ея образцу.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній объ источникахъ нашего изслѣдованія, обратимся къ самой исторіи Кіевской Академіи за вторую половину XVII вѣка, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Но при этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что, при постоянномъ служебномъ движеніи начальствующихъ и учащихъ лицъ Кіевской Академіи, невозможно со строгою точностію отдѣлить избранный нами періодъ отъ предыдущаго и послѣдующаго періодовъ, а потому необходимо, для полноты представленія о предметѣ, коснуться, съ одной стороны, предыдущаго Могилинскаго періода, а съ другой—начала послѣдующаго періода, съ XVIII вѣка.

I.

Въ настоящее время установилось мнѣніе, что Кіево-Братская Коллегія, въ формѣ братской школы, получила начало свое въ 1615 году и стала называться Коллегіей только

съ 1632 года, по соединеніи ея съ Могилинскою лаврскою школою или коллегіею. Эта послѣдняя открыта была Петромъ Могилою, тогда еще Кіево-печерскимъ архимандритомъ, въ 1631 году[1]). Ректоромъ этой лаврской коллегіи былъ іеромонахъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, а префектомъ монахъ Сильвестръ Косовъ[2]), „академикъ Замостьскій", т. е. закончившій образованіе въ Замойской Академіи[3]), учителями Софроній Почаскій изъ воспитанниковъ Кіево-Братской школы, Антоній Пацевскій и Аѳанасій Ивашковскій. Изъ нихъ Почаскій въ $163^1/_2$ учебномъ году преподавалъ реторику[4]), Исаія Трофимовичъ Козловскій, вѣроятно, философію, Сильвестръ Косовъ,—вѣроятно піитику[5]), а Пацевскій и Ивашковскій учили въ низшихъ классахъ.

Кромѣ лаврской коллегіи и одновременно съ нею, учреждена была Петромъ Могилою и другая православная коллегія въ Винницѣ, подчиненная Кіевской. Противъ той и другой возбуждено было въ Кіевѣ латино-уніатами народное волненіе, прекращенное лишь соединеніемъ лаврской коллегіи съ Кіево-братскою школою въ 1632 году[6]).

Первымъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи, по соединеніи ея съ лаврскою, былъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, проходившій эту должность въ теченіи шести лѣтъ съ 1632 до 1638 года[7]). Самъ онъ подписался въ 1633 году, 30 ав-

---

[1]) Исторія Кіев. Дух. Академіи", Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г. стр. 177, и др., 228 и 233.

[2]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи", С. Голубева, вып. I, стр. 228, прилож. стр. 77.

[3]) Рукопись Кіево-Печерской лавры, дополнит. катал., № 20, л. I. на обор.

[4]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи" С. Голубева, вып. I, 1886 г. стр. 226 и прилож., стр. 46 и 49.

[5]) Въ слѣдующемъ учебномъ году С. Косовъ, какъ увидимъ, преподавалъ уже реторику.

[6]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи", С. Голубева, вып. I, стр. 229—233.

[7]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора и кіевской епархіи", м. Евгенія, Кіевъ 1825 г., приложен., стр. 226.

густа, „ректоромъ кіевскимъ, игуменомъ Дятѣловскимъ“ [1]). Но въ спискѣ настоятелей Кіево-Братскаго монастыря, 1760-хъ годовъ, о немъ сказано слѣдующее: „Первый ректоръ и игуменъ Кіево Братскаго монастыря премудрій богословія учитель и провинціалъ коллегіума Кіевского и Гойскаго, которое Гойское коллегіумъ зъ монастыремъ належали до монастыря Братского Кіевского, іеромонахъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, былъ 1633 года. Сей Исаія Трофимовичъ, будучи коллегіума Могилеанского въ Кіевѣ ректоромъ, 1633 года мѣсяца іуля дня второго, въ день вовторковый, часа тринадцатого, отобралъ святыя Софіи церковь отъ уніатовъ зъ отцемъ Антоніемъ Мужиловскимъ, казнодѣею печерскимъ, игуменомъ Билиловскимъ“ [2]). Но это извѣстіе требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Во первыхъ, въ 1633 году не существовалъ еще Гойскій или Гощанскій монастырь съ коллегіумомъ, основанный лишь въ 1639 году княгинею Ириною Соломерецкою [3]), и потому вмѣсто Гойскаго нужно разумѣть здѣсь Винницкій коллегіумъ съ монастыремъ. Ближайшимъ начальникомъ или ректоромъ Винницкаго коллегіума могъ быть, съ 1632 года, Софроній Почаскій, который съ этого года не числится уже болѣе въ составѣ преподавателей Кіево-Братской коллегіи и снова появляется въ ней, но уже въ качествѣ ректора ея, лишь въ 1638—1640 годахъ, какъ увидимъ въ скоромъ времени. Въ такомъ случаѣ, ко времени ректорства Софронія Почаскаго въ Винницкомъ колегіумѣ относилось бы сочиненіе одного православнаго инока Винницкаго Вознесенскаго коллегіатскаго братскаго монастыря, подъ заглавіемъ: „Indicium“, т. е. показаніе церкви истинной... чрезъ одного изъ

---

[1]) „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, С. Голубева, т. I, Кіевъ, 1883 г., прилож., стр. 539.

[2]) См. II-е приложеніе къ сей статьѣ.

[3]) См. „Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ Волынской епархіи, въ настоящее время не существующихъ“, въ „Волын. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1867 г., № 8 стр. 138 и 139; „Вѣстникъ Зап. Россіи“, 1867 г. т. IV. кн. IX, отд. I, стр. 44.

монаховъ чина св. Василія вкратцѣ изложенное 1638 года, іюля 8, въ монастырѣ Винницкомъ братскомъ Вознесенія Господня“ [1]). Во вторыхъ, до 1633 года Исаія Трофимовичъ Козловскій преподавалъ въ Кіево-Братской коллегіи не богословіе, а философію [2]), да едва ли и впослѣдствіи онъ преподавалъ здѣсь богословіе, какъ потому, что съ 1633 и до 1638 года, оставаясь ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи, былъ вмѣстѣ и игуменомъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, скончавшись здѣсь въ 1651 году [3]), такъ и потому, что королевскимъ привилеемъ 18 марта 1635 года разрѣшалось преподавать въ Кіево-Братской Коллегіи науки не далѣе Діалектики и Логики [4]). Вѣроятно, Исаія Трофимовичъ Козловскій названъ „премудрымъ богословія учителемъ“ потому, что на кіевскомъ соборѣ 1640 года удостоенъ былъ званія доктора богословія, за составленное имъ исповѣданіе православной вѣры [5]).

Первыми преподавателями въ Кіево-Братской Коллегіи въ ректорство Исаіи Трофимовича Козловскаго, кромѣ его самого, преподававшаго философію, были лица, перешедшія сюда изъ лаврской Коллегіи, а именно: Сильвестръ Косовъ, профессоръ реторики, и Антоній Пацевскій, профессоръ піитики, преподававшіе свои предметы до 1733/4 учебнаго года. Это видно изъ письма ректора Коллегіи Исаіи Трофимовича Козловскаго, отъ 30 августа 1633 года, къ іеромонаху Ѳеофилу Левоновичу, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: „мы першего

---

[1]) Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, Петрушевича, Львовъ, 1874 г., стр. 399.

[2]) „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, С. Голубева, т. I, 1883 г., приложен., стр. 539.

[3]) „Описаніе Кіево Соф. Собора и Кіевской епархіи“, м. Евгенія, Кіевъ 1825 г., прилож., стр. 226.

[4]) „Описаніе рукописныхъ собраній находящихся, въ г. Кіевѣ, Н. Петрова, вып. 1. Москва; 1892 г., № 51, стр. 94; „Истор. Р. Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2. стр. 477 и слѣд; приложеніе къ сему сочиненію.

[5]) „Исторія Русской церкви“ Макарія, т. XI, кн. 2, стр. 590 и др.

сентеврія зачинаемъ (будемъ начинать) *по стародму* (т. е. какъ и въ предыдущемъ 1632—3 учебномъ году): я—курсъ философіи, отецъ Косовъ—реторики, который уже и священникомъ зосталъ; отецъ Пацевскій—поетику, которій также южъ священникомъ зосталъ, и прочіи у своихъ школахъ“ [1]). Но въ томъ же $163^3/_4$ учебномъ году, вмѣсто Исаіи Трофимовича Козловскаго, сталъ преподавать философію Сильвестръ Косовъ, о которомъ въ панегирикѣ ему, подъ названіемъ „Столпъ цноты“, 1658 г., сказано, что коллегіумъ Кіевскій „вдоволь наслушался его (Косова) мудрыхъ рѣчей, науки философіи, когда почившій былъ въ немъ знаменитымъ профессоромъ философіи [2]). А такъ какъ въ 1635 году С. Косовъ былъ уже рукоположенъ во епископа мстиславскаго, могилевскаго и оршанскаго [3]); то онъ могъ преподавать философію только въ 1633—1635 годахъ. Объ Антоніѣ Пацевскомъ послѣ 1633 года ничего неизвѣстно. На мѣсто ихъ въ скоромъ времени являются въ Кіево-Братской Коллегіи новые дѣятели, подготовленные въ иновѣрныхъ польскихъ и заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ о. Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, въ 1635—6 учебномъ году преподававшій уже въ Кіево-Братской Коллегіи курсъ реторики, сохранившійся и до настоящаго времени [4]). Младшимъ же товарищемъ Горбацкаго по службѣ въ Коллегіи былъ Иннокентій Гизель, завершившій свое образованіе, по свидѣтельству одного источника, во Львовской Академіи [5]). Такъ какъ въ 1640—1 учебномъ году онъ былъ уже

---

[1]) „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, С. Голубева, т. I, Кіевъ 1883 г. Прилож. стр. 539.

[2]) „Исторія Русской Церкви“ м. Макарія, т. XII, 1883 г. стр. 109.

[3]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, 1886 г., прилож. стр. 81 и 85.

[4]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. Семинаріи“, М. И. Лилеева, С.-Петербургъ, 1880 г. № 174, стр. 200, и прилож. наше II.

[5]) См. наше приложеніе III.

ректоромъ Гойской Коллегіи на Волыни [1]); то надобно полагать, что до этого года онъ былъ преподавателемъ въ Кіево-Братской Коллегіи по 1639—1640 учебный годъ включительно. Учителемъ піитики въ $163^{7}/_{8}$ году, вѣроятно, былъ о. Котковскій, въ слѣдующемъ учебномъ году преподававшій уже реторику [2]). Учителемъ синтаксимы въ $163^{6}/_{7}$ году былъ Рафаилъ Заржецкій [3]).

„Вторый ректоръ и игуменъ Братскій Кіевскій,—по свидѣтельству списка настоятелей и ректоровъ кіево-братскаго монастыря 1760-хъ годовъ,—Софроній Почаскій, мужъ мудрый и добродѣтельный, 1638. Онъ потомъ былъ 1640 года игуменъ Молдавскій Яскій, преставися же року 1640" [4]). Но Софроній Почаскій къ концу своего ректорства уже не былъ кіево-братскимъ игуменомъ, такъ какъ игуменомъ Кіево-Братскимъ въ началѣ 1640 гражданскаго года былъ Леонтій Бронкевичъ [5]). Что дѣйствительно Почаскій былъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи съ 1638 до 1640 года, это подтверждается съ одной стороны жалованною грамотою польскаго короля Владислава IV отъ 12 мая 1638 года на отдачу Кіево-Братскому игумену Софронію Почаскому Кіевскихъ церквей Трехсвятительской и Воздвиженской [6]), а съ другой—отвѣтнымъ догматическимъ посланіемъ Константинопольскаго учителя Ѳеофила Коридалея, отъ 5 августа 1640 года, къ „Софронію Почаскому, прежде ректору Коллегіи

---

[1]) „Волынь", изд. П. Н. Батюшкова, С.П.Бургъ, 1883 г., стр. 166 и примѣч. 353.

[2]) „Исторія Кіевской Академіи" іеромонаха Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г. стр. 62 и 63; „Исторія Кіев. Д. Акад.", Голубева, I, прилож. стр. 78.

[3]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи", С. Голубева, вып. I. 1886 г., прилож. стр. 77.

[4]) См. наше приложеніе II.

[5]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. II, Кіевъ, 1877 г. стр. 61—2.

[6]) См. этотъ привилей въ „Описаніи рукописей Церковно-археологич. Муз. при Кіев. Дух. Академіи", Н. Петрова. № 220, стр. 207.

Кіевской, тогда же игумену Молдавскому Ясскому“ [1]). Въ ректорство Софронія Почаскаго, профессоромъ философіи въ Кіево-Братской Коллегіи былъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, преподававшій здѣсь трехлѣтній курсъ философіи въ 1639—1642 г.г., и отъ этого курса сохранились до настоящаго времени Діалектика и Логика, 1939—1640 года [2]); реторику же въ 1638—9 учебнымъ году преподавалъ о. Котковскій [3]).

Въ ректорство Софронія Почаскаго, Винницкая Коллегія переведена была въ Гощанскій монастырь на Волыни, основанный въ 1639 году княгинею Ириною Соломерецкою [4]), и первымъ ректоромъ Гощанской Коллегіи въ 1639—40 году былъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, а вторымъ съ 1640—1641 года—Иннокентій Гизель, вѣроятно пробывшій здѣсь не менѣе трехлѣтія, такъ какъ ректоръ Гойскій долженъ былъ избираться на три года [5]).

Третьимъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи и вмѣстѣ игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря былъ „іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, богомудрый и многоболѣзненный“ [6]), поступившій сюда изъ ректоровъ Гойской Коллегіи [7]). Онъ былъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи съ 1640 до 1642 года [8]). 7 іюня 1640 года послѣдовала на имя „велебнаго Игнатія Оксеновича, игумена Богоявленскаго Кіевскаго“, подтвердительная грамота польскаго короля Владислава IV

---

[1]) См. это письмо въ концѣ книги: Tractatus theologici orthodoxi de processione Spiritus Sancti, A. Zernikaw, Regiomonti, 1774.

[2]) См „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“. Н. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., № 126, стр. 232; „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г., прилож., стр. 78.

[3]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г. прилож. стр. 78.

[4]) „Подолія“ изд. П. Н. Батюшкова, С.Петербургъ, 1891 г., стр 97.

[5]) „Волынь“, изд. П. Н. Батюшкова, С.Петербургъ, 1888 г., стр. 166. „Вѣстникъ Зап. Россіи“, 1867 г., т. IV, кн. IX, отд. 1, стр 44. „Ист. Р. Ц.“, м. Макарія, XI, кн. 2, с. 581.

[6]) Списокъ 1760-хъ годовъ, въ приложеніи II-мъ.

[7]) См „Волынь“, изд. П. Н. Батюшкова, С.Петербургъ, 1888 г., стр. 166.

[8]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 62.

объ отдачѣ Кіево-Братскому монастырю двухъ кіевскихъ церквей Трехсвятительской и Воздвиженской [1]). Философію при немъ преподавалъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій [2]). Но весною 1642 года Старушичъ уже не былъ Кіево-Братскимъ ректоромъ и игуменомъ. Въ маѣ этого года, на православномъ Ясскомъ соборѣ, на которомъ разсмотрѣно и одобрено было „Православное исповѣданіе каѳолической вѣры", присутствовали кіевскіе ученые: Пустынно-Никольскій игуменъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, *проповѣдникъ Игнатій* (Оксеновичъ—Старушичъ) и Кіево-Братскій игуменъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій [3]). Послѣ того, Старушичъ „бысть игуменъ Выдубицкій, а потомъ и Бѣлорусскій епископъ; преставися року 1650" [4]).

Преемникомъ Старушича по Кіево-Братскому монастырю и Коллегіи былъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, „добрѣ подвизавшійся о ученіи въ школахъ" [5]). Въ своемъ философскомъ курсѣ 1639—1640 года Горбацкій самъ жаловался на слабость своего здоровья [6]), которая, вѣроятно, и была причиною сравнительно медленнаго движенія его по службѣ. Въ маѣ 1642 г. онъ присутствовалъ на Ясскомъ соборѣ, какъ мы видѣли, уже въ званіи Кіево-Братскаго игумена [7]). По

---

[1]) „Описаніе рукописей Церковно-археолог. музея при Кіев. дух. Академіи", Н. Петрова, № 220, стр. 207.

[2]) „Исторія Кіев. дух. Академіи", С. Голубева; вып. 1, Кіевъ, 1886 г., прилож., стр. 78.

[3]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. Семинаріи", М. И. Лилеева, С.Петербургъ, 1880 г., № 84, стр. 53; „Истор Русской Церкви", м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 592.

[4]) Списокъ 1760-хъ годъ, во II-мъ нашемъ приложеніи. См. также автобіографическія о немъ свѣдѣнія въ его эпитафіи, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", апрѣль, 1888 г., стр. 689 и 690. См. также „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. II, 1877 г., стр. 52.

[5]) Списокъ 1760-хъ годовъ см. во II-мъ нашемъ приложеніи.

[6]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ", Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г., № 126, стр. 232.

[7]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. семинаріи", М. И. Лилеева, С.П.Бургъ, 1880 г., № 84, стр. 53.

принятому доселѣ мнѣнію, Горбацкій былъ игуменомъ и ректоромъ Кіево-Братскимъ съ 1642 и до 1646 года, т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ, и въ 1646 году назначенъ былъ игуменомъ Кіево-Михайловскаго монастыря[1]). Но мы имѣемъ основаніе думать, что Горбацкій переведенъ въ игумены Кіево-Михайловскаго монастыря годомъ раньше, т. е. въ 1645 году, такъ какъ въ этомъ году онъ уже значится Кіево-Михайловскимъ игуменомъ[2]), а ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи былъ уже Иннокентій Гизель[3]). Ко времени ректорства Іосифа Кононовича Горбацкаго въ Кіево-Братской Коллегіи преосвященный Макарій Булгаковъ относитъ рукописный учебникъ по богословію, будтобы преподанный въ Кіево-Братской Коллегіи въ 1642—1646 годахъ и хранившійся въ его время въ Кіево-Софійской библіотекѣ. По словамъ преосвященнаго Макарія, учебникъ этотъ составленъ по руководству системы Ѳомы Аквината, безъ малѣйшихъ измѣненій въ порядкѣ[4]). Понятно, что такой учебникъ всего естественнѣе было бы приписать тогдашнему ректору Коллегіи Іосифу Кононовичу Горбацкому. Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ этого учебника въ Кіево-Софійской библіотекѣ, притомъ онъ не описанъ у преосвященнаго Макарія надлежащимъ образомъ. Поэтому естественно является предположеніе, не принадлежитъ ли указаніе преосвященнаго Макарія на этотъ учебникъ къ числу тѣхъ недоразумѣній, какія иногда встрѣчаются у него и при описаніи другихъ рукописныхъ учебниковъ старой Кіевской Академіи[5]). Мы сильно

---

[1]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 76.

[2]) „Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь“, Кіевъ, 1889 г., стр. 133.

[3]) „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г., № 128, стр. 233, и наше IV приложеніе № 5.

[4]) „Исторія Кіевской Академіи“ іеромонаха Макарія Булгакова. С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 69.

[5]) См., напр., въ нашемъ IV-мъ приложеніи №№ 11 и 24.

сомнѣваемся въ существованіи этого учебника, вопервыхъ, потому, что преподаваніе богословія въ Кіево-Братской Коллегіи въ это время противорѣчило бы извѣстному уже намъ привилею Владислава IV отъ 18 марта 1635 года и слѣдовательно было бы противозаконнымъ; во вторыхъ, Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, которому можно приписать этотъ учебникъ, выбылъ изъ Коллегіи, какъ мы знаемъ, въ 1645 году, слѣдовательно за годъ до окончанія учебника; въ третьихъ, преемникъ Горбацкаго по ректурѣ въ Кіево-Братской Коллегіи Иннокентій Гизель преподавалъ въ ней не богословіе, а философію [1]). Такимъ образомъ, нужно полагать, что Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, будучи ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи, преподавалъ въ ней философію. Въ ректорство Іосифа Кононовича Горбацкаго является преподавателемъ въ низшихъ классахъ Кіево-Братской Коллегіи Лазарь Барановичъ, который началъ здѣсь свою преподавательскую дѣятельность около 1642 года [2]). Вѣроятно, при Горбацкомъ же преподавалъ въ Кіево-Братской Коллегіи реторику Лука Шашкевичъ, бывшій потомъ префектомъ и ректоромъ въ Гощѣ [3]).

Перешедши въ 1645 году въ игумены Кіево-Михайловскаго монастыря, Іосифъ Кононовичъ Горбацкій пробылъ здѣсь до 1650 года, въ концѣ котораго посвященъ былъ во епископа Бѣлорусскаго, въ каковомъ санѣ и скончался въ томъ же году [4]).

Послѣднимъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи и вмѣстѣ

---

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г. № 128, стр. 233. Да и Игнатій Іевлевичъ, говоря о преподаваніи разныхъ наукъ въ Кіево-Братской коллегіи при П. Могилѣ, нигдѣ не упоминаетъ о богословіи. См. „Исторію Кіев. Дух. Академіи“ С. Голубева, вып. 1, прилож., стр. 77 и 78.

[2]) „Изъ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. Выпускъ 1. Лазарь Барановичъ“, Н. Ѳ. Сумцова, Харьковъ, 1885 г., стр. 7 и 8. Въ $164^{8}/_{9}$ году онъ преподавалъ уже въ коллегіи реторику. См. объ этомъ ниже.

[3]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, С. Голубева вып. 1, прил., стр. 78.

[4]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, стр. 76 и 77.

игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря при Петрѣ Могилѣ былъ Иннокентій Гизель. Но онъ годъ съ небольшимъ только занималъ эти должности при Петрѣ Могилѣ, скончавшемся 31 декабря 1646 года, и главною своею дѣятельностію принадлежитъ уже къ послѣ-могилинскому періоду въ исторіи Кіевской Академіи. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о ректорствѣ Иннокентія Гизеля, сдѣлаемъ общее заключеніе о могилинскомъ періодѣ исторіи Кіево-Братской Коллегіи.

Изъ предыдущаго видно, что Петръ Могила учредилъ, по примѣру иностранныхъ и иновѣрныхъ коллегій, двѣ православныя коллегіи, одну въ Кіевѣ, а другую въ Винницѣ, переведенную потомъ на Волынь въ Гощу. Въ начальники и преподаватели этихъ коллегій первоначально онъ приглашалъ лицъ, закончившихъ свое образованіе въ западныхъ академіяхъ, а потомъ и самъ посылалъ туда молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію. Этими мѣрами онъ достигъ того, что Кіево-Братская и Гойская коллегіи поставлены были умѣло и прочно въ научномъ отношеніи, могли успѣшно соперничать съ параллельными имъ польско-католическими коллегіями и образовали въ Южной Россіи цѣлое общество людей, научно образованныхъ въ духѣ православной церкви, которые поддерживали свѣточъ православной науки въ самомъ Кіевѣ, не смотря на послѣдующія неблагопріятныя обстоятельства, и отсюда разносили его по всей Россіи и по южнымъ православнымъ странамъ. Лучшею похвалою Кіево-Могилянской и Гойской коллегіямъ можетъ служить отзывъ о нихъ измѣнника православію и злѣйшаго врага его Кассіана Саковича, который, въ 1642 г. упрекая уніатовъ въ невѣжествѣ, говорилъ имъ: „Что ваши училища? Они ничего не значатъ не только предъ латинскими, но и предъ училищами Петра Могилы, Кіевскимъ и Гойскимъ“ [1]).

Изъ воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи въ моги-

[1]) „Исторія Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г. стр. 498.

линскій періодъ ея исторіи намъ извѣстны слѣдующія лица: Даджибогъ (Досиѳей) Маскевичъ, въ $163^4/_5$ учебномъ году бывшій ученикомъ піитики и слѣдовательно окончившій курсъ въ 1638 году[1]). Гавріилъ Домецкій, помнившій возмущеніе кіевлянъ противъ лаврской Могилинской Коллегіи въ 1631 году[2]); Выдубицкій игуменъ Климентій Старушичъ, съ молодыхъ лѣтъ данный въ науку и учившійся философіи, младшій братъ Игнатія Оксеновича Старушича († 1664)[3]); Лазарь Барановичъ, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій, закончившій свое образованіе въ польско-католическихъ академіяхъ[4]) и въ $164^6/_7$ учебномъ году преподававшій въ Кіево-Братской Коллегіи реторику; Ѳеодосій Василевичъ Баевскій, преподававшій въ томъ же году въ Кіево-Братской Коллегіи Піитику[5]); товарищи Л. Барановича по школьному ученію въ Кіево-Братской Коллегіи Ѳеодосій Сафоновичъ[6]) и Мелетій Дзикъ[7]); Іоакимъ Савеловъ, впослѣдствіи патріархъ Московскій[8]); Епифаній Славинецкій, закончившій образованіе въ заграничныхъ училищахъ[9]), Арсеній Сатановскій и и Дамаскинъ Птицкій—вызванные всѣ трое въ 1649 году

---

[1]) „Исторія Кіевской дух. Академіи“, С. Т. Голубова, вып. 1, прилож. стр. 85.

[2]) Тамъ же, стр. 229, и „Обзоръ русской духовной литературы“, архіеп. Филарета Гумилевскаго, изд. 3, С.П Бургъ, 1884 г., стр. 265 и 266; о вершахъ его см. мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. музея № 667, стр 672.

[3]) „Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка“. М. Марковскаго, Кіевъ, 1894 г., стр. 73 и прилож. стр. 32 и 33.

[4]) „Лазарь Барановичъ“, Н. Ѳ. Сумцова, Харьковъ, 1885 г., стр. 7.

[5]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 257.

[6]) „Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., письмо 124, гдѣ Барановичъ пишетъ Ѳ. Сафоновичу: „съ вами я росъ“. Въ письмѣ 131 къ Мелетію Дзику: „когда-то въ трагедіи мы вмѣстѣ играли: я—роль Іосифа, а въ Бозѣ почившій (т. е. Сафоновичъ)—роль Веніамина“.

[7]) Тамъ же, письмо 131, гдѣ Барановичъ называетъ М. Дзика „товарищемъ“.

[8]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 208.

[9]) См. наше приложеніе III, и слѣдующее примѣчаніе.

бояриномъ Ртищевымъ въ Москву [1]); Порфирій Трофимовичъ Сѣменниковъ, впослѣдствіи дьякъ Московскій, при посредствѣ котораго вызваны были въ Москву означенные три монаха [2]): Θео. Горбскій, окончившій курсъ въ 1647 году [3]), Игнатій Іевлевичъ [4]), и др.

По смерти Петра Могилы, Кіево-Братская и Гойская коллегіи продолжали существовать параллельно, по крайней мѣрѣ до 1672 года, въ которомъ Гойская коллегія истреблена была пожаромъ, вѣроятно, во время одного изъ набѣговъ татаръ и турокъ [5]),— и послѣ этого до 1700 года оставалась для всей южной Россіи одна только Кіево-Братская Коллегія. Во весь этотъ періодъ времени Кіево-Братская Коллегія неизмѣнно оставалась вѣрною своему просвѣтительному призванію, но выполняла его съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ первые четыре съ половиною года по смерти Петра Могилы дѣятельность Кіево-Братской Коллегіи, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя для нея условія, была какъ бы продолженіемъ дѣятельности ея при Петрѣ Могилѣ; но съ 1651 года Кіево-Братская Коллегія неоднократно подвергается разореніямъ и опустошеніямъ, фактически прекращавшимъ на время

---

[1]) „Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ", съ прибавленіями, Москва, 1885 г., кн. IV, стр. 554.

[2]) Кіево-Братскій училищный монастырь", Н. Θ. Мухина, Кіевъ, 1894 г. стр. 360.

[3]) „Труды Кіев. дух. Академіи", февраль 1888 г., стр. 291, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 1, Москва, 1892 г. № 128, стр. 233.

[4]) „Исторія Кіев. дух. Академіи", С. Голубева, вып. 1, прилож. стр. 77 и 78.

[5]) „Письма Лазаря Барановича", Черниговъ, 1765 г., письмо 114 къ Сильвестру Головчичу. См. о ней также „Волынь", изд. П. Н. Батюшкова, С. Петербургъ, 1888 г.. стр. 166 и примѣч. 353. Королевскимъ привилеемъ 18 марта 1681 года Гойскій монастырь со всѣми принадлежностями отданъ въ пожизненное владѣніе тайному уніату, львовскому епископу Іосифу Шумлянскому. См. „Труды Кіев. дух. Академіи", августъ, 1870 г., стр. 423 и 424.

самое ея существованіе, и возраждается въ новомъ блескѣ лишь съ 1680-хъ годовъ.

Умирая, Петръ Могила оставилъ „благодѣтелемъ и покровителемъ кіевскихъ школъ“ тогдашняго ректора ихъ Иннокентія Гизеля, который, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, старался оправдать оказанное ему довѣріе. Къ сожалѣнію, тогдашнія обстоятельства Кіева и южной Руси не благопріятствовали полному процвѣтанію Коллегіи. То были съ одной стороны усиленіе польско-католической пропаганды, и водвореніе іезуитовъ въ Кіевѣ, а съ другой—возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, бывшія причиною уменьшенія числа воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи.

Еще въ 1640 году Кіевскій воевода (Янъ Тышкевичъ) пытался уничтожить Кіево-братскую Коллегію, „Досадуя,—писалъ Петръ Могила Минскому братству—что въ моемъ коллегіумѣ обучается великое множество молодежи русской, и опасаясь, что юноши эти, изучивъ науки, могутъ показать правду всему свѣту и могущественно оборонять св. церковь, воевода приказалъ своему замковому намѣстнику взвести клету на какого либо студента въ важномъ преступленіи, чтобы студенты, устрашившись, разбѣжались по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде учились. И вотъ въ первый понедѣльникъ великаго поста, когда студентъ Ѳеодоръ Гоголевскій шелъ черезъ площадь, его схватили и повлекли въ замокъ. Тамъ слуга намѣстника Сепачъ удостовѣрялъ, будто ночью, когда онъ съ другими находился въ корчмѣ, студенты сдѣлали нападеніе на домъ и кого-то ранили. Намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы произвесть разслѣдованіе, приказалъ тотчасъ студента обезглавить,—и это случилось въ мое отсутствіе изъ Кіева [1]). Съ цѣлію же борьбы съ Кіево-братской Коллегіей Тышкевичъ ввелъ въ Кіевъ іезуитовъ.

---

[1]) „Истор. Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г. стр. 499.

Незадолго до смерти Петра Могилы, въ 1645 г., іезуиты утвердились въ Кіевѣ, на Подолѣ, и устроили здѣсь костелъ и коллегіумъ, получившій королевскую привиллегію въ слѣдующемъ 1646 году [1]). Они не преминули дѣлать покушенія и на Кіево-Братскую Коллегію. „Когда въ Кіевѣ Могилеанское коллегіумъ русское стало, и тамо законныки православны учили, то тому іезуити завидя, костеликъ свой и школы подъ горою Здихалницею построили, чтобы студенти зъ Коллегіумъ руского до іезуитского переходили для наукъ и латинской вѣры научилися, и до латинскаго костела приступили, и того времени много студентовъ своеволнихъ зъ Коллегіумъ руского до іезуитского перейшло, для того, что который студентъ что въ Коллегіумъ рускомъ преступилъ, тотъ за свое преступленіе наказанія боися, заразъ до Коллегіумъ іезуитского утекалъ, и уже безопаснымъ тамъ былъ и до латинской вѣри приставалъ“ [2]). Правда, во время возстанія Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ въ 1648 году костелъ и коллегіумъ іезуитскіе въ Кіевѣ были уничтожены [3]); но самое это возстаніе Б. Хмельницкаго уменьшило ряды взрослыхъ слушателей Коллегіи, которые бросали школьныя занятія и уходили въ ряды защитниковъ родины. Въ это именно время выбылъ изъ Кіево-Братской Коллегіи Иванъ Самойловичъ, впослѣдствіи гетманъ Запорожскій [4]). По словамъ В. И. Аскоченскаго, „день ото дня пустѣли коллегіальныя аудиторіи, и высшіе классы едва влачили свое существованіе,

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., стр. 179; Historya szkol w Koronie i w W. Ks. Litewskiem, І. Лукашевича, Познань, т. І, 1849 г., стр. 351.

[2]) См. Списокъ 1760-хъ годовъ въ нашемъ II-мъ приложеніи. Это взято изъ сочиненія І. Галятовскаго „Фундамента и Штурмы“, 1683 года.

[3]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., Т. І, стр. 203 и др.

[4]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, Кіевъ, 1856 г. ч. 1, стр. 180.

постепенно утрачивая слушателей. Почти тоже было и въ среднихъ; однѣ только низшія оставались въ полномъ своемъ составѣ, да и то до времени“ [1]). Мы, впрочемъ, имѣемъ основаніе считать эту картину тогдашняго состоянія Коллегіи слишкомъ яркою и несоотвѣтствующею дѣйствительному положенію дѣлъ. Комплектъ профессоровъ Коллегіи въ это время былъ въ полномъ составѣ [2]). При томъ же, въ началѣ возстанія Б. Хмельницкаго учились въ Кіево-Братской коллегіи и вскорѣ окончили въ ней курсъ извѣстные впослѣдствіи представители южно-русской науки и литературы: Симеонъ Ситняновичъ Полоцкій, ученикъ Лазаря Барановича, окончившій ученіе въ Кіево—братской Коллегіи около 1650 года и завершившій его въ западныхъ заведеніяхъ [3]); Іоанникій Галятовскій, имѣвшій наставникомъ своимъ въ инфимѣ и реторикѣ Лазаря Барановича [4]), преподававшаго реторику въ $164^{6}/_{7}$ учебномъ году [5]), и слѣдовательно окончившій полный курсъ Коллегіи въ 1649 году; Антоній Радивиловскій, котораго Лазарь Барановичъ называетъ однимъ изъ своихъ питомцевъ [6]). Въ $164^{6}/_{7}$ учебномъ году учился въ піитическомъ классѣ Коллегіи Тимоѳей Топоровъ [7]), который могъ окончить полный курсъ въ Коллегіи въ 1651 году. Конечно, всѣ эти воспитанники Кіевской Коллегіи были только немногіе изъ числа многихъ товарищей своихъ.

Во всякомъ случаѣ, если и уменьшилось число учащихся

---

[1]) Тамъ же, стр. 177.

[2]) Въ 1649 г. посѣтилъ Кіево-Братскую Коллегію іерусалимскій патріархъ Паисій, въ іюлѣ, и видѣлъ преподавателей Коллегіи. См. тамъ же стр. 171.

[3]) „Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ“, съ прибавленіями, 1885 г., кн. IV, стр. 562--566.

[4]) „Іоанникій Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр 7.

[5]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 257.

[6]) „Письма Л. Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 83 к. Радивиловскому, котораго Барановичъ называетъ „однимъ изъ своихъ“.

[7]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 257.

въ Кіево-Братской Коллегіи по смерти Петра Могилы; то комплектъ преподавателей и порядокъ и строй преподаванія нисколько не измѣнились противъ прежняго при Иннокентіѣ Гизелѣ. Послѣдній былъ ректоромъ Коллегіи и Кіево-Братскимъ игуменомъ съ 1645 и до 1650 года [1]). Отъ первыхъ годовъ его ректорства въ Коллегіи сохранился рукописный учебникъ по философіи, подъ заглавіемъ Opus totius philosophiae, преподанный профессоромъ философіи и ректоромъ Кіевской Коллегіи Иннокентіемъ Гизелемъ и переписанный студентомъ Ѳ. Горбскимъ. Учебникъ этотъ заключаетъ въ себѣ Діалектику, Логику, Физику и Метафизику. Изъ нихъ Логика окончена 6 апрѣля 1646 года; слѣдов., курсъ начатъ былъ съ $164^{5}/_{6}$ учебнаго года. Оконченъ онъ 23 іюня 1647 года [2]), слѣдовательно преподавался въ теченіи двухъ лѣтъ. Надобно полагать, что въ 1647—1649 учебныхъ годахъ Иннокентій Гизель вторично преподавалъ въ Коллегіи философскій курсъ. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Въ $154^{6}/_{7}$ учебномъ году профессоромъ піитики въ Кіево-Братской Коллегіи былъ Ѳеодосій Василевичъ Баевскій, а профессоромъ реторики—Лазарь Барановичъ [3]). По естественному порядку вещей, въ слѣдующихъ $164^{7}/_{8}$ или $164^{8}/_{9}$ учебныхъ годахъ, Лазарь Барановичъ долженъ бы былъ перейти на каѳедру философіи; но этого на самомъ дѣлѣ не случилось, потому что непосредственный ученикъ Лазаря Барановича по инфимѣ и реторикѣ Іоанникій Галятовскій уже не былъ ученикомъ его въ философскомъ классѣ [4]). Слѣдовательно, философію въ 1647—1649 годахъ

---

[1]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ 1893 г., стр. 79 и 80. О ректорствѣ его съ 1645 года см. выше.

[2]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, февраль, 1888г., стр. 290—294, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., № 128, стр. 233; „Исторія Кіев. дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 78.

[3]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 257.

[4]) „Іоанникій Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 7.

преподавалъ кто либо другой и, всего естественнѣе, самъ ректоръ Иннокентій Гизель. Что же касается Лазаря Барановича, то онъ, окончивъ въ 1647 году реторическій курсъ, по всей вѣроятности, выбылъ изъ Кіева, можетъ быть, въ ректоры Гойской Коллегіи на Волыни [1]). Младшій же товарищъ Барановича по Коллегіи Ѳеодосій Василевичъ Баевскій въ $164^{7}/_{8}$ учебномъ году долженъ былъ преподавать въ ней курсъ реторики, а въ іюнѣ, въ 1649 году, онъ отправлялся въ Москву въ качествѣ представителя Кіево-Братскаго училищнаго монастыря ходатайствовать за него предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и испрашивалъ для своего монастыря царской милостыни [2]). Въ 1649—1651 годахъ Ѳеодосій Василевичъ Баевскій могъ преподавать въ Кіево-Братской Коллегіи философію. По крайней мѣрѣ, въ одномъ спискѣ префектовъ Кіевской Академіи Ѳеодосій Василевичъ Баевскій значится „намѣстникомъ монастыря Братскаго Кіевскаго и префектомъ школъ“ [3]). Учителями же въ низшихъ классахъ Коллегіи, до 1649 года, были вызванные въ этомъ году въ Москву Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій, которыхъ Иннокентій Гизель называлъ „отъ нашего собора учителями [4]).

30 марта, 1650 года, Иннокентій Гизель былъ уже игуменомъ Кирильскимъ, числясь въ то же время и ректоромъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Сильвестру Головчичу, около 1672 г., вѣроятно тогда еще бывшему Гойскимъ игуменомъ и ректоромъ, Л. Барановичъ, сожалѣя о сожженіи татарами и турками Гойскаго монастыря, поручаетъ особому попеченію Головчича давняго служителя братства и стараго пономаря Антонія, вѣроятно, извѣстнаго Барановичу еще по жизни въ Гощѣ. См. „Письма Л. Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 114. Вѣроятно, Гойскимъ ректоромъ Барановичъ былъ послѣ Луки Шашкевича.

[2]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Мухина, 1893 г. стр. 80 и слѣд.

[3]) См. Списки 1760-хъ годовъ въ нашемъ II-мъ приложеніи.

[4]) Акты Юго-западной и Западной Россіи“, т. III, № 259; см. „Кіево-Братскій училищный монастырь, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 360.

монастыря Братскаго Кіевскаго[1]). Но въ томъ же году онъ отказался отъ ректорства въ Коллегіи[2]); въ 1652 году переведенъ въ игумены Пустынно-Николаевскаго монастыря, а въ 1656 году возведенъ въ санъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры и въ этомъ санѣ скончался въ 1683 году[3]).

Преемникомъ Иннокентія Гизеля по Кіево-Братскому монастырю и Коллегіи былъ Лазарь Барановичъ, съ 1650 года. Но, до прибытія Барановича въ Кіевъ, временно исполнялъ должность Кіево-Братскаго игумена нѣкто Іосифъ, упоминаемый въ царской грамотѣ 30 августа 1650 года[4]), или Кіево-Печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, или Кіево-Михайловскій игуменъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій. Дѣйствительнымъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи Лазарь Барановичъ былъ только одинъ $16^{50}/_{51}$ учебный годъ, а носилъ званіе Кіево-Братскаго игумена и ректора до 1658 года[5]). Самъ онъ едва ли преподавалъ что-либо въ Коллегіи. По всей вѣроятности, профессорами Коллегіи въ его ректорство были его товарищи по школѣ Ѳеодосій Василевичъ Баевскій, Ѳеодосій Сафоновичъ и Мелетій Дзикъ, бывшіе потомъ преемственно намѣстниками Барановича по Кіево-Братскому монастырю[6]). Но преподавательская дѣятельность ихъ продолжалась недолго. Въ августѣ 1651 года, во время нашествія литовскаго гетмана Яна Радзивила на Кіевъ, Кіево-Подолъ

---

[1]) „Кіевская Старина", мартъ, 1886 г., стр. 489.

[2]) Въ этомъ году Кіево-Братскимъ игуменомъ значится нѣкто Іосифъ. См „Кіево-Братскій училищный монастырь", Н. Мухина, стр. 81.

[3]) „Описаніе Кіево-Соф. собора", м. Евгенія, 1825 г., прилож., стр. 227.

[4]) П. Ѳ Мухинъ въ своемъ сочиненіи „Кіево-Братскій училищный монастырь", Кіевъ, 1893 г., стр. 81, предполагаетъ, что то былъ бывшій ректоръ Коллегіи, а тогдашній игуменъ Михайловскій Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, такъ какъ „въ то время въ Кіевѣ не было (де) другаго Іосифа". Но въ то время былъ въ Кіевѣ и другой Іосифъ, именно Тризна, Кіево-Печерскій архимандритъ.

[5]) „Кіево-Братскій училищный монастырь", Н. Мухина, 1893 г., стр. 83.

[6]) О нихъ будетъ сказано ниже.

былъ выжженъ [1]), а вмѣстѣ съ Подоломъ пострадала и Кіево-Братская Коллегія и опустѣла [2]). Вѣроятно, въ это время выбылъ изъ нея въ заграничныя школы, не окончивъ ученія, Варлаамъ Ясинскій, котораго Лазарь Барановичъ называлъ впослѣдствіи „плодоносною вѣтвью“ своего „винограда“ [3]), а можетъ быть, и Ѳеодосій Углицкій, въ 1662 году бывшій уже игуменомъ Корсунскимъ [4]).

По опустошеніи въ 1651 году Кіево-Братскаго монастыря и Коллегіи, Лазарь Барановичъ съ 1651 года былъ Кіево-Кирилловскимъ игуменомъ, а затѣмъ, въ томъ же году, отправился въ Купятичскій и Дятеловецкій монастыри [5]), откуда возвратился въ Кіевъ въ концѣ 1655 или въ началѣ 1656 года, привезши сюда съ собою Купятицкую икону Богородицы, которая и доселѣ находится въ Кіево-Софійскомъ соборѣ [6]). Но Барановичъ возвратился въ Кіевъ лишь для того, чтобы снова и окончательно покинуть его. Въ 1657 году кіевскій митрополитъ Сильвестръ Косовъ выдалъ Лазарю Барановичу одобрительную грамоту на епископство, которая подкрѣплена была рекомендаціями гетмана Богдана Хмельницкаго и генеральнаго писаря Ивана Выговскаго. Съ этими документами Барановичъ отправился въ Молдавію и здѣсь, въ г. Яссахъ, съ согласія молдавскаго господаря Георгія Стефана, 8 марта 1657 года былъ хиротонисованъ во епископа

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., I, стр. 42 и 43.

[2]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, ч. I, Москва, 1868 г., стр. 156.

[3]) „Письма Л. Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 30.

[4]) „Черниговскіе іерархи“, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, 1860 г. кн II, стр. 219. Въ это же время могли учиться въ Кіевской Коллегіи молодые люди изъ Москвы Порфирій Зеркальниковъ и Иванъ Озеровъ. См. „Истор. Р. Ц.“, м. Макарія, XI, кн. 2, стр. 135.

[5]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, ч. I, Москва, 1868 г., стр. 352.

[6]) „Іоанникій Галятовскій“, Д Климовскаго, Вильна, 1884 г. стр. 8. Сн. „Письма Лазаря Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 72, примѣч.

Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго. На этой каѳедрѣ онъ и скончался въ 1693 году, съ званіемъ архіепископа [1]).

Но, оставивъ въ 1652 году Кіево-Братскій монастырь и Коллегію, Лазарь Барановичъ до 1658 года продолжалъ именоваться Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ, управляя сими учрежденіями чрезъ своихъ намѣстниковъ. Такими намѣстниками, въ отсутствіе Барановича, были: Ѳеодосій Василевичъ Баевскій, Ѳеодосій Сафоновичъ, Мелетій Дзикъ и, можетъ быть, Іоанникій Голятовскій.

Ѳеодосій Василевичъ Баевскій, бывшій, какъ мы видѣли, профессоромъ и префектомъ Кіево-Братской Коллегіи,—послѣ ея опустошенія оставался намѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря и въ 1653 году избранъ былъ въ игумены Кіево-Михайловскаго монастыря [2]), а оттуда назначенъ Слуцкимъ архимандритомъ, а потомъ—Бѣлорусскимъ епископомъ († 1678 г.) [3]).

Послѣ Ѳеодосія Василевича Баевскаго, намѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря въ 1653—1655 годахъ былъ Ѳеодосій Сафоновичъ. Въ 1654 году Сафоновичъ двукратно обращался съ просьбами къ царю Алексѣю Михайловичу о дарованіи разныхъ имущественныхъ правъ Кіево-Братскому монастырю: въ первый разъ—самъ лично, зимою, а въ другой разъ,—въ іюлѣ, чрезъ Никольскаго игумена Иннокентія Гизеля [4]). Въ 1655 году Сафоновичъ избранъ былъ въ санъ Кіево-Михайловскаго игумена и въ этомъ санѣ скончался въ 1676 году [5]).

---

[1]) „Лазарь Барановичъ“, Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1885 г., стр. 9—13 и 183.

[2]) „Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь“, Кіевъ, 1889 г., стр. 133.

[3]) „Ѳеодосій Василевичъ, еп. Могилевскій“, Н. Петропавловскаго въ „Могилев. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., №№ 32—34.

[4]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Мухина, 1893 г., стр. 87.

[5]) „Описаніе Кіева“, Закревскаго, ч I, стр. 521, и „Кіево-Златоверхо-Мих. монастырь“, Кіевъ, 1889 г., стр 133. Сн. „Труды Кіев. дух. Академіи“ декабрь, 1894 года.

Третьимъ, по времени, намѣстникомъ Лазаря Барановича по Кіево-Братскому монастырю былъ Мелетій Дзикъ, съ 1655 до 1657 года[1]). Въ его намѣстничество, въ концѣ 1655 или въ началѣ 1656 года, возвратился въ Кіевъ изъ Купятичскаго монастыря Лазарь Барановичъ и привезъ съ собою бывшаго ученика своего Іоанникія Галятовскаго, поручивъ ему преподаваніе въ возобновляемой Кіево-Братской Коллегіи[2]). Въ званіи учителя, Галятовскій переходитъ изъ класса въ классъ, и въ 1657 году онъ былъ уже профессоромъ реторики[3]). Вѣроятно, вслѣдствіе возстановленія Коллегіи, намѣстникъ Дзикъ, какъ ближайшій начальникъ ея, въ нѣкоторыхъ спискахъ называется ректоромъ и даже игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря[4]), и его ректурѣ отводятъ время съ 1655 до 1657 года[5]).

Между тѣмъ, въ 1657 году Лазарь Барановичъ передалъ Мелетію Дзику свое Кіево-Кирилловское игуменство[6]). Вѣроятно, Барановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился и замѣщеніемъ открывшейся послѣ М. Дзика намѣстнической вакансіи въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Кто занялъ эту вакансію,—съ точностію неизвѣстно; но знаемъ, что съ 1657 года главнымъ дѣятелемъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ и Коллегіи является Іоанникій Галятовскій, или какъ намѣстникъ, или какъ нареченный игуменъ и ректоръ Кіево-Братскій. Въ $165^{7}/_{8}$ учебномъ году онъ преподаетъ въ Кіево-Братской Коллегіи реторику[7]). Слушателемъ его, судя по

---

[1]) „Описаніе Кіева“, Закревскаго, ч. I, стр. 352 и приложеніе.

[2]) Акты Южн. Росс., III, 518; „Іоанникій Галятовскій“, Н. Ѳ. Сумцова, Кіевъ, 1884 г., стр. 17; „І. Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 9.

[3]) „І. Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 9.

[4]) Списки 1760-хъ годовъ во II-мъ нашемъ приложеніи.

[5]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г. ч. 1, Приложеніе.

[6]) Тамъ же, стр. 352; „Письма Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 131 къ М. Дзику.

[7]) „І. Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 9.

времени, могъ быть Павелъ Моравскій, впослѣдствіи митрополитъ Рязанскій [1]). Около этого же времени учился въ Кіево-Братской Коллегіи сынъ Богдана Хмельницкаго Юрій Хмѣльницкій, впослѣдствіи гетманъ запорожскій [2]). Плодомъ занятій Галятовскаго реторикою было составленіе имъ „Ключа разумѣнія“, съ приложеніемъ „Науки альбо способа зложеня казаня“, которая есть не что иное, какъ примѣненіе общихъ реторическихъ правилъ къ церковному краснорѣчію или проповѣди [3]). Въ слѣдующемъ $165^{8}/_{9}$ учебномъ году І. Галятовскій былъ уже дѣйствительнымъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи и игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря [4]).

Ректорство Іоанникія Галятовскаго началось, повидимому, при благопріятныхъ для Кіево-Братской Коллегіи условіяхъ. Гетманъ Иванъ Выговскій, измѣнивши Россіи и передавшись Польшѣ, гадячскимъ договоромъ съ поляками 6 сентября, 1658 года, выговорилъ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „6) Академіи въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными Краковской, съ тѣмъ однакожъ, чтобы здѣсь не было ни профессоровъ, ни учениковъ исповѣданія аріанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго; прочія же всѣ школы католицкія, какія дотолѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей; 7) дозволить и другую академію завести на томъ же основаніи, гдѣ способнѣе усмотрится, и въ томъ мѣстѣ другимъ иновѣрнымъ школамъ также не быть“, и проч. [5]). Но измѣна Выговскаго привела только къ междоусобной войнѣ между самими казаками, во время которой,

---

[1]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, ч. I, Кіевъ, 1856 г., стр. 180.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, ч. 1, Кіевъ, 1856 г., стр. 188.

[3]) „Ключъ разумѣнія“ въ первый разъ изданъ былъ въ Кіевѣ въ 1659 году.

[4]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, т. 1, Москва, 1868 г., приложеніе; „Кіевская Старина“, январь, 1884 г., стр. 20; „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ 1893 г., стр. 91 и 92.

[5]) „Описаніе Кіево-Соф. собора и Кіевской епархіи“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., стр. 180.

въ 1658 году, Кіево-Братскій монастырь со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями если не былъ совершенно истребленъ пожаромъ, то значительно пострадалъ. Всѣ документы, подтверждавшіе его права на разныя угодья и помѣстья, были уничтожены огнемъ, вслѣдствіе чего монастырскія имѣнія стали подвергаться захватамъ со стороны любителей чужой собственности [1]). Іоанникій Галятовскій, сдѣлавшись ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи и игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, выхлопоталъ подтвержденіе прежнихъ и дарованіе новыхъ правъ коллегіи и монастырю, возстановилъ Коллегію изъ развалинъ и снова открылъ въ ней ученіе, постепенно открывая классы, начиная съ низшихъ, и самъ одинъ, за недостаткомъ учителей, занимаясь въ нихъ. Преподаваніе въ Коллегіи, по всей вѣроятности, возстановлено съ $16^{60}/_{61}$ учебнаго года, такъ какъ къ $166^{5}/_{6}$ учебному году Іоанникій Галятовскій прошелъ уже курсъ реторики и задавался мыслію открыть въ Коллегіи высшіе классы [2]). Ученикомъ Галятовскаго въ это время былъ св. Димитрій Туптало, впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій, и, вѣроятно, сверстникъ его Филоѳей Лещинскій [3]). Но педагогическая дѣятельность І. Галятовскаго въ Кіево-Братской Коллегіи и теперь, какъ и прежде, закончилась классомъ реторики, и по тѣмъ же обстоятельствамъ, по какимъ и прежде. Послѣ пятилѣтней войны, Кіевъ, переходя то къ полякамъ, то къ казакамъ, наконецъ въ 1665 году подвергся страшному разоренію, а вмѣстѣ съ нимъ пострадала и коллегія. Галятовскій принужденъ былъ оставить ее и болѣе трехъ лѣтъ, по собственному выраженію, „скитался на Подолѣ, Волыни, Литвѣ и на иншихъ мѣстахъ, не маючи своей обители, але тулаючися и блукаючи по свѣту въ

---

[1]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 92; см. „Исторію Русской церкви, м. Макарія, т. XII. 1883 г., стр. 550.

[2]) „Іоанникій Галятовскій“, Д. Климовскаго, Вильна, 1885 г., стр. 13.

[3]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 6; „Кіевъ“, Аскоченскаго, ч. I, стр. 217.

чужихъ обителяхъ", но до 1669 года удерживалъ почетное званіе игумена и ректора Братскаго. Въ концѣ 1668 года Галятовскій, peregrinabundus z Litwy, какъ самъ выражается, пришелъ въ Новгородъ—Сѣверскъ къ Лазарю Барановичу, который „принялъ его съ радостію" и 6 августа 1668 года посвятилъ его въ архимандрита Елецкаго Черниговскаго монастыря [1]).

Время послѣ оставленія І. Галятовскимъ Кіево-Братскаго монастыря и Коллегіи въ 1665 году въ исторіи Кіевской Академіи доселѣ представляется весьма темнымъ. Тогда какъ протоіерей Страдомскій склоненъ думать, что І. Галятовскій до самаго 1669 года былъ дѣйствительнымъ ректоромъ и игуменомъ Кіево-Братскимъ [2]),—нѣкоторые другіе полагаютъ, что, послѣ удаленія Галятовскаго изъ Кіева, Кіево-Братскою Коллегію завѣдывалъ въ 1666—1669 годахъ Кириловскій игуменъ Мелетій Дзикъ [3]). Но послѣдніе, очевидно, по ошибкѣ переносятъ на эти годы административно—педагогическую дѣятельность Мелетія Дзика, въ дѣйствительности относящуюся, какъ мы видѣли, къ 1655—1657 годамъ [4]). Мы, съ своей стороны, имѣемъ основаніе утверждать, что непосредственнымъ преемникомъ І. Галятовскаго по Кіево-Братскому монастырю и Коллегіи былъ молодой ученый іеромонахъ Варлаамъ Ясинскій, избранный на должность игумена и ректора Кіево-Братскаго въ концѣ 1665 года.

Получивъ первоначальное образованіе въ Кіево-Братской

---

[1]) „Іоанникій Галятовскій", Н. Ѳ. Сумцова, Кіевъ, 1885 г., стр. 46; „Іоанникій Галятовскій", Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 12—16. Вѣроятно, во время пребыванія въ Литвѣ Галятовскій переводилъ съ польскаго „житія святыхъ" іезуита Петра Скарги. См. „Кіев. Старину". апрѣль, 1889 г., стр. 183.

[2]) „Письма Лазаря Барановича", Черниговъ, 1865 г.. письмо 26, примѣч. 2.

[3]) „І. Галятовскій" Д. Климовскаго, Вильна, 1884 г., стр. 13; „св. Димитрій. Ростовскій и его время", И. А. Шляпкина, С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 6, и др.

[4]) См. объ этомъ выше.

Коллегіи при Лазарѣ Барановичѣ[1]), Варлаамъ Ясинскій закончилъ это образованіе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Кажется, реторику онъ слушалъ въ Ельбингѣ[2]), а философію—въ Ольмюцѣ. Въ Кіево-Софійской библіотекѣ есть часть философскаго рукописнаго курса, заключающая физику и метафизику, оконченная въ іюнѣ 1657 года въ Ольмюцѣ профессоромъ Адамомъ Германномъ и писанная, судя по славяно-русскимъ вставкамъ и припискамъ, русскимъ воспитанникомъ, съ позднѣйшими собственноручными замѣтками Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго въ началѣ и въ концѣ рукописи[3]). Поэтому можно думать, что Варлаамъ Ясинскій слушалъ философскій курсъ въ Ольмюцѣ и закончилъ его въ 1657 году. Затѣмъ, онъ учился еще въ Краковской Академіи и тамъ, не смотря на препятствія, увѣнчанъ философскимъ колпакомъ[4]), а могъ возвратиться въ Кіевъ во время вторичнаго курса наукъ въ Кіево-Братской Коллегіи при І. Галятовскомъ, т. е. между 1660—1665 годами[5]), и быть преподавателемъ въ Коллегіи. По сообщенію списка Кіево-Братскихъ настоятелей, 1760-хъ годовъ, „Игуменъ Братского Кіевского монастыря и ректоръ Варлаамъ Ясѣнскій избранъ отъ всего Консистору Митрополіи Кіевскія 1665 года ноября 13 дня“[6]), но избранъ, вѣроятно, на основаніи предварительнаго избранія его братіею Кіево-Братскаго монастыря; потому что Черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ въ

---

[1]) См. объ этомъ выше.

[2]) См. Orator extemporaneus, съ замѣтками В. Ясинскаго, въ моемъ „Описаніи рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, № 229, стр. 275. Вторую часть этой реторики см. въ рук. Кіево-Соф. собора, № 475.

[3]) Рукопись Кіево-Софійскаго собора, № 388.

[4]) „Обзоръ русской духовной литературы“ архіепископа Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 209.

[5]) Если В. Ясинскій въ Краковской Академіи выслушалъ четырехлѣтній богословскій курсъ, то могъ возвратиться въ Кіевъ около 1661 года.

[6]) См. эти списки во II-мъ нашемъ приложеніи. Сн. „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, стр. 208; но въ приложеніи (стр. 227) м. Евгеній противорѣчитъ себѣ.

письмѣ намѣстнику Братскаго монастыря съ братіею, 6 января 1666 года, писалъ слѣдующее: „я въ восторгѣ отъ единодушнаго избранія, на которомъ Духъ святый послалъ вамъ свои взыки и пречестнаго отца Ясинскаго,—плодоносную вѣтвь моего винограда. Поздравляю его вашимъ кіевскимъ ректоромъ“ [1]). 6 января, 1666 года, Варлаамъ Ясинскій „произведенъ игуменомъ и ректоромъ отъ Меѳодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, блюстителя каѳедры Митрополитанской Кіевской“ [2]).

Сдѣлавшись игуменомъ и ректоромъ Кіево-Братскаго монастыря, Варлаамъ Ясинскій немедленно принялся за возстановленіе Коллегіи. Въ началѣ 1666 года она уже существовала, хотя и въ зачаточномъ состояніи. „Кіевскій Коллегіумъ умалился, сталъ какъ малый Закхей“, писалъ 6 января 1666 года Лазарь Барановичъ [3]). Въ томъ же или слѣдующемъ 1667 г. Варлаамъ Ясинскій заботился о пріисканіи учителей для Коллегіи и писалъ объ этомъ Лазарю Барановичу, который въ отвѣтномъ письмѣ изъ Москвы, гдѣ онъ присутствовалъ на Московскомъ соборѣ 1666—7 годовъ, писалъ Ясинскому: „въ монастырѣ честности твоей самъ Онъ (Господь) путь управляетъ и все умножаетъ; содѣлавшій рыболововъ учителями да пошлетъ на жатву свою жнецовъ многихъ“ [4]). Но на первыхъ же порахъ своей дѣятельности Варлаамъ Ясинскій испыталъ сильное огорченіе отъ какого-то

---

[1]) „Письма Лазаря Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 30. Мы относимъ это письмо къ 1666, а не 1668 году, на основаніи предыдущаго избранія В. Ясинскаго въ ректоры 13 ноября 1665 года. Притомъ же, въ этомъ письмѣ Барановичъ проситъ „о скорѣйшемъ окончаніи“ его „книги“. Вѣроятно это была его книга „Мечъ Духовный“, напечатанная въ Кіевѣ въ томъ же 1666 году. См. „обзоръ“ Филарета, изд. 3, стр. 207.

[2]) См. списки 1760-хъ годовъ во II-мъ нашемъ приложеніи.

[3]) „Письма Л. Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 30.

[4]) Тамъ же, письмо 26. Но издатель ошибочно утверждаетъ, будто бы письмо адресовано І. Галятовскому, на томъ только основаніи, что послѣдній до 1669 года пользовался почетнымъ титуломъ заслуженнаго ректора Кіево-братскаго. Мы выше видѣли, что Галятовскаго въ это время не было въ Кіевѣ.

„клеветника“, повидимому оклеветавшаго его предъ московскимъ правительствомъ въ политической неблагонадежности. Въ Ясинскомъ приняли участіе Кіево-Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, Кіево-Никольскій игуменъ Алексѣй Туръ и самъ Лазарь Барановичъ, по ходатайству котораго послана была изъ Москвы грамота къ боярину и воеводѣ кіевскому, съ приказаніемъ доставить клеветника въ Москву [1]). Послѣ этого, В. Ясинскій до 1671 года спокойно продолжалъ свою дѣятельность по Кіево-Братскому монастырю и Коллегіи. Въ 1669 году онъ получилъ отъ тогдашняго митрополита Кіевскаго Іосифа Нелюбовича Тукальскаго мѣстечко Стайки для Братскаго монастыря и Коллегіи. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, когда Польша находилась въ затруднительномъ положеніи и вновь избранный король ея Михаилъ Вишневецкій готовъ былъ на всѣ уступки, В. Ясинскій отправилъ въ Варшаву іеромонаха Кіево-Печерской Лавры Игнатія Саковича съ челобитьемъ къ новоизбранному королю. Король милостиво принялъ просителя и 20 апрѣля, 1670 года, выдалъ грамоту, въ которой онъ, во вниманіе къ заслугамъ, постоянству и благочестію В. Ясинскаго, утвердилъ за монастыремъ всѣ его имѣнія [2]). По полученіи этой грамоты, Ясинскій вторично отправилъ въ Варшаву того же Саковича, съ просьбою о дозволеніи возстановить училища, и 10-го октября того же года получена была королевская грамота, въ которой сказано, что, „преклоняясь на уважительное челобитье Варлаама Ясинскаго, ректора Кіево-Могилянской Коллегіи, и желая, чтобы вездѣ во владѣніяхъ королевскихъ молодые люди получали образованіе“, варшавскимъ сеймомъ разсуждено, а королевскою грамотою утверждено— позволить „Кіевскую Могилянскую Коллегію на ея мѣстахъ, грунтахъ и давнихъ фундаціяхъ возстановить и въ ней пре-

[1]) Тамъ же, письма 26, 27 и 28.

[2]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина. 1893 г. стр. 97 и 98.

подавать приходящимъ всѣ начальные предметы, искусства, науки и познанія чрезъ профессоровъ, отцевъ учителей чина св. Василія", и проч.[1]). Но въ дѣйствительности Кіевская Коллегія была уже возстановлена къ этому времени, и привиллегія на ея возстановленіе испрашивалась только для подтвержденія правъ Коллегіи, особенно въ виду возможности перехода Кіева къ Польшѣ, въ силу Андрусовскаго договора 1667 года. Отъ 1665—1669 гг. сохранились уже школьные труды Кіевской Коллегіи[2]). Въ сентябрѣ 1669 года черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ прислалъ въ Кіево-Михайловскій монастырь двухъ своихъ діаконовъ Іоанна и Лаврентія, вѣроятно для обученія въ Коллегіи[3]). И хотя рукописный учебникъ по реторикѣ, подъ заглавіемъ Subsidium Rhetoricum, относимый преосвященнымъ Макаріемъ Булгаковымъ къ 1670 году, въ дѣйствительности преподанъ въ Кіевской Коллегіи въ 1692 году[4]),—тѣмъ не менѣе къ 1672 году открыты уже были въ Кіево-Братской Коллегіи классы піитики и реторики; потому что съ 1672 года преподавалъ въ Коллегіи философію Газскій митрополитъ, грекъ Паисій Лигаридъ[5]). Кромѣ самого Варлаама Ясинскаго и Паисія Лигарида, преподавателями въ Коллегіи могли быть: іеромонахъ Паисій Мокачевскій, получившій заграничное образованіе и умершій въ 1672 году въ званіи Кіево-братскаго проповѣдника[6]), и Виссаріонъ Шулковскій, бывшій съ 1672 года на-

[1]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", В. И. Аскоченскаго, ч. 1, Кіевъ, 1856 г., 200 и 201.

[2]) Мое „Описаніе рукоп. собраній въ г. Кіевѣ", вып. I, Москва, 1892 г. № 218, стр. 272.

[3]) „Письма Л. Барановича", Черниговъ, 1865 г., письмо 73. Вѣроятно то были Іоаннъ Максимовичъ и Лаврентій Крщоновичъ.

[4]) „Исторія Кіевской Академіи" іеромонаха Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 63. См. рукопись Кіево-Соф. библіотеки, № 394, л. 192 и слѣд.

[5]) „Обзоръ русской духовной литературы", Филарета, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 241.

[6]) См. рукописную Физику, слушанную гдѣ-то за границей и писанную Мокачевскимъ, въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіев. дух. Акад", Н. Петрова, Кіевъ, 1875 г., № 39.

мѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря и префектомъ школъ [1]).

Послѣдніе годы ректорства Варлаама Ясинскаго въ Коллегіи омрачены были двукратнымъ опустошеніемъ поляками монастырскаго имѣнія Новоселокъ и послѣдовавшими отсюда непріятностями для Варлаама Ясинскаго, которыя побудили его отказаться отъ должности Кіево-братскаго игумена и ректора. Польскій полковникъ Пиво, посланный польскимъ правительствомъ для занятія, въ силу андрусовскаго договора, Кіева, въ отмщеніе за отказъ въ этомъ, предательски напалъ 3 мая 1671 года на село Новоселки и, систематически ограбивъ его, превратилъ въ груду пепла. Сначала поляки взяли все, что только возможно было, „до послѣдней шерстки", какъ сказано въ посланіи Ясинскаго. Они взяли изъ церкви шелковыя священныя облаченія и всѣ серебряные сосуды, разграбили и отобрали у людей скотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности. Не удовлетворившись этимъ, они вырѣзали все населеніе до полутораста человѣкъ, не щадя ни пола, ни возраста, и, какъ бы желая скрыть слѣды собственныхъ преступленій или усугубить ихъ, все остальное—„церковь многостоющую, все мѣстечко и небольшой замокъ съ строеніями и оградою" предали огню [2]). По другимъ свѣдѣніямъ, на этотъ разъ убито было въ Новоселкахъ монастырскихъ крестьянъ 31 человѣкъ [3]). Послѣ этого погрома Новоселокъ, Варлаамъ Ясинскій 19 мая того же года отправилъ съ просительною грамотою довѣренныхъ иноковъ „ко всѣмъ благочестивымъ, движимымъ ревностію къ дому Божію, сынамъ святой церкви въ Россіи", рисовалъ имъ въ яркихъ краскахъ, „до какой тяжкой и невыносимой скорби и упадка" дошелъ Братскій монастырь, и призывалъ ихъ къ дѣламъ благотворительности, поставляя на видъ, что отъ ихъ приношеній зависитъ

[1]) Списки 1760-хъ годовъ, во II-мъ нашемъ приложеніи.

[2]) „Кіево-Братскій училищный монастырь", Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 98 и 99.

[3]) Списки 1760-хъ годовъ, во II-мъ нашемъ приложеніи.

будущность монастыря [1]). Вѣроятно, въ связи съ погромомъ Новоселокъ стоитъ и тотъ фактъ, засвидѣтельствованный нѣкоторыми источниками, что Варлаамъ Ясинскій „былъ и въ 1672 году, по грамотѣ повелительной преосвященнаго архіепископа Черниговскаго Лазаря Барановича, подтвержденъ отъ митрополита Кіевскаго Іосифа Нелюбовича Тукальскаго грамматою 1672 г. сентября 17 дня“ [2]). Но едва только Кіево-Братскій монастырь и Коллегія, благодаря пожертвованіямъ доброхотныхъ дателей, стали поправляться отъ удара, нанесеннаго имъ полковникомъ Пиво,—какъ случилась для Кіево-Братскаго монастыря новая бѣда въ тѣхъ же Новоселкахъ и отъ тѣхъ же поляковъ. „За тогожъ игумена (т. е. Варлаама Ясинскаго),—говорится въ спискѣ настоятелей Кіево-Братскаго монастыря 1760-хъ годовъ,—1673 года генваря убіени Кіевобратскіе монахы на дорогѣ, за Бѣлогородкою ѣдучіи на послушаніе до Новоселокъ, Мелетій Миколаевичъ намѣстникъ, Иннокентій Можиловскій економъ и шафаръ іеродіаконъ Лазарь, и погребени Марта 2. Проповѣдь была надъ ними: положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ“ [3]). Эта послѣдняя бѣда удручающимъ образомъ подѣйствовала на Варлаама Ясинскаго, который, по видимому, и самъ считалъ себя повиннымъ въ страдальческой кончинѣ своихъ собратьевъ. По крайней мѣрѣ, Лазарь Барановичъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Варлааму Ясинскому старался успокоить его и убѣдить, что смерть означенныхъ монаховъ нисколько не лежитъ у него на совѣсти [4]). Къ внутреннимъ угрызеніямъ совѣсти у Ясинскаго прибавились еще нареканія на него со стороны остальной братіи Кіево-Братскаго монастыря, которая въ своей „Ляментаціи“ слагала всю вину въ разореніи Новоселокъ и убіеніи монаховъ

[1]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 100.

[2]) Списки 1760-хъ годовъ, во II-мъ нашемъ приложеніи.

[3]) Тамъ же.

[4]) „Письма Лазаря Барановича“, Черниговъ, 1865 г., письмо 109.

на нераспорядительность своего игумена и ректора [1]). Варлаамъ Ясинскій считалъ себя вынужденнымъ отказаться отъ должности Кіево-Братскаго игумена и ректора и писалъ объ этомъ Лазарю Барановичу, который отвѣчалъ ему слѣдующее: „Добровольное оставленіе тобою твоей должности заставило перо мое не писать уже тебя ректоромъ... Перестань говорить, что тебя заставили отказаться; ибо ты самъ подалъ объ этомъ голосъ и на словахъ, и на бумагѣ; а я, какъ первосвятитель, не хотѣлъ дѣлать вопреки твоей доброй воли“ [2]). Въ томъ же 1673 году В. Ясинскій опредѣленъ былъ въ проповѣдники въ Кіево-печерскую лавру [3]), съ тѣмъ же окладомъ содержанія, какое онъ получалъ въ Кіево-братскомъ монастырѣ [4]). Въ 1680 году Ясинскій избранъ былъ игуменомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, въ 1685 году архимандритомъ Печерской лавры, а въ 1690 году назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ. Скончался 22 августа 1707 года [5]).

На мѣсто Варлаама Ясинскаго избранъ былъ, по предложенію Лазаря Барановича, на должность Кіево-Братскаго игумена и ректора, игуменъ и ректоръ „монастыря Гойскаго, надлежавшого до монастыря Братского Кіевского Сильвестръ Головчичъ“ [6]). Около 1672 года, во время татарско-турецкаго нашествія, Гойскій монастырь сгорѣлъ [7]), что, вѣроятно, и было одною изъ причинъ перевода Головчича въ Кіево-

---

[1]) См. эту „Ляментацію“ въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь 1884 г., стр. 353—357.

[2]) „Письма Л. Барановича“, письмо 113.

[3]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, 1825 г., прилож., стр. 227; Сн. мое, „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, стр. 275.

[4]) „Письма Л. Барановича“, письмо 113.

[5]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, 1893 г., стр. 101.

[6]) Списки 1760-хъ годовъ, во II-мъ нашемъ приложеніи.

[7]) „Письма Л. Барановича“, письмо 114. Но въ этомъ письмѣ, по нашему мнѣнію, говорится только о Гойскомъ, а не Кіево-Братскомъ монастырѣ. Гойскій монастырь, вѣроятно, сожженъ въ 1672 г., въ годъ взятія турками Каменца-Подольскаго.

Братскій монастырь. Сколько лѣтъ Головчичъ управлялъ Кіево-Братскимъ монастыремъ, объ этомъ существовали и существуютъ различныя мнѣнія. Митрополитъ Евгеній писалъ, что въ слѣдующемъ же (1674) году, по разстроенному здоровью, Головчичъ былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ скоро и скончался“ [1]). На основаніи нѣкоторыхъ документовъ, относящихся даже къ 1681 году, Н. Ѳ. Мухинъ продолжаетъ время игуменства Головчича въ Кіево-Братскомъ монастырѣ по крайней мѣрѣ до 1682 года [2]). Мы съ своей стороны имѣемъ данныя утверждать, что Головчичъ былъ Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ до 1684 года, въ которомъ переведенъ въ Златоверхо-Михайловскій монастырь. Въ спискѣ Кіево-Братскихъ настоятелей, 1760-хъ годовъ, о Головчичѣ сказано, что онъ, „по грамотѣ преосвященнаго Лазаря Барановича, епископа черниговскаго и сѣверскаго, переведенъ изъ монастыря Гойскаго, надлежавшаго до Братскаго монастыря, 1673, марта 25, а 1684 опредѣленъ въ Золотоверхо-Михайловскій монастырь“ [3]). Да и въ спискѣ игуменовъ Кіево-Михайловскаго монастыря Головчичъ значится не ранѣе 1684 года [4]). У Закревскаго есть извѣстіе, что Головчичъ назначенъ въ Михайловскіе игумены 10 марта 1684 года [5]).

Опредѣленіе времени игуменства и ректорства Сильвестра Головчича въ Кіево-Братскомъ монастырѣ важно въ томъ отношеніи, что проливаетъ свѣтъ на служебное значеніе преемника Сильвестра по ректурѣ, какимъ обыкновенно считаютъ Ѳеофана Прокоповича I. О послѣднемъ митрополитъ Евгеній говоритъ: „Ѳеофанъ Прокоповичъ I, по возстановленіи Братскаго училища первый Богословіи учи-

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, Прилож. стр. 227.
[2]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, стр. 105 и др.
[3]) „Списки 1760 хъ годовъ во II-мъ нашемъ приложеніи.
[4]) „Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь“, Кіевъ, 1889 г., стр. 133.
[5]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, ч. 1, Кіевъ, 1868 г., стр. 524; см. рукоп. Кіево-Соф. собора. № 444, л. 50 на обор. и 51.

тель изъ намѣстниковъ Братскихъ произведенъ 1675 г. и должность сію исправлялъ до 1684 г., а скончался на покоѣ въ томъ же монастырѣ 1689 апрѣля 5“ [1]). Это краткое и неясное извѣстіе В. И. Аскоченскій украшаетъ цвѣтами своей фантазіи слѣдующимъ образомъ: „Мѣсто Головчича занялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ I, родной дядя знаменитаго іерарха церкви Русской, „мужъ,—по отзыву св. Димитрія Ростовскаго,—важный и знатный и въ церквѣ Божіей добрѣ послуживший, проповѣдникъ сладкоглаголивый“. Принявъ въ свое управленіе Коллегію и снабдивъ заведенные до него низшіе классы способными наставниками, онъ въ 1675 году открылъ классъ богословія, отложивъ на время философію, такъ какъ въ ней не предстояло особенной надобности, да и не было преподавателя, къ тому годнаго. Прокоповичъ взялъ уроки богословія на себя одного и восемь лѣтъ несъ профессорскую службу среди многотрудныхъ и многообразныхъ занятій по должности ректора и возстановителя Коллегіи“. Къ этому г. Аскоченскій прибавляетъ свидѣтельство какого-то непоименованнаго у него источника о томъ, что въ 1684 году Ѳеофанъ Прокоповичъ I „ради своего смиренія, ректорства и жадной годности игуменской не восхотѣ, аще и на многія его промовано“, и умеръ на покоѣ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ 3 апрѣля 1689 года [2]). Послѣднее свидѣтельство, очевидно, г. Аскоченскій понималъ въ томъ смыслѣ, что въ 1684 году Ѳеофанъ Прокоповичъ I отказался отъ должности Кіево-Братскаго игумена и ректора, которую проходилъ дотолѣ. Но если дѣйствительно Сильвестръ Головчичъ былъ Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ съ 1673 до 1684 года; то понятно, что въ тоже самое время не могъ быть Кіево-Братскимъ же игуменомъ и ректоромъ Ѳеофанъ Прокоповичъ I.

---

[1]) „Описаніе Кіево-Софійск. Соборa и Кіевской епархіи“, м. Евгенія, 1825 г., прилож., стр. 227.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, ч. I. Кіевъ, 1856 г., стр. 211 и 212.

Да онъ,—по нашему мнѣнію,—никогда фактически и не занималъ этихъ должностей. Въ спискѣ Кіево-Братскихъ настоятелей и ректоровъ, 1760-хъ годовъ, который, по видимому, служилъ для г. Аскоченскаго его непоименованнымъ источникомъ, о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ I сказано слѣдующее: „Іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, *обранный* ректоръ и намѣстникъ монастыря Братского Кевского, иже, смиренія ради своего, ректорства и жадной годности игуменской не восхотѣ, аще и на многія его промовано. Бѣ икусній проповѣдникъ слова Божія. Преставися 1689, априля 3 дня“ [1]). Изъ этого свидѣтельства видно, что Ѳеофанъ Прокоповичъ I только выбранъ былъ въ ректоры и намѣстники Кіево-Братскаго монастыря, но, по смиренію, отказался отъ этихъ должностей, не вступая въ ихъ отправленіе, что однако же не мѣшало племяннику его, знаменитому Ѳеофану Прокоповичу II, называть своего дядю ректоромъ [2]), хотя бы и „обраннымъ“ только, какъ называетъ его списокъ 1760-хъ годовъ. Что же касается тѣхъ хронологическихъ границъ, въ которыя митрополитъ Евгеній вдвигаетъ мнимое ректорство Ѳеофана Прокоповича I, т. е. 1675 и 1684 годовъ; то, по всей вѣроятности, онѣ обозначаютъ только время преподавательской его дѣятельности въ Коллегіи по разнымъ наукамъ.

Такимъ образомъ, мы не признаемъ особой эпохи ректорства Ѳеофана Прокоповича I въ Кіево-Братской Коллегіи и считаемъ его лишь однимъ изъ преподавателей ея въ ректорство Сильвестра Головчича.

О времени ректорства Сильвестра Головчича въ Кіево-Братской Коллегіи доселѣ принято было думать, будто бы при немъ существовали въ Коллегіи только низшіе классы, по реторику включительно, и не были еще открыты высшіе классы [3]). Но мы уже видѣли, что классъ философіи открытъ

---

[1]) См. II-е наше приложеніе.

[2]) „Труды Кіев. дух. Акад.“, октябрь, 1865 г., стр. 263 и 275.

[3]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, ч. 1, Кіевъ, 1856 г., стр. 212.

былъ въ Кіево-Братской Коллегіи еще при Варлаамѣ Ясинскомъ, съ 1672 года [1]), и, слѣдовательно, съ этого уже года Кіево-Братская Коллегія была въ томъ полномъ, нормальномъ составѣ, какой предначертанъ былъ грамотою Владислава IV отъ 18 марта 1635 года [2]). Можно указать даже нѣкоторыхъ профессоровъ философіи за это время. Въ 1672—1676 годахъ префектомъ школъ Братскихъ Кіевскихъ и намѣстникомъ, а вѣроятно и профессоромъ философіи послѣ Паисія Лигарида, былъ Виссаріонъ Шулковскій; въ 1678 году префектомъ школъ Кіевскихъ былъ Зосима Согнѣкевичъ [3]). Преосвященный Макарій Булгаковъ въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ указываетъ даже рукописный учебникъ по философіи, преподанный здѣсь въ 1679—1681 годахъ [4]), но, кажется, ошибочно принимая за него учебникъ 1704—1706 годовъ [5]). Если Ѳеофанъ Прокоповичъ I началъ свою преподавательскую дѣятельность въ Кіево-Братской Коллегіи съ 1675 года, и притомъ, по обычаю, съ низшихъ классовъ, то приблизительно съ 1680 года, уже послѣ префектовъ Шулковскаго и Согнѣкевича, онъ долженъ быть преподавателемъ въ высшихъ классахъ Коллегіи и именно въ философскомъ. Можетъ быть, въ Кіево-Братской Коллегіи преподана въ 1680—1681 году краткая логика, сохранившаяся до настоящаго времени [6]). Въ 1681 году прибылъ изъ Москвы въ Кіево-Братскую Коллегію извѣстный Каріонъ Истоминъ, для слушанія философіи, съ перерывами слушавшій ее здѣсь и въ послѣдующіе годы; но онъ не слушалъ богословія [7]). Есть нѣкото-

---

[1]) См. объ этомъ выше.

[2]) Привилей Владислава IV см. въ I-мъ нашемъ приложеніи; сн. „Исторію Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 477—479.

[3]) Списки 1760-хъ годовъ; см. во II-мъ нашемъ приложеніи.

[4]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, іеромонаха Макарія Булгакова. С.Петербургъ, 1843 г., стр. 66.

[5]) Рукопись Кіево-Софійскаго собора, № 403.

[6]) Тамъ же, № 390.

[7]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина. С.-Петербургъ, 1891 г., Приложен. стр. 77.

рое указаніе на то, что Ѳеофанъ Прокоповичъ I преподавалъ философію и въ $168^3/_4$ учебномъ году. Въ этомъ году префектомъ Кіево-Братской Коллегіи, т. е. вторымъ, послѣ игумена и ректора Головчича, начальствующимъ лицемъ въ ней былъ іеромонахъ Іоасафъ Кроковскій, преподававшій въ этомъ и слѣдующемъ годахъ реторику [1]), а не философію, хотя онъ и былъ человѣкомъ, вполнѣ правоспособнымъ къ преподаванію философіи. Слѣдовательно, между префектомъ Кроковскимъ и ректоромъ Головчичемъ былъ еще какой-то преподаватель философіи, старшій Кроковского по службѣ, но отказавшійся отъ должности префекта, что вполнѣ соотвѣтствуетъ смиренному характеру Ѳеофана Прокоповича 1. Такимъ образомъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ I преподавалъ въ Кіево-Братской Коллегіи философію, а не богословіе. Ни списокъ 1760-хъ годовъ, ни св. Димитрій Ростовскій, называвшій Ѳеофана Прокоповича I-го своимъ „любезнымъ братомъ", ничего не говорятъ о преподаваніи имъ въ коллегіи богословія [2]). Поэтому названіе Ѳеофана Прокоповича I „первымъ богословіи учителемъ", по возстановленіи Братскаго училища, нужно считать плодомъ какого-то недоразумѣнія.—Учителемъ грамматики въ 1684 г. былъ Елисей Завадовскій [3]).

Изъ воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи въ ректорство Сильвестра Головчича извѣстны: Іоасафъ Кроковскій около 1673 года выбывшій за границу для довершенія образованія [4]); Іоаннъ Максимовичъ и Лаврентій Крщоновичъ, присланные сюда Лазаремъ Барановичемъ въ 1669 году [5]) и

[1]) См. въ Кіево-Соф. библіотекѣ, подъ № 444-мъ, рукописи: Penarium Tullianae eloquentiae ad usus politicos Roxolanae juventuti in collegio Kijovomohilaeano a reverendo patre praefecto et professore Rhetorices Ioasaph Krokowski accomodatum et reseratum anno... 1683". Скоро мы увидимъ, что философію Кроковскій преподавалъ съ $168^5/_6$ учебнаго года; слѣдов., онъ преподавалъ реторику и въ $168^4/_5$ году.

[2]) „Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго", Кіевъ, 1824 года, ч. 1. стр. 326.

[3]) Рукоп. Кіево-Печер. лавры, польская, №4; см. у Шляпкина, стр, 237 · 238.

[4]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", Аскоченскаго, ч. 1, стр. 216.

[5]) „Письма Л. Барановича", Черниговъ, 1865 г., письмо 73.

окончившіе курсъ около 1673 года[1]); Іустинъ Василевичъ впослѣдствіи епископъ Бѣлгородскій[2]); Варлаамъ Голенковскій, Сильвестръ Крайскій, Захарія Корниловичъ, Іосифъ Лазаревичъ, Аѳанасій Мирославскій, Антоній Одиновичъ, Ѳеодосій Яновскій[3]); Стефанъ Яворскій, выбывшій въ 1684 году заграницу для довершенія образованія[4]), и Ѳеофанъ Леонтовичъ[5]). Но г. Аскоченскій ошибочно утверждаетъ, будто бы въ 1679 году Кіево-Братскій іеромонахъ Лаврентій Горка былъ назначенъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря[6]), такъ какъ Лаврентій Горка въ $170^{7}/_{8}$ учебномъ году преподавалъ въ Кіевской Академіи піитику[7]), и только послѣ этого года могъ быть назначенъ въ Кіево-Выдубицкіе игумены.

Послѣ перевода Сильвестра Головчича въ Кіево-Михайловскій монастырь и отказа Ѳеофана Прокоповича I занять его мѣсто, въ игумены Кіево-Братскаго монастыря и ректоры опредѣленъ, 26 апрѣля 1684 года, Лазаремъ Барановичемъ, архіепископомъ Черниговскимъ, блюстителемъ митрополіи Кіевскія, Іезекіиль Филиповичъ и утвержденъ универсаломъ гетмана Іоанна Самойловича[8]). По принятому доселѣ мнѣнію, онъ былъ на этой должности до 1686 или 1687 года; но,

---

[1]) „Черниговскіе іерархи“, въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“, 1860 г. II, 233.—О книгѣ Л. Крщоновича Phoenix redivivus, въ честь Лазаря Барановича, см. тамъ же, ноябрь, 1893 г., стр. 440.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, Аскоченскаго, I, 215. См. о „Канонѣ памяти ради смертной“ І. Василевича въ моемъ „Описаніи рукописей церковно-археологич. музея“, № 336, стр. 356.

[3]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, Аскоченскаго, I, стр. 215—219 и 229.

[4]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, январь, 1864 г., стр. 51.

[5]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, Аскоченскаго, I, 251; Сн. „Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго“. Кіевъ, 1824 г., ч. I, стр 330 и 332.

[6]) „Кіевъ“, Аскоченскаго, ч. II, стр. 47.

[7]) „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіевск. дух. Академіи“, Н. Петрова, № 420, стр. 387, и рукоп. Кіево-Михайл. мон. № 1721

[8]) Списки 1760-хъ г.г., во II-мъ нашемъ приложеніи.

вѣроятно, онъ былъ ректоромъ Коллегіи одинъ только $168^{4}/_{5}$ одъ[1]). Въ это время префектомъ оставался Іоасафъ Краковгскій, который съ $168^{5}/_{6}$ учебнаго года сталъ преподавать въ коллегіи философію[2]). Кто же до него преподавалъ философію въ $168^{4}/_{5}$ году,—неизвѣстно: можетъ быть, заканчивалъ ее Ѳеофанъ Прокоповичъ I, можетъ быть, и новый ректоръ Коллегіи Іезекіиль Филипповичъ. Сохранилась также отъ $168^{5}/_{6}$ учебнаго года рукописная реторика, преподанная неизвѣстнымъ профессоромъ въ Кіево-Братской Коллегіи съ интереснымъ спискомъ учениковъ, участвовавшихъ въ составленіи упражненій. Вотъ списокъ этихъ учениковъ: „г. Илья Левицкій, о Серафіонъ, Ѳома Збржискій, Іоаннъ Волчанскій, Іоаннъ Хоминскій; Іосифъ Дашкевичъ, Алексій Галаховскій, Іосифъ Сенютовичъ, Николай Илляшевичъ, Іоаннъ Новицкій, Григорій Яснопольскій младшій, Молчанскій, о. Климентъ Недзвѣдскій, Василій Горленко, Симеонъ Ярмирковскій, Іоаннъ Руновскій, Симеонъ Горленко младшій, Илія Ломиковскій,

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф, собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., прилож., стр. 227; „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 107. Но 25 марта, 1687 г., Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ былъ уже Ѳеодосій Гугуревичъ. Въ проповѣди на этотъ день, сказанной В. Ясинскимъ въ церкви Кіево-Братской Коллегіи, проповѣдникъ, обращаясь къ Богородицѣ, говоритъ: „мѣшъ въ семъ виноградѣ твоемъ (т. е. Коллегіи) Богомъ даннаго въ Богу превелебного Ѳеодосія чудного строителя; мѣшъ, вмѣсто обручника твоего Іосифа, Іосафа, добраго винограда сего Христова дѣлателя“. См. „Труды Кіев. дух. Академіи“, май, 1892 г., стр. 102, гдѣ, впрочемъ, допущены важныя ошибки въ чтеніи этого мѣста, теперь нами исправленныя. Въ „Діаріушѣ“ св. Димитрія Ростовскаго годы службы Ѳ. Гугуревича распредѣляются такимъ образомъ, что Гугуревичъ долженъ быть Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ уже съ $168^{5}/_{6}$ учебнаго года. См. „Сочиненія св. Димитрія, м. Ростовскаго“, Кіевъ, 1824 г., ч. 1, стр. 332. Въ такомъ случаѣ, Іезекіиль Филипповичъ былъ бы Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ только одинъ $168^{4}/_{5}$ годъ.

[2]) Кіево-Соф. рук., № 450, л. 114 и слѣд.; самый курсъ см. въ рукоп. Кіево-печерской лавры, № 88, и Кіево-Соф. Собора, № 393. Сн. „Исторію Кіевской Академіи“, Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 67 и 68.

Черняховскій, Ѳеодоръ Гнѣвушевичъ, Василій Богацкій, Васьковскій, Ѳеодоръ Яснопольскій, Андрей Волянскій, Стефанъ Тернавскій, Данилъ Шрамченко, Пасюкевичъ, Туранскій, Мокріевичъ, Савичъ, Дашкіевъ, Лисиневичъ, Максимовичъ, Терлецкій, Козловскій и Ѳеодоръ Кукуль [1]).

Преемникомъ Филипповича по игуменству и ректорству въ Кіево-Братскомъ монастырѣ былъ Ѳеодосій Гугуревичъ, бывшій до того,—по свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, пять лѣтъ игуменомъ Батуринскаго монастыря, и одинъ годъ игуменомъ Кіево-Михайловскаго Золотоверхаго монастыря. Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ,—по тому же свидѣтельству, онъ былъ три года, послѣ чего былъ одинъ годъ въ Максаковскомъ монастырѣ, „а въ бѣдахъ и скорбехъ, послѣ Максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ“, и умеръ 25 декабря 1690 года, простымъ іеромонахомъ въ Батуринскомъ монастырѣ [2]). По разсчету времени выходитъ, что Кіево-Михайловскимъ игуменомъ Гугуревичъ былъ въ $168^{4}/_{5}$ году, а Кіево-братскимъ игуменомъ и ректоромъ,—съ $168^{5}/_{6}$ учебнаго года до конца 1688 гражданскаго года. Онъ упоминается въ проповѣди Варлаама Ясинскаго 25 марта, 1687 года [3]), и называется Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ въ одномъ документѣ 10 декабря, 1688 года [4]). Судя по тому, какъ Гугуревичъ постепенно спускался внизъ по іерархической лѣстницѣ, къ нему нужно отнести тѣ „шумныя дненощныя забавки начальствовавшихъ въ коллегіи лицъ, о которыхъ говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ II, учившійся въ

---

[1]) Рукопись Кіево-Соф. Собора. № 479, и слѣд.

[2]) „Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго“, Кіевъ, 1824 г., ч. I, стр. 332.

[3]) См. выше, и „Труды Кіевской дух. Академіи“, май, 1892 г., стр. 102. По наборѣ сего, мы нашли документъ, надписанный Михайловскимъ игуменомъ Ѳ. Гугуревичемъ еще 20 апрѣля 1680 года. См. его—въ Церковно-археол. музеѣ.

[4]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г. стр. 363 и слѣд. Если Ѳ. Гугуревичъ дѣйствительно выбылъ изъ Кіево-Братскаго монастыря къ 1689 году; то во второй половинѣ $168^{8}/_{9}$ учебнаго года ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи могъ быть или Іоасафъ Кроковскій, переведенный въ 1689 году въ Никольскіе игумены, или же Пахомій Подлузскій.

Кіево-Братской Коллегіи при ректорахъ ея Головчичѣ, Гугуревичѣ и др. [1]). Въ ректорство Гугуревича префектомъ Коллегіи по прежнему былъ Іоасафъ Кроковскій, въ 1687—1689 г.г. вторично проходившій здѣсь курсъ философіи [2]). Изъ другихъ преподавателей Кіево-Братской Коллеггіи за это время можно указать на Силуана Озерскаго, который въ послѣдующее ректорство является уже префектомъ Коллегіи. Озерскому предположительно можно приписать два сохранившіеся отъ времени этого ректорства рукописные учебника: одинъ по піитикѣ, подъ заглавіемъ Curiae Bethleemicae, преподанный въ $168^{6}/_{7}$ учебномъ году [3]), а другой—по реторикѣ, подъ заглавіемъ Orator e mente Tulliana, преподанный въ $168^{7}/_{8}$ году [4]). Сохранилась также отъ этого времени піитика, подъ заглавіемъ Fons Castalius, преподанная въ $168^{8}/_{9}$ учебномъ году [5]), можетъ быть Іоанникіемъ Валявскимъ, преподававшимъ въ слѣдующемъ учебномъ году реторику [6]).

Въ ректорство Ѳ. Гугуревича совершилось весьма важное событіе, имѣвшее громадное вліяніе на всю послѣдующую судьбу какъ города Кіева, такъ и Кіево-Братской Коллегіи. Въ 1686 году, по трактату Россіи съ Польшей, Кіевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Кіево-Братская Коллегія, отошли навсегда къ Россіи. Въ матеріальномъ отношеніи Кіево-Братскій монастырь и Коллегія на первыхъ порахъ потеряли много, потому что польское правительство присвоило себѣ земельныя имущества Кіево-Братскаго монастыря, оставшіяся въ предѣлахъ Речи—Посполитой, и стало раздавать ихъ по своему

---

[1]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, октябрь, 1865 г., стр. 275 и 276.

[2]) Въ реторикѣ $168^{9}/_{90}$ года говорится, что до этого года І. Кроковскій преподавалъ въ Коллегіи два курса философіи См. рукоп. Кіево-Соф. собора № 450, л. 114—117. Слѣдов., второй курсъ преподанъ въ 1687—1689 г.г.

[3]) Рукоп. Кіево-Мих. монастыря, № 1729.

[4]) Тамъ же.

[5]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 446.

[6]) Тамъ же, № 450. Сн. „Исторію Кіевской Академіи“ іеромонаха Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 64.

усмотрѣнію различнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Въ силу этого распоряженія, Братскій монастырь навсегда лишился имѣній своихъ Саверова, Мухоидовъ, Черногородки и Новоселокъ съ тремя приселками[1]). Но эти потери, вознагражденныя впослѣдствіи русскимъ правительствомъ, были ничтожны въ сравненіи съ тѣми выгодами, какія получала Кіево-Братская Коллегія вслѣдствіе окончательнаго присоединенія Кіева къ Россіи. Теперь уже рушились сами собою тѣ стѣснительныя ограниченія со стороны польскаго правительства, въ силу которыхъ въ Кіево-Братской Коллегіи могли преподаваться науки не далѣе діалектики и логики. Если польское правительство, пропитанное католическимъ фанатизмомъ, не желало видѣть въ Кіевѣ развитія православной богословской науки и, запрещая въ Кіево-Братской Коллегіи преподаваніе богословія, вынуждало русскихъ воспитанниковъ слушать богословіе въ католическихъ коллегіяхъ и академіяхъ, и притомъ подъ условіемъ принятія ими католичества или уніи; то интересы русскаго правительства и русской православной церкви, наоборотъ, требовали, чтобы православное богословіе было введено въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіево-Братской Коллегіи, и получило здѣсь болѣе или менѣе самостоятельное развитіе. Эти интересы прежде всего и сознаны были въ самомъ Кіевѣ образованнѣйшими людьми того времени, которые, завершивъ свое образованіе въ католическихъ академіяхъ и принимая живое участіе въ судьбахъ Кіево-Братской Коллегіи, постарались немедленно ввести въ ней преподаваніе богословія и тѣмъ подготовить ее къ переименованію въ академію, т. е. въ высшее учебное заведеніе. То были бывшій ректоръ Кіево-Братской Коллегіи Варлаамъ Ясинскій, ученикъ его по Коллегіи Іоасафъ Кроковскій и Стефанъ Ягорскій. Первымъ сталъ преподавать богословіе въ Коллегіи

[1]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 107 и 108.

Іоасафъ Кроковскій, вѣроятно не безъ совѣщанія съ Варлаамомъ Ясинскимъ, а упрочилъ его здѣсь Стефанъ Яворскій.

Во время преподаванія Іоасафомъ Кроковскимъ богословскаго курса, Кіево-Братскими игуменами и ректорами преемственно были: Пахомій Подлузскій въ 1690—1691 годахъ [1]), изъ Кіево-Выдубицкихъ игуменовъ [2]), и сынъ извѣстнаго епископа Меѳодія Филимоновича іеромонахъ Кириллъ Филимоновичъ [3]), въ 1691—1693 годахъ [4]). Но эти игумены—ректора стушевывались передъ личностью Іоасафа Кроковскаго, который съ 1680 года былъ уже игуменомъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря и въ этомъ же году началъ преподавать въ Коллегіи свой богословскій курсъ. Въ рукописной реторикѣ, преподанной въ Кіево-Братской Коллегіи въ $16^{89}/_{90}$ учебномъ году, помѣщены школьныя „привѣтственныя рѣчи имени св. Іоасафа, сказанныя предъ превелебнѣйшимъ отцомъ Іоасафомъ Кроковскимъ, игуменомъ монастыря св. Николая, по названію Пустыннаго, читавшимъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи два курса философіи, а тогда—профессоромъ священнаго богословія въ ней“ [5]). Богословскій курсъ Іоасафа Кроковскаго продолжался четыре года, т. е. до 1693 года. Къ сожалѣнію, этотъ богословскій курсъ Іоасафа Кроковскаго не дошелъ до нашего времени; а тотъ курсъ, который доселѣ ему приписывался, въ дѣйствительности не принадлежитъ ему, какъ это скоро увидимъ. Можетъ быть, Іоасафъ Кроковскій и не диктовалъ своихъ записокъ по богословію, а пользовался готовымъ руководствомъ по богосло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 110, 111 и 370.

[2]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825г., приложен., стр. 123.

[3]) „Лазарь Барановичъ“, Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1885 г., стр. 68.

[4]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, т. I, Москва, 1868 г., приложеіе; „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г. стр. 112.

[5]) Рукопись Кіево-Софійскаго Собора, № 450, л. 114—117.

вію Ѳомы Аквината, комментируя и исправляя его, какъ это дѣлалъ потомъ одинъ изъ преемниковъ его по богословской каѳедрѣ Иннокентій Поповскій [1]). Сохранились только тэзисы богословскіе, защищавшіеся подъ предсѣдательствомъ Іоасафа Кроковскаго, въ августѣ 1691 года [2]).

Изъ другихъ преподавателей Кіево-Братской Коллегіи за 1689—1693 годы извѣстны: префектъ и профессоръ философіи Силуанъ Озерскій, въ 1689—91 годахъ, отъ котораго сохранились печатные философскіе тэзисы, защищавшіеся подъ его предсѣдательствомъ въ августѣ 1691 года [3]); Стефанъ Яворскій, въ 1689 году возвратившійся изъ-заграницы, который въ $16^{90}/_{91}$ учебномъ году преподавалъ въ Коллегіи реторику [4]), а въ 1691—1693 годахъ—философію, курсъ которой сохранился въ рукописи, подъ заглавіемъ Agonium [5]), и вмѣстѣ былъ префектомъ школъ [6]); Іоанникій Валявскій, преподававшій въ $16^{89}/_{90}$ учебномъ году курсъ реторики, сохранившійся до настоящаго времени [7]). Кромѣ того, отъ этого времени дошли до насъ еще слѣдующіе учебники Кіево-Братской Коллегіи: Піитика, подъ названіемъ Camoena, $16^{89}/_{90}$ года [8]),

---

[1]) Рукописи Кіево-Соф. Собора, № 219, 221, 222; VII, 3; рукоп. Кіево-Печ. Лавры, № 18.

[2]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Д. А. Ровинскаго, С.-Петербургъ, 1889 г, т. II, стр. 1291—2. Но у Ровинскаго ошибочно опущено имя Іоасафа Кроковскаго.

[3]) Тамъ же. Неизвѣстно, преподанъ ли имъ рукописный философскій курсъ, принадлежавшій его библіотекѣ. См. о немъ въ моемъ „Описаніи рукописей церковно-археологич. музея", № 46, стр. 23. Сн. „Кіево-Братскій училищный монастырь" Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 111—112; „Описаніе рукоп. собраній", вып. I, Москва, 1892 г., № 151, стр. 246.

[4]) „Труды Кіевской Дух. Академіи", январь, 1864 г., стр. 59 и 60.

[5]) Рукопись Кіево-Соф. собора, №№ 397 и 398, „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", Н. Петрова, вып. 1. Москва. 1892 г., № 152, стр. 246 и 247.

[6]) Списки 1760-хъ гг., во II-мъ нашемъ приложеніи.

[7]) Рукопись Кіево-Соф. собора, № 450.

[8]) Тамъ же, №№ 448 и 449.

которую, судя по времени, можно приписывать Стефану Яворскому [1]); реторика 1691—92 года, подъ названіемъ Promptuarium artis oratoriae [2]); піитика 169$^2/_3$ года, подъ заглавіемъ Amphion [3]), и реторика 169$^2/_3$ года, подъ заглавіемъ Subsidium rhetoricum [4]), можетъ быть, преподанная Прокопіемъ Калачинскимъ [5]).

Изъ воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи за это время извѣстны: Іоаннъ Обидовскій, въ 1691 году бывшій уже „стольникомъ“ и въ этомъ званіи подносившій царямъ гравированные тэзисы [6]); Леонтій Боболинскій, Сильвестръ Волынскій, Варлаамъ Коссовскій, Рафаилъ Краснопольскій [7]), Ѳеодоръ Кощаковскій [8]) и др., имѣвшіе окончить въ Коллегіи курсъ въ 1693 году; Каріонъ Завулонскій, въ 1693 году выслушавшій курсъ философіи [9]), а въ 1697 году бывшій уже архимандритомъ Симонова монастыря въ Москвѣ [10]).

Черезъ два года по открытіи въ Кіево-Братской Колле-

---

[1]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, январь, 1864 г. стр. 57.

[2]) Рукопись Кіево-Соф. собора, № 394, л. 410 и слѣд.

[3]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. Семинаріи, М. И. Лилеева, С.Петербургъ, 1880 г., № 175, стр. 200 и 201.

[4]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 394, л. 192 и слѣд. Въ „Исторіи Кіев. Академіи“ Макарія Булгакова (стр. 63) эта реторика ошибочно отнесена къ 1670—1671 учебному году.

[5]) Со слѣдующаго года Калачинскій преподавалъ уже философію, какъ скоро увидимъ.

[6]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Д. А. Ровинскаго, С.-Петербургъ, 1889 г., т. II, стр. 1290 и слѣд.

[7]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, Кіевъ, 1856 г., ч. I, стр. 249 и 259, О Косовскомъ см. еще „Христ. Чтеніе“ май—іюнь, 1884 г., стр. 654; „Труды Кіевской Дух. Академіи“, Октябрь, 1879 г., стр. 170 и слѣд. и о Р. Краснопольскомъ „Исторію Московской Академіи“ С. Смирнова, Москва 1855 г.

[8]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 444.

[9]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Д. А. Ровинскаго, С.Петербургъ, 1889 г., т. I, стр. 869 и слѣд.; „Труды Кіев. дух. Академіи“, февраль, 1888 г. стр. 299 и слѣд.

[10]) Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 129 и 130.

гіи богословскаго курса, тогдашній Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій не преминулъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Московскаго правительства, въ видахъ испрошенія для Коллегіи разныхъ правъ и преимуществъ. Лѣтомъ 1691 года Кіево-Братская Коллегія, по внушенію митрополита Ясинскаго и гетмана Мазепы, отправила въ Москву префекта Коллегіи Силуана Озерскаго съ тремя учителями и тремя студентами для челобитья царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и выраженія имъ „достодолжнаго желательства и благопривѣтства", ибо кіево-братскіе иноки „разсудили сіе быти належащею и непремѣнною должностію, понеже подъ высокодержавною Царскаго Величества рукою благополучно живутъ и въ высокихъ наказаніяхъ, кромѣ всякихъ препятствій, разширяются"[1]). При этомъ, какъ бы въ объясненіе того, какія „высокія наказанія", т. е. высшія науки, безпрепятственно расширяются въ Коллегіи, поднесены были царямъ печатные тэзисы богословскіе и философскіе, съ гравированными иллюстраціями и витіеватымъ посвященіемъ[2]). По окончаніи же полнаго богословскаго курса, Іоасафъ Кроковскій въ 1693 году, чрезъ митрополита Ясинскаго и гетмана Мазепу, просилъ у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей „жалованной грамоты на содержаніе и утвержденіе прежнихъ училищъ или школъ.., и на мирное и свободное въ нихъ дѣтей россійскихъ жителей и всякихъ православной вѣры ревнителей ученіе, въ которомъ дѣлѣ можетъ всегда вящшее расти пріумноженіе хвалы Божіей, а намъ великимъ государемъ,—какъ сказано въ отвѣтной грамотѣ,—нашему Царскому Величеству—всенародная слава, когда въ нашей Царскаго Величества богохранимой исконной отчинѣ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ тѣ науки имѣти будутъ свое дѣйствительное правленіе". Царская грамота дана 11 января

[1]) Тамъ же, стр. 111 и 112.

[2]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Д. А. Ровинскаго, С.Петербургъ, 1889 г., т. II, стр. 1290 и слѣд.

слѣдующаго 1694 года. Государи „пожаловали его игумена и ректора съ братіею, велѣли имъ въ прежнихъ училищахъ или школахъ Кіевскихъ, которыя давно основаны и построены при монастырѣ Братскомъ при бывшемъ преосвященномъ Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, чрезъ своихъ православныхъ префектовъ и профессоровъ и учителевъ дѣтемъ россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящимъ благочестивой греко-россійской вѣры ревнителемъ не токмо Поетики и Реторики, но и Философіи и *Богословіи* ученія, раченія и вѣденія славенороссійскимъ, и еллино-греческимъ, и латинскимъ языкомъ преподавать съ усерднымъ тщаніемъ и радѣніемъ, отнюдь не отлучаяся ни въ чемъ святыя Восточныя церкви исповѣданія; и неспокойныхъ и вражды творящихъ унимать и смирять, и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать, а наипаче остерегая того накрѣпко, чтобы ученіе было благочестивое христіанское восточнаго исповѣданія... И нашихъ царскаго Величества всякихъ чиновъ ратнымъ людемъ разныхъ полковъ, и Кіевскаго и иныхъ полковъ же полковникомъ и казакамъ и кіевскому войту и мѣщаномъ никакихъ ему ректору и учителемъ и ученикомъ, въ школахъ будучимъ, обиды и утѣсненія не чинить". На содержаніе Коллегіи назначено было постоянное царское жалованье—по 50 рублевъ и по 50 четвертей ржи московской мѣры въ годъ [1]). Такимъ образомъ, этою царскою грамотою впервые разрѣшалось преподавать въ Кіево-Братской Коллегіи Богословіе, и начальству ея предоставлялось право самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, безъ всякаго вмѣшательства воинскихъ и гражданскихъ чиновъ и властей,—чѣмъ Кіево-Братская Коллегія юридически приравнивалась въ своихъ правахъ къ заграничнымъ академіямъ, хотя пока и безъ названія академіи.

[1]) „Памятники, изд. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ", Кіевъ, т. II, 1846 г., стр. 316—324.

Между тѣмъ, пока испрашивалась эта царская грамота, Кіево-Братская Коллегія продолжала совершенствоваться. Съ 1693 и до 1697 года Іоасафъ Кроковскій, оставаясь Никольскимъ игуменомъ, былъ вмѣстѣ и Кіево-братскимъ игуменомъ и ректоромъ [1]). Но онъ въ это время уже не былъ преподавателемъ богословія, да и не имѣлъ возможности преподавать его, по той простой причинѣ, что нерѣдко долженъ былъ отлучаться изъ Кіева по епархіальнымъ дѣламъ на продолжительное время [2]). Тотъ рукописный курсъ богословія 1693—1697 годовъ, который доселѣ приписывали Іоасафу Кроковскому [3]), на самомъ дѣлѣ принадлежалъ не ему, а непосредственному преемнику его по каѳедрѣ богословія профессору и префекту Стефану Яворскому. Вторая половина этого четырехлѣтняго курса, читанная въ 1695—1697 годахъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ прямо приписывается Стефану Яворскому [4]). А такъ какъ въ началѣ ея есть указаніе на то, что С. Яворскій преподавалъ въ Коллегіи богословіе и въ предыдущемъ году [5]), и вообще эта вторая часть имѣетъ тѣсную связь съ предыдущею первою; то, слѣдовательно, и первая половина этого курса, 1693—1695 годовъ, должна принадлежать тому же Яворскому. Прежніе историки Кіевской Академіи съ большою похвалою отзываются объ этомъ богословскомъ курсѣ, который, будучи въ общемъ составленъ по плану богословія Ѳомы Аквината, постоянно сопровождается обличительными

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., прилож., стр. 228.

[2]) „Обзоръ русской духовной литературы“, архіепископа Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.Петербургъ, 1884 г., стр. 213 и 214. См. также письмо І. Кроковскаго къ Жабокрицкому, 1695 г., въ „Краткомъ Описаніи предметовъ древности Волынскаго Епархіальнаго Древнехранилища“, Почаевъ, 1894 г.,стр. 47.

[3]) „Исторія Кіевской духовной Академіи“, іеромонаха Макарія Булгакова, С.Петербургъ, 1843 г., стр. 73 и 74, и др.

[4]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г., № 187, 259 и 260.

[5]) Тамъ же: Alteram post naufragium tabulam arripimus, dum poenitentiam tractandam annuo labori assumimus.

или полемическими трактатами, направленными противъ католиковъ [1]). Такимъ образомъ, Стефанъ Яворскій велъ параллельно два богословскихъ курса: курсъ созерцательнаго догматическаго и полемическаго или обличительнаго богословія.

Имена другихъ преподавателей въ ректорство Іоасафа Кроковскаго мало извѣстны, хотя учебниковъ по разнымъ наукамъ сохранилось достаточно отъ этого времени. Философію въ 1693—1695 годахъ преподавалъ, безъ званія префекта, вѣроятно, Прокопій Калачинскій [2]), а въ 1695—1696 годахъ вѣроятно, Іеронимъ Симаровскій, тоже безъ званія префекта [3]); реторику въ 1696—1697 году, вѣроятно, преподавалъ Михаилъ Онихимовскій, съ слѣдующаго учебнаго года бывшій учителемъ философіи и префектомъ [4]), а піитику въ томъ же году—Иннокентій Поповскій [5]). Кромѣ того, сохранились еще отъ этого времени учебники по піитикѣ $169^5/_6$ года [6]), и по реторикѣ—того же года [7]), неизвѣстно кому принадлежащіе.

Изъ воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи за время

---

[1]) „Исторія Кіевской Академіи“, іеромонаха Макарія Булгакова, С.Петербургъ, 1843 г., стр. 73 и 74; „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. Аскоченскаго, ч. I, стр. 275—281.

[2]) Въ спискахъ 1760-хъ годовъ, во П-мъ нашемъ приложеніи. Сн. философскій курсъ 1692—1695 годовъ, подъ названіемъ Meta scientiarum, въ рукоп. Кіево-Соф. собора, № 394.

[3]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, С.Петербургъ, 1891 г., стр. 251, примѣч. 3, гдѣ около 1696 г. упоминается учитель философіи Іеронимъ Симаровскій. Вѣроятно, ему принадлежитъ философскій курсъ 1695—1697 гг., въ рукописи Кіево-Печерской лавры, № 87. Послѣ онъ былъ Кіево-Кирилловскимъ игуменомъ. См. „Письма Л. Барановича“, письмо 134, примѣч.

[4]) О префектствѣ его будетъ сказано ниже. См. Реторику $169^3/_7$ г., подъ названіемъ Triumphus, въ рукоп. Кіево-Соф. собора, № 471, и въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи, Октябрь, 1892 г., стр. 306.

[5]) См. рукоп. Кіево-Соф. собора, №№ 451, 455 и 456; рукоп. Кіево-Мих. мон., № 1719, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г., № 237, стр. 278. Съ 1699 года Поповскій былъ уже префектомъ, какъ увидимъ скоро.

[6]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, Москва, 1892 г., № 235, стр. 278.

[7]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, Октябрь, 1892 г., стр. 306.

ректорства Іоасафа Кроковскаго доселѣ извѣстны слѣдующіе: Григорій Вишніовскій [1]), Антоній Стржешевскій [2]), Антоній Стаховскій [3]), Иларіонъ Лежайскій [4]), Іоакимъ Богомолевскій, посланный префектомъ С. Яворскимъ заграницу для довершенія образованія [5]), Іаковъ, въ монашествѣ Іоасафъ Кордашевскій [6]), Симеонъ Чуйко [7]), Симеонъ Чарнковскій [8]), Михаилъ Быковскій [9]), Ипполитовичъ [10]), Михаилъ Канскій [11]), Андрей Г.. [12]), Ѳеофанъ Прокоповичъ II, въ 1698 году выбывшій изъ Кіева заграницу для довершенія образованія [13]), и др.

25 марта, 1697 года, Іоасафъ Кроковскій избранъ былъ въ печерскіе архимандриты, а на его мѣсто назначенъ былъ игуменомъ Никольскаго монастыря Стефанъ Яворскій. Но, получивъ новое назначеніе, Стефанъ Яворскій не оставилъ совершенно и Кіево-Братской Коллегіи и продолжалъ преподавать въ ней полемическое богословіе и слѣдующій 169⁷/₈

---

[1]) Рукоп. Кіево-Мих. монастыря, № 1647, л. 142. Здѣсь, подъ 15 авг., 1696 г., Вишніовскій Григорій называется A. A. L. L. et Philosophiae Baccalaureus.

[2]) „Описаніе рукоп. собраній, наход. въ г. Кіевѣ", вып. 1, № 187, стр. 260.

[3]) „Кіевъ", Аскоченскаго, I, 215; „Черниговскіе іерархи", въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", 1860 г., кн. II, стр. 239.

[4]) „Православный Собесѣдникъ", апрѣль, 1887г., стр. 467—8; „Кіевъ", Аскоч. 1, 216.

[5]) „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода", С.П-Бургъ, 1891, VIII, 298.

[6]) „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 1, № 186, стр. 259.

[7]) Рукоп. Кіево-Печерской лавры, № 40.

[8]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 449.

[9]) Тамъ же, № 450.

[10]) Тамъ же, № 218.

[11]) Тамъ же, № 397.

[12]) „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. Семинаріи", С.-Петербургъ, 1880 г., № 13, стр. 12.

[13]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", В. И. Аскоченскаго, Кіевъ, 1856 г., ч. II, стр. 306.

учебный годъ. Въ библіотекѣ Московской духовной Академіи сохранились два рукописные полемическіе трактата, преподанные С. Яворскимъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи, изъ коихъ одинъ—De Deo, ut Trino, Ejusque processionibus—оконченъ 24 сентября 1697 года, а другой—De ecclesia—оконченъ 7 іюля 1698 года[1]). Поэтому-то, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ спискахъ, послѣ Іоасафа Кроковскаго, ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи значится Стефанъ Яворскій[2]). Въ дѣйствительности же, Кіево-Братскимъ игуменомъ и ректоромъ съ 1697 по 1701 учебный годъ былъ Прокопій Калачинскій[3]). Онъ, вѣроятно, преподавалъ въ это время созерцательное догматическое богословіе, въ первый годъ удѣляя нѣсколько времени и Стефану Яворскому для преподаванія его полемическихъ трактатовъ. Но отъ Калачинскаго не осталось никакой богословской системы; вѣроятно, онъ преподавалъ по печатному богословію Ѳомы Аквината, или же пользовался курсомъ Стефана Яворскаго. Префектами же и профессорами философіи въ ректорство П. Калачинскаго были: іеромонахъ Михаилъ Онихимовскій въ 1697—1699 годахъ[4]), и іеромонахъ Иннокентій Поповскій въ 1699—1701 годахъ[5]), преподававшій въ 1701—1705 годахъ, въ званіи префекта же, созерцательное богословіе по Ѳомѣ Аквинату, а полемическое—по Стефану Яворскому[6]). Въ осталь-

---

[1]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, январь, 1864 г., стр. 67, 60 и 61.

[2]) Списки 1760-хъ г.г., во II-мъ нашемъ приложеніи.

[3]) „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Ѳ. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 131, 132 и 380.

[4]) Въ спискѣ 1760-хъ гг., во II-мъ нашемъ приложеніи, М. Онихимовскій поставленъ по времени между префектами С. Яворскимъ и Ин. Поповскимъ.

[5]) Тамъ же. Вѣроятно, ему принадлежитъ философскій курсъ 1699—1701 гг., подъ названіемъ Universa philosophia. См. экземпляры его въ рукоп. Кіево-Соф. собора, № 396; рукоп. Кіево-Мих. монастыря, №№ 1706 и 1707, и „Описаніе рукописей Церковно-археологич. музея. при Кіевской дух. Академіи“, № 42, стр. 22.

[6]) См. рукописи Кіево-Соф. собора, №№ 219, 221, 222 и прибавл. VII, 3; рук. Кіево-Печерской лавры, № 18.

ныхъ классахъ преподавали: въ 169⅝ году реторику, вѣроятно, Иннокентій Поповскій [1]); а въ низшихъ классахъ—Іосифъ Туробойскій, въ 1701 году преподававшій уже реторику [2]), Стефанъ Прибыловичъ съ 1698 года [3]) и Иларіонъ Ярошевицкій, начавшій учительскую службу свою съ 1700—1701 учебнаго года [4]). Кому принадлежитъ реторика 1699—1700 года, подъ названіемъ Classis Tulliana [5]),—неизвѣстно.

Изъ воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи за время ректорства Прокопія Калачинскаго извѣстны: Антонъ Антоновичъ [6]), Гавріилъ Бужинскій, Варлаамъ Леницкій, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Иларіонъ Мигура, Іероѳей Прилуцкій [7]), Продіонъ Жураковскій [8]), Иларіонъ Рогалевскій [9]), и др.

---

[1]) См. эту реторику, подъ названіемъ Concha, въ рукоп. Кіево-Соф. № 219, л. 206 и сл. и № 457; Кіево-Печер. лавры, № 121; Кіево-Мих. монастыря, № 1732; мое „Описаніе рукописей Церк.-арх. музея", № 416, стр. 385.

[2]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", Н. Петрова, вып. 1, № 240; см. „Описаніе рукописей черниговской дух. Семинаріи", М. И. Лилеева, С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 203.

[3]) „Обзоръ русской дух. литературы", архіеп. Филарета, изд. 3, С.Петербургъ, 1884 г., стр. 281; „Св. Димитрій Ростовскій и его время". И. А. Шляпкина, С.Петербургъ, 1891 г., прилож. стр. 51.

[4]) См. о немъ въ Cursus philosophicus, 1704 г., на оборотѣ заглавнаго листа, въ рукописи Кіево-Печ. лавры, № 71. См. мое „Описаніе рукописей Церковно-Археологич. музея"; № 564, стр. 547 и 548.

[5]) Рукоп. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1726.

[6]) „Кіевъ", Аскоченскаго, I, 261; „Кіево-Братскій училищный монастырь", Н. Мухина, стр. 131—2; „Обзоръ русской дух. литературы", архіеп. Филарета, изд. 3, стр. 285.

[7]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", Аскоченскаго, ч. I, 293—306. О Бужинскомъ и Лопатинскомъ см. „Исторію Московской славяно-грекo-латинской Академіи", С. Смирнова, Москва, 1855 г., стр. 194, 207 и слѣд.

[8]) „Черниговскіе іерархи", въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи" 1860 г., кн. II, стр. 345.

[9]) Тамъ же, стр. 259.

II.

О внутреннемъ состояніи Кіево-Могилянской Коллегіи, со времени ея учрежденія и до конца XVII вѣка, есть, по видимому, достаточно подробныя свѣдѣнія у прежнихъ историковъ Кіевской Академіи—митрополита Евгенія, Макарія Булгакова и В. И. Аскоченскаго. Но послѣдніе два историка находятся въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ митрополита Евгенія, который, такимъ образомъ, является главнымъ источникомъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ нашей академіи. Въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ митрополита Евгенія и позднѣйшій трудъ М. З. Линчевскаго „Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи“ [1]). Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя митрополитомъ Евгеніемъ о внутреннемъ бытѣ Кіевской Академіи, не удовлетворяютъ современнымъ научнымъ требованіямъ: во первыхъ потому, что авторъ не указываетъ источниковъ, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія, и потому не даетъ возможности критически провѣрить ихъ; во вторыхъ потому, что рисуетъ общую картину внутренняго состоянія Кіевской Академіи за все время ея существованія до 1817 года, безъ указанія отличительныхъ чертъ каждой эпохи. По видимому, онъ пользовался преимущественно свѣдѣніями и устными преданіями, относящимися къ XVIII и даже къ началу нынѣшняго вѣка. Г. Линчевскій въ самостоятельной части своего труда тоже пользовался почти исключительно источниками XVIII и даже начала нынѣшняго вѣковъ. А между тѣмъ изъ одного уже обозрѣнія внѣшней исторіи Кіевской Академіи за XVII-й только вѣкъ можно видѣть, что эта академія въ разныя эпохи своей исторіи имѣла неодинаковыя права, неодинаковый кругъ наукъ и неодинаковый составъ учащихъ и учащихся. Иногда она умалялась до того, что, по извѣстному уже намъ выраженію Лазаря Барановича, „стала какъ малый

[1]) Въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи“, іюль, августъ и сентябрь 1870 года.

Закхей", заключая въ себѣ только низшіе классы; а съ 1689 года она впервые ввела у себя четырехлѣтній богословскій курсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала болѣе многочисленною по количеству учащихъ и учащихся въ ней.

Гдѣ же искать указаній на внутреннее состояніе Кіевской Академіи или—точнѣе—Коллегіи въ XVII вѣкѣ? Ихъ отчасти можно находить въ немногочисленныхъ учебникахъ и въ другихъ рукописяхъ и документахъ, сохранившихся отъ древней Кіево-Могилянской Коллегіи до настоящаго времени; но отсюда получаются только единичные, разрозненные факты изъ внутренней жизни Кіево-Могилянской Коллегіи за XVII столѣтіе. Можно также пользоваться и свѣдѣніями митрополита Евгенія и г. Линчевскаго о Кіевской Академіи, но только съ большою осторожностію, выбирая изъ нихъ для XVII вѣка только то, что̀ можетъ найти подтвержденіе себѣ въ другихъ источникахъ, относящихся къ XVII вѣку. Въ этомъ отношеніи немаловажнымъ пособіемъ для историка Кіевской Академіи можетъ служить аналогическое изученіе внутренняго быта ея съ параллельными ей учебными заведеніями, съ одной стороны—латино-польскими, по образцу которыхъ она устроена, а съ другой—русскими учебными заведеніями, возникшими въ началѣ XVIII вѣка по образцу Кіевской Академіи.

У нѣкоторыхъ изъ прежнихъ историковъ Кіевской Академіи есть мнѣніе о томъ, будто бы Краковская Академія во многихъ отношеніяхъ была образцомъ, по которому устроивалась и слагалась и наша Кіево-Могилянская Коллегія[1]). Но это мнѣніе ничѣмъ не обосновано и требуетъ критической провѣрки. По имѣющимся у насъ даннымъ, мы можемъ заключать, что для кіевскихъ ученыхъ XVII вѣка источниками, если не всегда высшаго, то болѣе или менѣе законченнаго образованія были четыре разряда западно-европейскихъ и осо-

[1]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", В. И. Аскоченскаго, Кіевъ, 1856 г., т. I, стр. 42.

бенно польско-католическихъ школъ: академическія, іезуитскія, піарскія и отчасти уніатско-базиліанскія.

Старѣйшія изъ этихъ школъ суть академическія, а именно: Краковская Академія, основанная по образцу Парижской Сорбоннской Академіи [1]), и Замойская Академія. Послѣдняя основана въ 1593 году великимъ короннымъ гетманомъ Яномъ Замойскимъ, который, самъ получивъ образованіе въ Падуанской академіи, по примѣру ея раздѣлилъ учениковъ своей академіи на пять группъ по народностямъ: польскую, литовскую, русскую, прусско-инфлянтскую и иностранную [2]). Такъ какъ Замойская Академія, представляя, въ сравненіи съ Краковскою Академіею, нѣкоторыя улучшенія въ научномъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ заключала въ себѣ спеціально русскую группу; то кіевляне охотно учились въ ней, особенно на первыхъ порахъ существованія Кіевской Коллегіи. Сильвестръ Косовъ, приглашенный въ 1631 году Петромъ Могилою въ преподаватели и префекты его Коллегіи, завершилъ свое образованіе въ Замойской Академіи [3]). Тамъ же учились въ 1629 году монахи Садокъ и Максимъ [4]). Одинъ изъ слушателей философскаго курса кіевскаго профессора Іосифа Кононовича Горбацкаго въ 1643 году является въ Замостьѣ, вѣроятно, для довершенія образованія [5]). Воспитанникъ Кіево-Могилянской Коллегіи при Петрѣ Могилѣ Игнатій Іевлевичъ, прослушавъ здѣсь курсъ философіи у того же Горбацкаго, слушалъ два года богословіе нравственное и

---

[1]) О Сорбоннѣ см. „Христіанское Чтеніе“, іюль—августъ, 1885-го года: Краковской Академіи въ сочиненіи Historya szkół w Koronie i Wielkiem Księstwie Litewskiem, I. Łukaszewicza, T. III, Poznan. 1851, стр. 1 и слѣд.

[2]) Historya szkół Лукашевича, т. III, стр. 324 и 338.

[3]) Рукописъ Кіево-Печерской лавры, по дополнит. каталогу № 20, л 1, на оборотѣ.

[4]) Тамъ же, л. 53

[5]) См. мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“ вып. 1, № 126, стр 232.

богословіе созерцательное по Скотту въ Замойской Академіи [1]). Въ кіевской семинарской библіотекѣ сохранился также рукописный философскій курсъ, преподанный въ 1665—1666 годахъ въ Замостьѣ по Карпентеру [2]). По видимому, менѣе посѣщалась нашими кіевлянами Краковская Академія. Въ кіевской семинарской библіотекѣ сохранилась въ рукописи естественная философія Альберта Великаго, преподанная въ Краковской Академіи въ 1666 году [3]). Извѣстно также, что Варлаамъ Ясинскій въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія учился въ Краковской Академіи и тамъ, не смотря на препятствія, увѣнчанъ философскимъ колпакомъ [4]).

Несомнѣнно имѣли большое вліяніе на нашу Кіевскую Коллегію іезуитскія школы, которыя стали появляться въ польско-литовскомъ государствѣ со второй половины XVI вѣка. Іезуитскій орденъ быстро опуталъ сѣтью своихъ коллегій и академій всю Польшу, Литву и юго-западную Русь и вступилъ въ соперничество и борьбу съ Краковскою Академіею, а впослѣдствіи и съ піарскими школами [5]). При всей фанатичности іезуитовъ и враждебности ихъ къ православію, воспитанники іезуитскихъ школъ нерѣдко переходили, для довершенія образованія въ православномъ духѣ, въ Кіево-Могилянскую Коллегію, а воспитанники послѣдней нерѣдко завершали свое образованіе въ іезуитскихъ школахъ. Сильвестръ Косовъ въ своемъ Екзегесисѣ 1635 года говоритъ, что, до основанія Кіево-Могилянской Коллегіи, русское юношество

---

[1]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, С. Голубева, вып. 1, прилож., стр 78.

[2]) „Описаніе рукоп. собраній... въ г. Кіевѣ“, вып. 1, №№ 147 и 148, стр. 245.

[3]) Тамъ же, № 148, стр. 245.

[4]) „Обзоръ Русской дух. литературы“, архіеп. Филарета, изд. 3, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 209.

[5]) Historya szkół w Koronie. i W. Księstwie Litewskiem, Лукашевича, т. 1, 1849 г., стр. 116 и слѣд.

училось, между прочимъ, въ Ингольштадтѣ [1]). А Ингольштадтская академія въ Баваріи была іезуитская [2]). Изъ 36-ти іезуитскихъ коллегій, находившихся въ XVII вѣкѣ въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, для насъ болѣе интересны коллегіи Брестъ-Литовская, Каменецъ-Подольская, Луцкая, Львовская, Люблинская, Несвижская, Перемышльская, Познанская, Полоцкая, Порицкая и Ярославская, и академія Виленская, такъ какъ рукописные учебники этихъ учебныхъ заведеній отъ XVII вѣка сохранились доселѣ въ кіевскихъ книгохранилищахъ. Здѣсь мы имѣемъ: 1) реторику, преподанную въ 1666 году въ Каменецъ-Подольской іезуитской коллегіи [3]); 2) діалектику, преподанную въ 1680-мъ году въ Познанской іезуитской Коллегіи [4]); 3) философско-реторическій сборникъ Ярославской іезуитской Коллегіи, 1683 года [5]); 4) реторику, преподанную въ Перемышльской іезуитской Коллегіи въ $168^{5}/_{6}$ году [6]); 5) реторику конца XVII вѣка, преподанную въ Несвижской іезуитской Коллегіи [7]); 6) двѣ реторики, преподанныя въ Брестской іезуитской Коллегіи въ $168^{6}/_{7}$ и $169^{2}/_{3}$ годахъ [8]); 7) діалектику, преподанную въ 1687 году въ Люблинской іезуитской коллегіи [9]); 8) реторическія упражненія, сочиненныя въ 1690 году въ Луцкой и Порицкой іезуит-

---

[1]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 83.

[2]) Historya szkol.., I. Лукашевича, т. IV, 1851 г., стр. 23.

[3]) Мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, вып. 2. № 296.

[4]) Рукопись Кіево-Соф. собора, № 389.

[5]) Тамъ же, №№ 445 и 454, и „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“ выпускъ 1, № 150, стр. 246, и вып. 2, № 298.

[6]) „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, вып. I, № 234, и вып. 2, №№ 116 и 473.

[7]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 472, и „Опис. рукоп. собр.“, вып. 2, № 95.

[8]) Рукоп. Кіево-Соф. собора №№ 447 и 453.

[9]) Тамъ же, № 447, л. 162 и слѣд.; „Описаніе рукоп. собр.“, вып. I, № 236.

скихъ коллегіяхъ [1]); 9 и 10) учебники іезуитскихъ коллегій Львовской [2]) и Полоцкой [3]). Но едва ли не больше всего сохранилось въ Кіевѣ отъ XVII вѣка рукописныхъ учебниковъ Виленской іезуитской академіи. Съ 1671 года мы насчитали здѣсь такихъ учебниковъ до 13-ти [4]). Особенность этихъ учебниковъ состоитъ въ томъ, что значительная часть ихъ представляетъ изъ себя богословскіе курсы, которые, по всей вѣроятности, занесены сюда русскими воспитанниками, заканчивавшими свое образованіе въ Виленской іезуитской академіи и слушавшими здѣсь богословіе. Извѣстно также, что Стефанъ Яворскій заканчивалъ свое образованіе въ іезуитскихъ школахъ: въ Львовской и Люблинской Коллегіяхъ онъ слушалъ философію, а въ Познани и Вильнѣ—богословіе [5]).

Третій разрядъ школъ, доступныхъ кіевлянамъ, представляли школы піарскія. Орденъ піарскій (ordo piarum scholarum, т. е. орденъ благочестивыхъ школъ) основанъ былъ въ началѣ XVII вѣка Іосифомъ Калассантымъ и имѣлъ своею цѣлію единственно первоначальное воспитаніе юношества. Но впослѣдствіи піары завели у себя, по примѣру іезуитовъ, и высшіе классы, по философію включительно, а для слушанія богословія отправляли своихъ орденскихъ воспитанниковъ въ другія академіи и коллегіи. Піары были менѣе фанатичны, чѣмъ іезуиты, отличались скромностію, не вмѣшивались въ

---

[1]) „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, вып. 1, № 244, и вып. 2, №№ 453 и 522.

[2]) Тамъ же, вып. 1, №№ 243 и 395, и вып. 2, №№ 304, 455, 469, 470, 500 и 508.

[3]) Тамъ же, вып. 2, №№ 417, 542 и др.; сн. Comunia duchowna ss. Boryса y Hlcba, изд. М. Марковскимъ въ „Кіевской Старинѣ“, за іюль, 1894 г., стр. 32 и слѣд.

[4]) „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, вып. 1, №№ 233 и 231; и вып. 2 №№ 441 и 482; Кіево-Соф. рукоп. №№ 212–216, 244, 246 и 443.

[5]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, за январь, 1864 г., стр. 52.

свѣтскія дѣла и воспитывали юношество въ строгихъ сравнительно порядкахъ. Въ Польшу и юго-западную Русь піары перешли довольно поздно изъ Германіи, гдѣ въ первой половинѣ XVII вѣка была ихъ коллегія въ Ольмюцѣ [1]). Въ послѣдствіи времени, піарскія коллегіи появляются, между прочимъ, въ Решовѣ съ 1655 года [2]), Варенжѣ съ 1688 года [3]), Щучинѣ польскомъ съ 1696 года [4]), и др. Мы упоминаемъ объ этихъ піарскихъ школахъ потому, что въ нихъ учились южно-руссы, или же, начавъ здѣсь обученіе, переходили потомъ въ Кіево-Братскую Коллегію. Сильвестръ Косовъ въ своемъ Екзегесисѣ 1635 года говоритъ, что до основанія Кіевской Коллегіи южно-русское юношество училось и въ Ольмюцѣ [5]). Въ 1651 году выслушалъ въ Ольмюцѣ философскій курсъ одинъ русскій православный воспитанникъ, вѣроятно Варлаамъ Ясинскій [6]). Кромѣ того, въ Кіевскихъ книгохранилищахъ доселѣ сохранились учебники піарскихъ школъ: Решовской $169^{8}/_{8}$ года [7]), Варенженской и Щучинской начала XVIII вѣка [8]).

Изъ уніатскихъ учебниковъ мы нашли въ Кіевѣ только философскій курсъ, преподанный Львомъ—Лукой Кишкой, впослѣдствіи уніатскимъ митрополитомъ, во Владиміро-Волынской коллегіи, основанной уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Заленскимъ [9]). Но эта коллегія важна для насъ не сама по себѣ, а какъ передаточный пунктъ, изъ котораго лучіе уні-

---

[1]) Historya szkół w Koronie i w W. Księstwie Litewskiem, Лукашевича, Познань, т. I, 1849 г., стр 174, 176, 177 и 292.

[2]) Тамъ же, т. IV, 1851 г., стр. 240.

[3]) Тамъ же, стр. 246 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 242 и слѣд.

[5]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 83.

[6]) Рукоп. Кіево-Соф. собора. № 388.

[7]) Тамъ же, № 458.

[8]) Тамъ же, №№ 462 и 464; „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, вып. 2, № 308.

[9]) „Описаніе рукописныхъ собраній въ Кіевѣ“, вып. 2, № 94.

атскіе воспитанники переходили, для довершенія своего образованія, въ Римъ. Такимъ путемъ попалъ въ Римъ и здѣсь закончилъ свое образованіе Ѳеофанъ Прокоповичъ II [1]).

Но замѣчательно, что кіевляне не любили диссидентскихъ школъ и почти не посѣщали ихъ. Есть единственное только указаніе на то, что въ библіотекѣ митрополита Варлаама Ясинскаго, была, съ собственноручными его замѣтками, рукописная реторика Георга Беккнера Ельбингскаго [2]), т. е. профессора лютеранской гимназіи въ Ельбингѣ [3]).

Что же касается русскихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ въ началѣ XVIII вѣка по образцу Кіевской Академіи, то къ числу ихъ принадлежатъ Черниговскій Коллегіумъ, Московская Академія, преобразованная по образцу Кіевской, архіерейская школа въ Ростовѣ великомъ, учрежденная св. Димитріемъ Ростовскимъ, и Коллегіумы Харьковскій и Смоленскій. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Ростовской школы, Московской Академіи и Смоленскаго Коллегіума сохранились даже школьныя „правила (regulae)“ [4]), которыя могутъ вос-

---

[1]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, т. I, 1856 г., стр. 307.

[2]) „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, вып. I, № 229. Вторую часть ея см. въ рукоп. Кіево-Соф. собора № 475.

[3]) Historya szkol, I. Лукашевича, т. 1. 1849 г., стр. 432 и слѣд.

[4]) См. о Ростовскомъ училищѣ книгу Шляпкина, „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, С.Петербургъ, 1891 г., стр. 328 и сл.; „Правила“ Московской Академіи, 1722 г., см. въ „Описаніи документовъ и дѣлъ“ архива Св. Синода, томъ II, ч. 2, С.Петербургъ, 1878 г., приложеніе, стр. 17—32; о „регулахъ“ Смоленскаго Коллегіума см. „Смоленскія Епарх. Вѣдом“, 1870 г. №№ 22 и 23 и 1871 г. №№ 1, 2 и 3. Впрочемъ, „правила“ Московской Академіи и „регулы“ Смоленскаго Коллегіума составлены Гедеономъ Вишневскимъ, закончившимъ свое образованіе въ іезуитскихъ школахъ (см. о немъ „Труды Кіевск. дух. Академіи“, январь, 1865 г., стр. 151 и 152), и мѣстами представляютъ буквальное повтореніе іезуитскихъ правилъ. Но мы не вводимъ въ кругъ сраненія главы Духовнаго Регламента „о домахъ школьныхъ“, потому что авторъ Регламента Ѳ. Прокоповичъ имѣлъ въ виду не примѣръ Кіев. Академіи, а созданіе новаго типа школы.

полнять свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи almae matris этихъ учебныхъ заведеній, т. е. Кіевской Академіи.

Какія изъ перечисленныхъ нами западно-европейскихъ и польскихъ школъ служили образцами для Кіево-Братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ,—это можно видѣть изъ сличенія внутренняго строя этихъ школъ съ отрывочными свѣдѣніями о внутреннемъ строѣ Кіево-Братской Коллегіи въ этомъ вѣкѣ и съ „правилами“ происшедшихъ отъ нея русскихъ учебныхъ заведеній. Весьма важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ этого сличенія служитъ извѣстное сочиненіе Іосифа Лукашевича „Исторія школъ въ Коронѣ и въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ отъ древнѣйшаго времени до 1794 года“, Познань, 1849—1851 гг., въ четырехъ томахъ. Съ одной стороны, изъ этого сочиненія, а съ другой—изъ отрывочныхъ данныхъ для исторіи Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ и изъ „правилъ“ возникшихъ изъ нея русскихъ учебныхъ заведеній, можно видѣть, что ни Краковская, ни Замойская, ни даже Виленская іезуитская академіи, по крайней мѣрѣ до 1680-хъ годовъ, не служили образцами для внутренняго устройства Кіево-Братской Коллегіи, и что такими образцами несомнѣнно были коллегіи іезуитскія и піарскія. Но съ 1680-хъ годовъ Кіево-Братская коллегія, послѣ введенія въ кругъ ея науки богословія, усвоила себѣ нѣкоторыя права академій, какъ высшихъ учебныхъ заведеній, не переставая, въ существѣ дѣла, быть по прежнему коллегіей, хотя и высшаго разряда. Такимъ образомъ, во внутреннемъ бытѣ Кіево-Братской Коллегіи за XVII столѣтіе можно различать двѣ эпохи: а) до 1680-хъ годовъ и б) съ 1680 годовъ и до начала XVIII столѣтія.

А) Іезуитскія и піарскія коллегіи въ XVII вѣкѣ въ существѣ дѣла принадлежали къ одному и тому же типу учебныхъ заведеній и имѣютъ даже генетическое родство между собою, такъ какъ піарскія коллегіи весьма много заимствовали у іезуитскихъ коллегій. Разница между ними только та, что піарскія коллегіи большею частію были неполныя и за-

канчивались философскимъ классомъ, тогда какъ іезуитскія коллегіи часто имѣли и богословскій классъ [1]). Наша Кіевская Коллегія, до 1680-хъ годовъ не имѣвшая богословскаго класса, скорѣе походила на піарскія коллегіи, хотя много удерживала у себя такого, что исключительно свойственно было іезуитскимъ коллегіямъ. Укажемъ параллельныя явленія въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ съ одной стороны и въ Кіево-Братской коллегіи—съ другой.

1) Школы іезуитскія и піарскія состояли подъ главнымъ управленіемъ орденскаго генерала, котораго въ провинціяхъ, составлявшихъ орденъ, замѣнялъ провинціалъ, избираемый генераломъ на три года. При провинціалѣ всегда были 4 консультора или совѣтника. Провинціалъ назначалъ префектовъ и учителей. Его обязанностію было отыскивать между молодыми монахами своего ордена людей, способныхъ къ учительской должности, а низшимъ учителямъ поручать преподаваніе высшихъ наукъ, не задерживая долго на низшихъ степеняхъ учительства. Онъ назначалъ время начатія и окончанія наукъ въ школахъ своей провинціи, равно какъ и время школьныхъ вакацій; ревизовалъ самъ лично или посылалъ ревизовать школы въ своей провинціи. Во главѣ каждой коллегіи стоялъ ректоръ, который обязанъ былъ управлять коллегіей и школами, назначать учителей, смѣнять или удалять ихъ, экзаменовать поступающихъ въ школы учениковъ и размѣщать ихъ по классамъ соотвѣтственно способностямъ, производить два раза въ годъ экзамены и успѣшнѣйшихъ учениковъ переводить въ высшіе классы. Помощникомъ ректора въ управленіи школою былъ префектъ, обязанностію котораго было выполнять предписанія относительно организаціи школы и плана наукъ, быть по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ на лекціи каждаго учителя и пересматривать иногда секстерны учениковъ. На немъ лежало устройство диспутовъ

[1]) Historya szkół w Koronie i w W. Księstwie Litewskiem, I. Лукашевича, Познань, т. I, 1849 г., стр. 289 и слѣд.

и публичныхъ экзаменовъ. Префектъ назначалъ директоровъ или инспекторовъ, которые обязаны были повиноваться ему, хотя бы и не были студентами, обходилъ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, квартиры учениковъ, а больныхъ навѣщалъ ежедневно, слѣдилъ также за отсутствующими въ классѣ. Гдѣ школы были выше и многолюднѣе, тамъ у іезуитовъ для низшаго разряда (собственной школы) назначался другой префектъ, какъ это бывало, напримѣръ, въ Познани, Калишѣ, Люблинѣ, Сандомирѣ, Брунсбергѣ, Кржахъ и т. д. Въ такомъ случаѣ первый префектъ имѣлъ подъ своимъ надзоромъ классы (собственно курсы) богословскій и философскій, второй—классы низшіе, начиная съ піитики и реторики; однако же послѣдній въ дѣлахъ касательно обученія долженъ былъ обращаться къ первому, а въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о школьномъ наказаніи, оба они обращались къ ректору. Второй префектъ, т. е. префектъ низшихъ классовъ, обязанъ былъ каждыя двѣ недѣли бывать на лекціяхъ подчиненныхъ ему учителей, принималъ въ школы вновь поступающихъ учениковъ, переводилъ въ высшіе классы и распоряжался устными и письменными экзаменами; назначалъ въ каждомъ классѣ декуріона изъ усерднѣйшихъ и лучшихъ учениковъ, котораго остальные ученики обязаны были уважать и слушаться. Юношество, предназначенное для своего ордена и въ будущіе учителя, іезуиты и піары обыкновенно брали изъ учениковъ реторики и философіи и посылали ихъ на два года въ свои новиціаты для духовныхъ упражненій, затѣмъ заставляли въ теченіи двухъ лѣтъ повторять пройденное въ коллегіи, послѣ чего ихъ назначали въ учителя низшихъ классовъ грамматическихъ, въ которыхъ они обыкновенно преподавали три года. Послѣ того, въ теченіи 4-хъ лѣтъ они слушали богословіе и, послѣ новаго годичнаго искуса, назначались учителями въ высшіе классы піитики, реторики, философіи и богословія, проповѣдниками, духовниками и т. д.[1]).

[1]) Тамъ же, стр. 232—235 и 289—292.

Несомнѣнно, и Петръ Могила хотѣлъ учредить въ южно-русской православной церкви нѣчто въ родѣ учебно-воспитательнаго духовнаго ордена, съ Кіевской Академій во главѣ. Въ 1633 году онъ исходатайствовалъ—было у польскаго короля Владислава IV особую грамоту на преобразованіе своего кіевскаго училища въ академію. Къ сожалѣнію, коронный канцлеръ Заджикъ, епископъ Хелмскій, и подканцлеръ Ѳома Замойскій не согласились приложить къ грамотѣ печати [1]). Самъ Петръ Могила назывался старшимъ братомъ, опекуномъ, смотрителемъ и защитникомъ Кіево-Братской Коллегіи [2]) и соотвѣтствовалъ, по своимъ правамъ, орденскому генералу. Петру Могилѣ непосредственно подчиненъ былъ ректоръ Кіево-Братской Коллегіи, который имѣлъ право совершать богослуженіе съ палицею, т. е. пользовался правами архимандрита [3]), завѣдывалъ не только Кіевскою Коллегіею, но и подчиненными ей второстепенными коллегіями, а потому иногда назывался „провинціаломъ". Первый ректоръ Кіево-Могилянской Коллегіи Исаія Трофимовичъ Козловскій въ одномъ спискѣ игуменовъ и ректоровъ Кіево-Братскихъ называется также „провинціаломъ коллегіума Кіевского и Гойского, которое Гойское Коллегіумъ зъ монастыремъ належали до монастыря Братского Кіевского" [4]). Кромѣ Гойской Коллегіи, КіевоБратской Коллегіи при Петрѣ Могилѣ подчинены были еще коллегія Винницкая [5]) и школы Кременецкія. Въ 1636 году Петръ Могила, благословляя Кременецкое Православное Братство и школы при немъ, постановилъ условіе, чтобы въ имѣющихъ открыться школахъ Кременец-

---

[1]) „Исторія Русской церкви", м. Макарія, т. XI, кн. 2, С.-Петербургъ. 1882 г., стр. 489.

[2]) „Описаніе Кіево-Соф. собора", м Евгенія, прилож., стр. 210.

[3]) „Исторія Русской церкви", м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 586.

[4]) См. наше II-е приложеніе.

[5]) „Исторія Кіев. дух. Академіи", С. Голубева, вып. 1, 1886 г. стр. 229—233.

кихъ, „ведлугъ порядку школъ кіевскихъ, знаючи еднакъ звѣрхнѣйшого ректора тихъ же школъ кіевскихъ, науки визволеніи розними язики трактовано“ [1]). Кромѣ того, Петръ Могила старался учредить школы въ Москвѣ, Валахіи и Молдавіи. Въ 1640 году онъ просилъ царя Михаила Ѳеодоровича соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить старцы и братія общежительнаго кіевскаго монастыря „и обучать дѣтей боярскихъ и простаго народа грамотѣ греческой и славянской, и увѣдомлялъ, что, по неоднократной просьбѣ валашскаго воеводы Василія, уже послалъ къ нему благообразныхъ иноковъ и добре ученыхъ учителей“ для заведенія школы [2]). Вѣроятно, для устроенія же школъ посланъ былъ въ 1640 году въ Яссы, въ Молдавію, бывшій ректоръ Кіево-Братской Коллегіи Софроній Почаскій, къ сожалѣнію умершій въ Яссахъ въ томъ же году [3]). Въ видахъ приготовленія для школъ учителей изъ монашествующихъ лицъ, на кіевскомъ соборѣ 1640 года было постановлено на будущее время въ монахи не постригать не бывшихъ на послушаніи въ Кіевскомъ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ [4]), т. е. учреждено было въ этомъ монастырѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ настоятеля его Исаіи Трофимовича Козловскаго, нѣчто въ родѣ монашескаго новиціата. Но планъ Петра Могилы вполнѣ не осуществился, и Кіево-Братская Коллегія до 1680-хъ годовъ оставалась только среднимъ учебнымъ заведеніемъ, безъ богословскаго курса.

Ректоръ Кіево-Братской Коллегіи большею частію былъ вмѣстѣ и Кіево-братскимъ игуменомъ, и преподавателемъ въ высшемъ изъ наличныхъ классовъ Коллегіи, но—не всегда:

---

[1]) „Труды К'ев. дух. Академіи“, сентябрь, 1887 г., стр. 128.

[2]) „Исторія Русской церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, стр. 498.

[3]) См. наше II-е приложеніе; сн. „Исторію Кіев. Академіи“, Макарія Булгакова, 1843 г., стр. 81.

[4]) „Исторія Русской церкви“, м. Макарія, т, XI, кн. 2, стр 588.

иногда ректръ не преподавалъ никакого предмета, а иногда не былъ и Кіево-братскимъ игуменомъ, какъ напр. Іоасафъ Кроковскій въ 1693—1697 годахъ [1]). Ректоръ имѣлъ при себѣ трехъ совѣтниковъ изъ учителей богословія и философіи и префекта или проповѣдника; распредѣлялъ, съ разрѣшенія мѣстнаго архіерея, учителей по классамъ, опредѣлялъ предметы ученія, ежемѣсячно посѣщалъ уроки учителей, кромѣ учителей богословія и философіи, и дѣлалъ имъ замѣчанія наединѣ, присутствовалъ на частныхъ и публичныхъ диспутахъ, и проч. [2]).

Ближайшимъ помощникомъ ректора въ Кіево-Братской Коллегіи, какъ и въ коллегіяхъ іезуитскихъ и піарскихъ, былъ префектъ. Невѣрно митрополитъ Евгеній утверждаетъ, будтобы училищное начальство въ Кіевской Академіи отъ основанія оной до 1700 года состояло только изъ ректора и учителей, а съ 1700 года установлены будто бы и префекты [3]). Подъ 1690 годомъ онъ самъ указываетъ префекта школъ братскихъ и философіи учителя Силуана Озерскаго [4]). Кромѣ Озерскаго, намъ извѣстны еще изъ XVII вѣка слѣдующіе префекты Кіево-Братской Коллегіи: Сильвестръ Косовъ съ 1631 года [5]), Ѳеодосій Васильевичъ Баевскій до 1651 года [6]), Виссаріонъ Шулковскій въ 1672—1676 г.г., Зосима Согнѣкевичъ въ 1678 году [7]), Іоасафъ Кроковскій съ 1683 года [8]), Стефанъ Яворскій въ 1693—1697 г.г., Михаилъ Онихимовскій въ 1697—1698 г.г. и Иннокентій Поповскій въ 1699—1701 г.г. [9]). При Петрѣ Могилѣ префекты были даже во вто-

---

[1]) См. объ этомъ въ первой главѣ нашего изслѣдованія.

[2]) „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива св. Синода, т. II. ч. 2, 1878 г. прилож., стр. 21; „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1870 г., №№ 22 и 23.

[3]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 217.

[4]) Тамъ же стр. 228.

[5]) „Исторія Кіев. Д. Академіи“. С. Голубева, вып. 1, прилож., стр 77.

[6]) См наше II-е приложеніе.

[7]) Тамъ же.

[8]) Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 444.

[9]) См. наше II-е приложеніе и 1-ю главу.

ростепенной Гойской Коллегіи, какъ напр. Лука Шашкевичъ [1]). До введенія въ Кіевской Академіи богословскаго курса, префекты преподавали въ ней, по всей вѣроятности, реторику, какъ это извѣстно намъ о Сильвестрѣ Косовѣ [2]). Въ $168^3/_4$ г. префектомъ былъ профессоръ реторики Іоасафъ Кроковскій [3]). Съ введеніемъ богословскаго курса въ академіи, префектами ея обыкновенно были профессора философіи, но не всегда. Въ 1693—1697 г.г., въ ректорство Іоасафа Кроковскаго, префектомъ академіи былъ профессоръ богословія Стефанъ Яворскій [4]). Вообще, префектъ преподавалъ или во второмъ изъ наличныхъ высшихъ классовъ, или же, если ректоръ не преподавалъ ничего,—въ высшемъ классѣ. Префектъ принималъ учениковъ въ Коллегію и записывалъ ихъ въ особую книгу, слѣдилъ за ихъ успѣхами и поведеніемъ, провинившимся дѣлалъ выговоры, а изъ низшихъ классовъ и наказывалъ; переводилъ, послѣ экзаменовъ, изъ класса въ классъ и отчасти наблюдалъ за преподавателями, посѣщая черезъ двѣ недѣли уроки въ низшихъ классахъ, дѣлалъ имъ двукратно замѣчанія наединѣ и заботился о порядкѣ, цѣлости и всякой чистотѣ школъ [5]). Должность префектовъ, сверхъ того, была и экономическая въ содержаніи казенныхъ учениковъ [6]). Префектъ выбиралъ и назначалъ къ шляхетнымъ достаточнѣйшимъ дѣтямъ, жившимъ по квартирамъ, для наблюденія за ихъ ученіемъ и поведеніемъ, инспекторовъ изъ лучшихъ студентовъ и учениковъ Коллегіи [7]). Въ послѣдствіи времени, въ XVIII

---

[1]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“ С. Голубева, вып. 1. прилож., стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 77; см. „Петръ Могила и его сподвижники“, С. Голубева. т. 1, Кіевъ, 1883 г., приложеніе, стр. 539.

[3]) Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 444.

[4]) См. объ этомъ въ первой главѣ нашего труда.

[5]) „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива св. Синода, т. II, кн. 2, 1878 г., прилож., стр. 21; „Смоленскія Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 1, стр. 8—17.

[6]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, стр. 217.

[7]) Тамъ же; см. „Истор. Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 78.

вѣкѣ, въ Кіевской Академіи является должность суперъинтендента [1]), соотвѣтствующая должности втораго префекта іезуитскихъ коллегій.

Профессора и вообще наставники Кіево-Братской Коллегіи часто оканчивали свое образованіе въ западно-европейскихъ и польско-литовскихъ коллегіяхъ и академіяхъ и слушали въ нихъ богословіе, какъ это извѣстно уже намъ о Сильвестрѣ Косовѣ, Варлаамѣ Ясинскомъ, Іоасафѣ Кроковскомъ, Стефанѣ Яворскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ II и др. Но бывали такія лица, которыя, ограничившись образованіемъ въ Кіево-Братской Коллегіи, достигали потомъ званія ректора ея, какъ наприм. Іоанникій Галятовскій [2]). Преподаватели въ грамматическихъ классахъ могли быть и изъ студентовъ философіи и богословія, не окончившихъ еще курса, и въ такихъ случаяхъ они обязывались ходить въ урочные часы для слушанія лекцій въ философскій или богословскій классъ, а послѣ лекцій прямо возвращаться въ свои школы [3]). Кромѣ учителей, были еще особые проповѣдники, изъ коихъ намъ извѣстны: Мелетій Дзикъ [4]) и Паисій Мокачевскій, умершій въ 1672 году [5]).—Преподаватели Кіевской Коллегіи, подобно преподавателямъ іезуитскихъ и піарскихъ коллегій, долго не засиживались на своихъ каѳедрахъ, а обыкновенно переходили, вмѣстѣ съ воспитанниками, изъ низшихъ классовъ въ высшіе, напримѣръ, изъ одного грамматическаго класса въ другіе высшіе грамматическіе, а изъ этихъ послѣднихъ—въ классы піитики и реторики. Но въ дальнѣйшемъ движеніи по

---

[1]) „Педагогія братскихъ школъ“, М. Линчевскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, 1870 г., стр. 564 и 565

[2]) „Іоанникій Галятовскій“, Н. Ѳ. Сумцова, Кіевъ, 1884 г., стр. 17.

[3]) „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива Св. Синода, т. II, кн. 2, прилож., стр. 23; „Смоленскія Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 2, стр. 40 и 41.

[4]) См. наше II-е приложеніе.

[5]) „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. Дух. Академіи“, Н. Петрова, № 39.

службѣ они встрѣчали нѣкоторое препятствіе въ сравнительной продолжительности курсовъ философскаго и впослѣдствіи богословскаго. Философскій курсъ обыкновенно продолжался два года, а богословскій—четыре. Извѣстный преподаватель, дошедши до реторики и окончивъ ея годичный курсъ, не могъ перейти въ философскій классъ, но, судя по способностямъ, или переводился въ ректоры второстепенныхъ коллегій Винницкой, а впослѣдствіи Гойской, или дѣлался проповѣдникомъ слова Божія, или вовсе оставлялъ коллегію, или же оставляемъ былъ на второй курсъ въ реторикѣ, по окончаніи котораго уже переходилъ въ философскій классъ. Къ концу XVII вѣка подобную, но еще болѣе продолжительную задержку встрѣчалъ и профессоръ двухгодичной философіи въ профессорѣ четырехгодичнаго богословія. Послѣдній, прошедши четырехгодичный богословскій курсъ, оставлялъ преподаваніе, иногда оставаясь однакоже ректоромъ коллегіи и настоятелемъ монастыря, какъ напр. Іоасафъ Кроковскій и Прокопій Калачинскій [1]).

2) Собственно школы въ каждой іезуитской коллегіи состояли изъ пяти классовъ: трехъ низшихъ, называвшихся грамматическими, а именно—инфимы, грамматики и синтаксимы, и двухъ высшихъ *humaniora*, т. е. піитики и реторики. Кромѣ этихъ классовъ, были еще въ болѣе богатыхъ коллегіяхъ, по большимъ и воеводскимъ городамъ, курсы философіи и богословія.

Каждый изъ низшихъ классовъ имѣлъ своего особаго учителя; если же этотъ классъ былъ такъ многолюденъ, что за нимъ не могъ надлежащимъ образомъ наблюдать одинъ учи-

---

[1]) Это можно видѣть изъ нашего описанія учебниковъ въ IV-мъ нашемъ приложеніи. Благодаря такой правильности служебнаго движенія учащихъ и начальствующихъ лицъ коллегіи, не трудно прослѣдить прежнюю учебно-педагогическую дѣятельность извѣстнаго историческаго лица, упомянутаго подъ извѣстнымъ годомъ въ такой или иной учебно-педагогической должности.

тель, тогда, съ разрѣшенія генерала ордена, раздѣлялся на два отдѣленія, совершенно равныя между собою въ отношеніи плана наукъ. Ученики оставались обыкновенно въ каждомъ классѣ по году; но способнѣйшіе и усерднѣйшіе въ четырехъ низшихъ классахъ могли быть переводимы выше черезъ полгода; однако это рѣдко случалось и обыкновенно примѣнялось къ къ дѣтямъ пановъ.

Въ инфимѣ или низшемъ грамматическомъ классѣ ученики должны были изучать этимологическую часть грамматики и начатки ученія о синтаксисѣ, по Альвару; а по греческой грамматикѣ учились читать и писать и начаткамъ греческаго языка. Въ піарскихъ школахъ въ инфимѣ учили еще началамъ ариѳметики и катихизису по сочиненію Канизія Summa doctrinae Christianae.

Въ среднемъ грамматическомъ классѣ ученики ознакомлялись вообще съ правилами грамматическими. Уроки ихъ начинались со второй книги Альвара и продолжались до syntaxis ornata. Изъ греческой грамматики учились склоненію и спряженію. Изъ авторовъ латинскихъ читали письма Цицерона ad familiares и избранныя мѣста изъ Овидія, въ другомъ же полугодіи прибавляли къ тому катихизисъ и греческаго автора Кевита (Cebesa).

Въ высшемъ грамматическомъ классѣ оканчивали науку грамматики и повторяли во всемъ объемѣ отдѣлъ о синтаксисѣ, присоединяя къ нему такъ называемую syntaxis ornata и науку о составленіи стиховъ. Изъ греческаго языка назначено было для этого класса ученіе о восьми частяхъ рѣчи. Изъ прозы латинской читали въ первомъ полугодіи избранныя письма Цицерона; во второмъ—письма о дружествѣ, о старости и paradoxa; изъ поэзіи сначала избранныя элегіи и письма Овидія, а потомъ избранные отрывки изъ Катулла, Тибулла, Проперція и эклоги, или же отрывки изъ Георгикъ и Енеиды Виргилія. По греческому языку читали Златоустаго, Езопа, Агапита и т. п. По субботамъ въ іезуитскихъ школахъ преподавался еще катихизисъ.

Въ классѣ піитики ученики приготовлялись къ реторикѣ Отъ нихъ требовались: знаніе латинскаго языка, извѣстная степень знанія въ наукахъ вспомогательныхъ, т. е. въ исторіи, археологіи, миѳологіи, географіи, и какое либо представленіе о поэзіи. Относительно знанія латинскаго языка ученикъ долженъ былъ понимать и читать: изъ ораторовъ—письма Цицерона и именно нравоучительныя его сочиненія; изъ историковъ—Цезаря, Саллюстія, Ливія, Курція и др.; изъ поэтовъ—Виргилія, избранныя оды Горація и сверхъ того элегіи, эпиграммы и поэмы другихъ авторовъ, съ опущеніемъ неудобныхъ мѣстъ. Преподавались также правила реторическія. Все это въ первомъ полугодіи. Во второмъ полугодіи читали рѣчи Цицерона, а погреческому языку учились синтаксису и писали небольшія письменныя упражненія, которыя поправлялъ учитель. Въ этомъ полугодіи ежедневно объяснялась реторика Кипріана Соареца (Soarii) о тропахъ и фигурахъ, хріяхъ и проч. По субботамъ, въ числѣ прочихъ занятій, было повтореніе катихизиса.

Въ классѣ реторики преподавали теорію краснорѣчія, стилистику и вспомогательныя науки, т. е. миѳологію, исторію, древности римскія и греческія, географію и т. п. При преподаваніи теоріи краснорѣчія пользовались реторическими сочиненіями Цицерона и реторикой и піитикой Аристотеля, а впослѣдствіи учили краснорѣчію по Соарецу. Въ стилѣ латинскомъ упражняли юношество на сочиненіяхъ Цицерона и именно на его рѣчахъ, не пренебрегая однако же и лучшими писателями римскими, историками и поэтами. Погречески назначена была на этотъ классъ просодія, и знакомили учениковъ съ писателями и діалектами греческими. Ежемѣсячно учитель давалъ тэму для рѣчи, диктуя ея планъ и указывая для подражанія соотвѣтствующія мѣста древнихъ ораторовъ. Тэму для упражненій въ стихотворствѣ учитель давалъ письменно или устно. Ученики сочиняли эпиграммы, оды, элегіи и т. п. какъ на латинскомъ, такъ и на греческомъ

языкѣ. Иногда учитель задавалъ также на память какую-нибудь эклогу, или сцену изъ драмы, или діалогъ и велѣлъ ученикамъ разыгрывать его въ классѣ, но безъ театральной обстановки. Курсъ ученія въ реторикѣ былъ двухлѣтній для учениковъ, которые желали перейти изъ нея въ философію и вступить въ орденъ.

Въ философскомъ классѣ преподавали этику (нравственную философію), высшую и низшую математику, физику, логику, метафизику. Курсъ философскій у іезуитовъ продолжался три года. Профессоръ философіи въ первый годъ преподавалъ логику по Толету или Фонсеку, во второй—физику по Аристотелю, въ третій книгу Аристотеля о душѣ и метафизику. Профессоръ нравственной философіи читалъ этику Аристотеля. Профессоръ математики проходилъ съ учениками Евклида, училъ кое-чему изъ географіи и излагалъ ученіе о сферѣ. Профессоръ еврейскаго языка въ началѣ года пробѣгалъ съ учениками начатки грамматики этого языка, потомъ переводилъ съ ними болѣе легкую книгу Ветхаго Завѣта.

Въ богословскомъ классѣ у іезуитовъ преподавали догматическое, нравственное, полемическое и казуистическое богословіе, каноническое право, еврейскій языкъ. Профессоръ богословія обязанъ былъ строго держаться Ѳомы Аквината, но съ обязательствомъ въ ученіи о зачатіи Пресв. Дѣвы и о святости брака держаться общаго и наиболѣе принятаго богословами ученія. Курсъ богословія продолжался 4 года. Богословіе догматическое иногда преподавали два профессора. Профессоръ казуистическаго богословія (соотвѣтствующаго нашему пастырскому богословію) преподавалъ въ теченіи двухъ годовъ ученіе о таинствахъ, о состояніяхъ и обязанностяхъ людей, о клятвахъ; въ другіе два года изъяснялъ десять Божьихъ заповѣдей.

Въ субботу, а иногда два раза въ недѣлю, каждый профессоръ этихъ двухъ классовъ, т. е. философіи и богословія, долженъ былъ имѣть диспуты въ школѣ, продолжающіеся

два, а иногда и больше часовъ. Въ городахъ же, гдѣ бывали съѣзды, такіе диспуты должны были происходить публично черезъ два мѣсяца.

Въ планѣ наукъ іезуитскихъ школъ въ Польшѣ и Литвѣ произошли въ XVII вѣкѣ нѣкоторыя перемѣны. Со времени Яна Казиміра изъ нихъ совершенно изгнанъ былъ греческій языкъ, или же въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, гдѣ его удержали, предоставлено желанію учениковъ учиться этому языку, или не учиться; зато введено по мѣстамъ изученіе новыхъ языковъ, напримѣръ, нѣмецкаго и французскаго, и особые часы для всеобщей исторіи и новой географіи [1]).

Этотъ планъ преподаванія наукъ въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ перенесенъ былъ и въ Кіевскую Коллегію, хотя и съ значительными сокращеніями. Въ Кіево-Братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ было сначала 6, а къ концу этого вѣка 7 классовъ, а именно: три грамматическихъ—инфима, грамматика и синтаксима; два класса humaniora, т. е. піитика и реторика; высшій классъ философіи, къ которому въ концѣ XVII вѣка прибавленъ былъ другой высшій классъ богословія. Впрочемъ, въ смутныя времена исторіи Малороссіи и Кіева, съ 1651 и до 1670-хъ годовъ, курсъ ученія въ Кіево-Братской Коллегіи оканчивался только реторикой. Каждый изъ классовъ обыкновенно имѣлъ по одному только преподавателю или профессору, вслѣдствіе чего не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ Кіево-Братской Коллегіи не было того развѣтвленія и той спеціализаціи наукъ, какія мы видѣли въ іезуитскихъ коллегіяхъ.

Что и какъ преподавалось въ Кіево-Братской Коллегіи въ трехъ низшихъ ея классахъ, т. е. грамматическихъ, съ точностію неизвѣстно. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій въ XVIII вѣкѣ писалъ, что въ „академіи нашей кіевской *отъ давнихъ лѣтъ* обучаютъ учениковъ латинскому

[1]) Historya szkol.., I. Лукашевича, т. I, стр. 235—251 и 292—293.

языку по грамматикѣ Альвара“ [1]). Въ Ростовской школѣ и въ Смоленской Коллегіи грамматика Альвара преподавалась въ теченіе трехъ лѣтъ въ трехъ грамматическихъ классахъ [2]). При преподаваніи грамматики, иногда изъясняли, вмѣсто древнихъ языческихъ писателей,—византійскихъ церковныхъ историковъ, напримѣръ Георгія Кедрина [3]). Можетъ быть, на основаніи подобныхъ примѣровъ, Духовный Регламентъ совѣтуетъ, совмѣстно съ грамматикою, преподавать также географію и исторію, именно посредствомъ упражненій въ переводахъ географическихъ или историческихъ сочиненій съ одного языка на другой [4]). Кромѣ латинской грамматики, въ грамматическихъ классахъ преподавались еще: славянскій языкъ по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и греческій языкъ по Гретсеру, принятому также и въ іезуитскихъ коллегіяхъ [5]). Петръ Могила имѣлъ въ виду поручить преподаваніе греческаго языка въ своей коллегіи природнымъ грекамъ и съ этою цѣлію въ 1645 году хотѣлъ задержать у себя ученаго архимандрита великой Константинопольской церкви Венедикта, желая оставить его въ своемъ великомъ училищѣ для преподаванія эллинскаго языка [6]). Но уже къ 1649 году преподаваніе греческаго языка въ Кіево-Братской Коллегіи значительно упало, какъ это видно изъ грамоты іерусалимскаго патріарха Паисія, который свидѣтельствуетъ, что греческій языкъ Кіево-Братскіе учителя знали только отчасти [7]). А

---

[1]) „Педагогія братскихъ школъ“, М. Линчевскаго, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, августъ, 1870 г., стр. 456.

[2]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 332 и слѣд.; „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 1, стр. 2 и 3.

[3]) См. рукопись 1665—1669 гг. въ моемъ „Описаніи рукоп. собраній, находящихся въ Кіевѣ“, вып. 1 № 218, стр. 271. Тутъ же—и начало катихизиса, несомнѣнно преподававшагося въ Кіево-Братской Коллегіи

[4]) Духовный Регламентъ, „о домахъ училищныхъ“, § 9.

[5]) Historya szkół.., I. Лукашевича, т. I, стр. 352 и 289.

[6]) „Исторія Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 131.

[7]) „Памятники“ Кіев. врем. Комм., т. II, стр. 182 и слѣд.

Варлаамъ Лащевскій въ предисловіи къ своей „Грамматикѣ греческаго языка“ говоритъ, что до него греческій языкъ не преподавался въ Кіевской Академіи 100 лѣтъ [1]). Вѣроятно, въ грамматическихъ же классахъ преподавался въ Кіево-Братской Коллегіи краткій катихизисъ, какъ онъ преподавался потомъ въ Ростовской школѣ и въ Смоленской Коллегіи [2]). Въ 1645 году Петръ Могила издалъ „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской“.., и проч., между прочимъ для того, чтобы служить руководствомъ для православныхъ и особенно для дѣтей, обучающихся въ школахъ [3]). Но около 1665 года этотъ катихизисъ замѣненъ былъ другимъ школьнымъ катихизисомъ на тогдашнемъ южно-русскомъ книжномъ языкѣ [4]). Судя по времени, катихизисъ этотъ составленъ былъ Варлаамомъ Ясинскимъ и впослѣдствіи повторяемъ былъ на латинскомъ языкѣ въ піитическомъ классѣ [5]). По четвергамъ въ Смоленской коллегіи учили ариѳметикѣ [6]). Грамматическіе классы были одногодичные; но лучшіе ученики иногда переводились изъ одного грамматическаго класса въ другой высшій и до истеченія учебнаго года [7]).

О преподаваніи піитики и реторики въ Кіево-Братской Коллегіи существуетъ мнѣніе, будто бы эти науки иногда преподавались здѣсь совмѣстно однимъ учителемъ и въ одномъ годичномъ классѣ [8]). По видимому, это мнѣніе под-

[1]) Grammatica graecae linguae, Bresl. 1746.

[2]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, 1991, стр. 337; „Смолен. Епарх. Вѣд.“ 1871 г., № 1, стр. 4, и № 2, стр. 32 и 33.

[3]) „Исторія Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, стр. 596.

[4]) См. мое „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. 1, № 218, стр. 272, и наше VI-е приложеніе.

[5]) См. піитику Fons Castalius, 1700—1701 г.. л. 162—188. Тамъ же, № 239, стр. 279.

[6]) „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 1, стр. 4.

[7]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“ С. Голубева, вып. 1, прилож., стр. 77; сн. „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 1, стр. 16.

[8]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, I, 137.

тверждается и свидѣтельствомъ Игнатія Іевлевича, который говоритъ, что въ $163^{1}/_{2}$ учебномъ году, т. е. въ первый годъ существованія Кіево-Могилянской Коллегіи, реторику совмѣстно съ піитикой преподавалъ профессоръ о. Почаскій [1]). Указываютъ также и на такія учебныя руководства, въ которыхъ заключаются и реторическія, и піитическія правила [2]). Но если въ первый годъ существованія Кіево-Могилянской Коллегіи и преподавалась реторика вмѣстѣ съ піитикой однимъ профессоромъ, то въ видѣ исключенія, и притомъ недолго. Въ мартѣ этого же учебнаго года Софроній Почаскій уже подписался профессоромъ реторики только, а не піитики вмѣстѣ [3]); а въ $163^{2}/_{3}$ году реторику и піитику преподавали отдѣльные профессора, реторику Сильвестръ Косовъ, а піитику Антоній Пацевскій [4]). Что же касается тѣхъ учебниковъ, которые заключаютъ въ себѣ и реторическія и піитическія правила,—то это собственно учебники по піитикѣ, которая раздѣлялась на двѣ части. Въ первой изъ нихъ сообщались нѣкоторыя реторическія правила о письмахъ, періодахъ и хріѣ; а во второй части—собственно о поэзіи. Вторая часть въ свою очередь раздѣлялась на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ говорилось о поэзіи, ея природѣ, матеріи и формѣ, о стихѣ и о пособіяхъ поэзіи, а во второмъ отдѣлѣ—о поэзіи въ частности, т. е. о видахъ ея [5]). Въ отдѣлѣ о пособіяхъ поэзіи (de subsidiis poëseos) кратко излагалась миѳологія грекоримская и предлагались индексы сентенцій и примѣровъ изъ классическихъ писателей [6]). Въ этомъ же классѣ, какъ мы

---

[1]) „Исторія Кіевской Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 77.

[2]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, Макарія Булгакова, 1843г., стр. 65 и 66.

[3]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“, С. Голубева, вып. 1, прилож. стр. 46 и 49.

[4]) „Петръ Могила и его сподзижники“, его же, т. 1, прилож., стр. 539.

[5]) См. мое „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, № 239, стр. 279.

[6]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ“ въ Кіевской Академіи, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 314.

уже замѣчали, повторялся краткій катихизисъ на латинскомъ языкѣ [1]).

Реторика въ Кіево-Братской Коллегіи дѣлилась на общую и частную или прикладную. Общая реторика, кромѣ предварительныхъ понятій о ней, состояла изъ пяти частей: объ изобрѣтеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Частная или прикладная реторика излагала ученіе о видахъ краснорѣчія: преимущественно изъяснительномъ или панегирическомъ, а отчасти совѣщательномъ и судебномъ [2]). Въ этомъ классѣ преподавались иногда и правила церковнаго краснорѣчія или проповѣдничества, по примѣру іезуитскихъ реторикъ Мендозы, Кавзина (Causinus) и др. Однѣ изъ кіевскихъ реторикъ, говоря, напримѣръ, о составленіи предложенія, приступа и т. п., тутъ же замѣчали, что такой-то способъ составленія предложенія или приступа свойственъ какъ свѣтскимъ, такъ и священнымъ ораторамъ, приводили примѣры изъ проповѣдей, а иногда помѣщали и цѣлыя проповѣди, такъ что чѣмъ дальше идетъ рядъ подобныхъ руководствъ, тѣмъ болѣе и болѣе проникаются они замѣчаніями о проповѣдяхъ и примѣрами изъ проповѣдей. Другіе же изъ кіевскихъ риторовъ помѣщали въ своихъ реторикахъ особые трактаты о проповѣди. Такова, напримѣръ, реторика $168^{7}/_{8}$ года подъ заглавіемъ Orator e mente Tulliana ad ubique exacte dicendum instructus [3]). Къ такимъ же трактатамъ нужно отнести „Науку альбо способъ сочинять проповѣди“ Іоанникія Галятовскаго при его сборникѣ проповѣдей „Ключъ разумѣнія“, впервые изданномъ въ Кіевѣ въ 1659 году. Кромѣ теоретическихъ замѣтокъ и правилъ о проповѣдничествѣ, преподавались и практическіе уроки его въ формѣ живой про-

---

[1]) „Описаніе рукоп. собраній... въ г. Кіевѣ“, вып. I, № 239, стр. 279.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ“ въ Кіевской Академіи, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, Мартъ, 1868 г., стр. 471, 488 и др.

[3]) „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи“, въ Трудахъ Кіев. дух. Акад.“, мартъ, 1868 г., стр. 91 и сл.; см. рукоп. Кіево-Мих. м. н., № 1729.

повѣди, для чего въ XVII вѣкѣ существовала въ Кіево-Братскомъ монастырѣ особая должность проповѣдника [1]). Во всякомъ случаѣ, нужно оставить мнѣніе прежнихъ историковъ Кіевской Академіи о томъ, будто бы въ Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ преподавалась особая наука гомилетика, и притомъ будтобы въ классѣ богословія [2]). Въ нѣкоторыхъ кіевскихъ реторикахъ XVII вѣка, въ концѣ, въ видахъ приготовленія воспитанниковъ къ высшему, т. е. философскому классу, преподавалась краткая діалектика [3]).

Піитика и реторика назывались въ Кіево-Братской Коллегіи humaniora, а ученики ихъ—„гуманистами“ [4]). Какъ піитика, такъ и реторика, судя по уцѣлѣвшимъ доселѣ учебникамъ, преподавались по одному только году каждая [5]). Упражненія въ этихъ классахъ писались на латинскомъ и польскомъ языкахъ, а къ самому концу XVII вѣка—отчасти и на южно-русскомъ книжномъ языкѣ [6]). Учителя реторики и піитики каждый мѣсяцъ попеременно устраивали „декламаціи краткія, или орацію или симъ подобнія, первый штилемъ риторскимъ, вторій—виршами, и то чрезъ полъчаса токмо или наибольше чрезъ часъ единъ“. Учитель реторики ежегодно, при возобновленіи занятій, долженъ былъ имѣть публичную орацію [7]).

Въ философскомъ классѣ Кіево-Братской коллегіи пре-

---

[1]) О Кіево-Братскихъ проповѣдникахъ XVII вѣка Мелетіѣ Дзикѣ и Паисіѣ Мокачевскомъ сказано нами выше.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, Аскоченскаго, I, 141.

[3]) См. реторику І. Кононовича-Горбацкаго 1635—6 г., въ Описаніи рукописей Черниг. Дух. Семинаріи, Лилеева, 1880 г., № 174, стр. 200; сн. Orator, 1687—8 г., въ рукоп. Кіево-Мих. мон., № 1729 и др.

[4]) Fons Castalius, 1700-1701 г., л. 3, въ моемъ „Описаніи рук. собр.“, I, № 239.

[5]) См. IV-е наше приложеніе.

[6]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ“ въ Кіевской Академіи, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 323 и 324.

[7]) „Описаніе декументовъ и дѣлъ“ архива Св. Синода, т. II, кн. 2. 1878 г., прилож., стр. 22; „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 2, стр. 30 и 31.

подавали только философскій курсъ, состоявшій обыкновенно изъ діалектики, логики, физики и метафизики; но не преподавались ни этика, ни геометрія, ни еврейскій языкъ; по крайней мѣрѣ, за XVII вѣкъ мы нигдѣ не нашли и слѣдовъ преподаванія этихъ предметовъ. Сколько лѣтъ преподавался философскій курсъ въ Кіево-Братской коллегіи,—объ этомъ есть извѣстіе Игнатія Іевлевича, который говоритъ о себѣ, что съ 1639 года онъ слушалъ трехлѣтній философскій курсъ у о. Кононовича. Но тотъ же Іевлевичъ въ 1645—1647 годахъ вторично слушалъ уже двухгодичный только курсъ философіи у Иннокентія Гизеля [1]). Съ тѣхъ поръ философскій курсъ, судя по сохранившимся учебникамъ философіи, всегда былъ двухгодичный [2]). До введенія богословія въ Кіевскую Академію, философскіе курсы ея нерѣдко касались и богословскихъ вопросовъ, соприкасавшихся съ философіей. Г. Аскоченскій невѣрно говоритъ, будто бы Кіево-Братская Коллегія устранила философію отъ всякаго вліянія на ученіе евангелія и будто бы осторожные преподаватели въ древней Коллегіи оставляли Метафизику, какъ соприкасавшуюся слишкомъ часто съ богословіемъ, самою меньшею и незамѣтною частію философіи, такъ какъ эта часть ограничивалась будтобы лишь разсужденіями о существѣ возможномъ, какъ произведеніи ума философствующаго, и о существахъ безтѣлесныхъ [3]). Прямымъ опроверженіемъ г. Аскоченскому служитъ философскій курсъ Иннокентія Гизеля, 1645—1647 г.г., въ которомъ есть и отдѣльные богословскіе вопросы, и въ метафизикѣ—цѣлый философско-богословскій трактатъ о Богѣ и ангелахъ. Такъ, напримѣръ, во второй части философскаго курса Гизеля или физикѣ рѣшаются вопросы о душѣ разумной, ея происхожденіи, безсмертіи и духовности. Въ третьей и послѣдней части философскаго курса Гизеля или

[1]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. 1, прилож., стр. 78.
[2]) См. IV-е наше приложеніе.
[3]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. И. Аскоченскаго, т. I, 1855 г., стр. 137 и 138

метафизикѣ рѣшается вопросъ объ отношеніи Бога къ тварямъ и предлагается цѣлое разсужденіе о Богѣ и ангелахъ. Послѣднее раздѣляется на два отдѣльныхъ вопроса: о Богѣ и объ ангелахъ. Въ первомъ вопросѣ заключаются частнѣйшіе вопросы: положеніе *Богъ есть* извѣстно ли само по себѣ и можетъ ли быть доказываемо", „какія приличествуютъ Богу свойства и какія существенныя особенности его", „о свойствахъ божественныхъ вообще", „о простотѣ Божіей", „о неизмѣримости Божіей", „о неизмѣняемости и вѣчности Божіей", „о вѣдѣніи Божіемъ", „о волѣ Божіей". Отдѣлъ объ ангелахъ рѣшаетъ частнѣйшіе вопросы: „о бытіи ангеловъ", „есть ли въ ангелахъ субстанціальный составъ", „суть ли ангелы непреклонны къ злу", „о числѣ ангеловъ и особомъ различіи ихъ между собою", „разумѣніе ангеловъ есть ли самая субстанція", „нуждаются ли ангелы, при познаніи, въ представленіяхъ", „для какихъ предметовъ ангелъ нуждается въ представленіяхъ", „откуда ангелъ получаетъ познавательныя представленія", „познаетъ ли ангелъ будущее", „познаетъ ли ангелъ тайная сердецъ", „о глаголаніи ангеловъ", „познавая, ангелы сочетаваютъ, раздѣляютъ и умозаключаютъ ли", „есть ли у ангеловъ воля", „о пребываніи ангела на мѣстѣ", „что могутъ ангелы въ отношеніи къ тѣламъ", „о порядкѣ и совершенствѣ, служеніи, благодати и грѣхѣ ангеловъ" [1]). Къ концу XVII вѣка, правда, метафизика дѣйствительно была самою незначительною частію философскаго курса и не касалась уже болѣе богословскихъ вопросовъ, что объясняется введеніемъ въ это время въ Кіево-Братскую Коллегію преподаванія богословія.

Профессора философіи въ Кіево-Братской Коллегіи устраивали частные и публичные диспуты. По правиламъ Московской академіи и Смоленской Коллегіи, частные диспуты

---

[1]) „Описаніе рукоп. собраній . въ г. Кіевѣ", вып. I, № 128, стр. 233; „Труды Кіев. Дух. Академіи", февраль, 1888 г. стр. 294.

были субботніе, мѣсячные и по четвертямъ года [1]). Въ пособіи къ логикѣ Іосифа Кононовича Горбацкаго, 1639 г., помѣщена, между прочимъ „рѣчь, произнесенная предъ публичнымъ диспутомъ въ Коллегіи Могилянской Кіевской", съ обращеніемъ къ Петру Могилѣ [2]). О философскихъ публичныхъ диспутахъ въ концѣ XVII вѣка свидѣтельствуютъ гравированные тезисы 1691 года, защищавшіеся подъ руководствомъ префекта Силуана Озерскаго, и такіе же тезисы 1693 года, вѣроятно защищавшіеся подъ руководствомъ профессора Стефана Яворскаго [3]).

Профессора философіи и богословія давали присягу въ томъ, что они не будутъ преподавать ничего новаго или противнаго благочестію, но согласно съ ученіемъ церкви. Оба они, „при самомъ вступленіи въ школу, по примѣру прочихъ академій, префацію съ каѳедры при ректорѣ, прочихъ учителяхъ и ученикахъ высшихъ школъ публично читать должны" [4]).

3) Піарскія и особенно іезуитскія коллегіи привлекали къ себѣ великое множество молодежи изъ польской знати, бѣдной шляхты и даже простолюдиновъ. При коллегіяхъ устраивались конвикты или общежитія, въ которыхъ дѣти высшихъ классовъ имѣли за хорошую, довольно значительную плату, подъ надзоромъ регента, столъ и квартиру, ходя, наравнѣ съ другою молодежью, въ школы публичныя. Остальные жили на частныхъ квартирахъ. Бѣдная шляхта, отдавая

---

[1]) „Описаніе документовъ и дѣлъ" архива Св. Синода, т. II, кн. 2, прилож., стр 22; „Смолен. Епарх. Вѣдом.", 1871 г., № 2, стр. 30 и 31.

[2]) „Описаніе рукоп. собраній.. въ Кіевѣ", вып. I, № 126, стр. 232; „Труды Кіев. Дух. Акад.", февраль, 1888 г., стр. 288.

[3]) „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Д. А. Ровинскаго, С.-Петербургъ, 1889 г. т. 1, стр. 869 и сл., т. II, стр. 1290 и слѣд.; „Труды Кіев. Дух. Академіи", февраль, 1888 г., стр. 295 и слѣд.

[4]) „Описаніе документовъ и дѣлъ" архива Св. Синода, т. II, кн 1, прилож., стр. 22; „Смоленскія. Епарх. Вѣдом.", 1870 г. № 22, стр. 586, и 1871 г. № 3, стр. 30.

дѣтей своихъ въ іезуитскія коллегіи, нанимала для нихъ у какого либо ремесленника избушку за нѣсколько злотыхъ въ семестръ и еженедѣльно или ежемѣсячно присылала имъ провизію. Но неразсчетливая молодежь, истративъ запасы до назначеннаго для нихъ срока, весьма часто посягала на чужую собственность, похищая лѣтомъ въ огородахъ и садахъ овощи и плоды, а зимою воруя въ мясныхъ лавкахъ и булочныхъ. Въ Познани, Калишѣ, Сандомирѣ и другихъ городахъ часто по этому поводу магистраты жаловались іезуитскимъ ректорамъ, но послѣдніе считали это дѣло такъ маловажнымъ, что учениковъ (называемыхъ павперами), допускающихъ такой проступокъ, не удерживали ни малѣйшимъ наказаніемъ отъ дальнѣйшихъ безчинствъ этого рода. Въ іезуитскія школы попадали также и простолюдины. Богатые панычи, поступая въ іезуитскія школы, привозили съ собою для услугъ хлопцевъ, сыновей экономовъ, подстаростъ и т. п. у своихъ родныхъ Хлопцевъ этихъ іезуиты принимали въ свои школы наравнѣ съ ихъ панами и такимъ образомъ обегчали для низшихъ классовъ пріобрѣтеніе знаній. А этому примѣру слѣдовали и піары, не желавшіе быть хуже іезуитовъ,—и такимъ образомъ великое множество бѣднаго юношества получало хоть какое-нибудь высшее публичное образованіе. Но у піаровъ павперы содержались на счетъ подаяній, или же получали вспоможеніе отъ своихъ товарищей, „содалистовъ“, не допуская себя до кражи изъ огородовъ, садовъ и лавокъ, какъ іезуитскіе павперы. Этимъ павперамъ префектъ назначалъ изъ высшихъ классовъ директоровъ, которые безплатно повторяли съ ними уроки. Нѣкоторыхъ изъ этихъ павперовъ содержали сами піары, употребляя ихъ за то для рубки дровъ, топки печей, подметанія классовъ, наказанія учениковъ и т. п. Отъ топки въ печахъ такіе бѣдные ученики назывались у піаровъ калефакторами. Нарубивши дровъ и истопивъ печь, остальное время калефакторъ употреблялъ на ученье вмѣстѣ съ другими учениками. Калефакторы были обыкновенно юноши взрослые,

имѣвшіе по 20 и болѣе лѣтъ, но отличавшіеся малоспособностью и малоуспѣшностію [1]).

Кіево-Братская Коллегія въ отношеніи способовъ содержанія своихъ учениковъ болѣе походила на піарскія коллегіи, чѣмъ на іезуитскія, употребляя въ широкихъ размѣрахъ способы призрѣнія бѣдныхъ учениковъ. Этому содѣйствовала и самая немногочисленность учениковъ Кіево-Братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ до 1690-хъ годовъ. Въ 1632 году учениковъ реторики въ этой Коллегіи было не менѣе 23 [2]). Предполагая въ предыдущихъ четырехъ классахъ по меньшей мѣрѣ по столько же въ каждомъ, да въ философскомъ двухгодичномъ или даже трехгодичномъ классѣ вдвое больше, мы будемъ имѣть во всей Коллегіи по меньшей мѣрѣ 160 человѣкъ. Въ $168^{5}/_{6}$ учебномъ году въ реторическомъ классѣ училось не менѣе 36 человѣкъ [3]). Полагая въ каждомъ изъ грамматическихъ классовъ и въ реторикѣ не меньшее число учениковъ въ каждомъ классѣ, мы будемъ имѣть въ низшихъ пяти классахъ около 180 человѣкъ, въ философскомъ двухгодичномъ до 60 человѣкъ, а всего не менѣе 240 человѣкъ. Для бѣднѣйшихъ учениковъ еще Петромъ Могилою было устроено общежитіе или бурса [4]). Варлаамъ Ясинскій въ бытность свою ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи (1665—1673 г.г.), болѣе заботился о воспитанникахъ ея, чѣмъ о монашествующихъ монастыря и учителяхъ Коллегіи [5]). Но Кіевская бурса не вмѣщала въ себѣ всѣхъ учащихся и притомъ же въ XVII вѣкѣ не разъ истребляема была пожарами, а потому бѣдные ученики нерѣдко жили по приходскимъ церковнымъ школамъ и за исправленіе въ тѣхъ

---

[1]) Historya szkol w Koronie i w W. Książstwie Litewskiem, I. Лукашевича, т. I, 1849 г., стр. 272—273 и 294— 96.

[2]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 46—69.

[3]) Рукопись Кіево-Соф Собора, № 479, л. 369 и слѣд.

[4]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, прилож. стр. 215.

[5]) См. „Ламентацію“ въ „Кіевск. Старинѣ“, Октябрь, 1884 г., стр. 356.

церквахъ богослуженія получали отъ прихожанъ пособіе пищею и дровами, и сами чрезъ то навыкали церковному уставу и порядку службъ. А въ тѣхъ приходахъ, гдѣ лучше имъ было содержаніе, ученики и студенты заводили и пѣвческіе партесные хоры [1]). Отъ времени между 1661 и 1669 годами сохранился отрывокъ поздравительнаго письма какихъ-то „школярей Святой Пречистой Соборной“, т. е. Кіево-подольскаго Успенскаго Собора, можетъ быть жившихъ тамъ воспитанниковъ Коллегіи, къ ктитору Кіево-подольской Борисоглѣбской церкви Никитѣ Васильевичу Могилевцу [2]). Но церковно-приходскія школы или малыя бурсы получаютъ особенное развитіе лишь къ концу XVII вѣка. Кромѣ того, бѣдные воспитанники пріобрѣтали себѣ средства къ жизни такъ называемымъ „миркованіемъ“. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что малыя дѣти ежедневно подъ окнами у гражданъ испрашивали пищу въ обѣденное время пѣніемъ стиховъ: „миръ Христовъ да водворяется въ сердцахъ вашихъ за молитвами отецъ нашихъ“, и проч., откуда получило начало и слово „миркованье“ [3]). Но, по мнѣнію другихъ, малороссійское слово „мирковать“ значитъ промышлять, и въ этомъ смыслѣ „миркованіе“ приложимо ко всякому способу испрашиванія подаяній [4]). Студенты по вечерамъ испрашивали подаяніе съ пѣніемъ при воротахъ разныхъ кантовъ, что называлось „спѣваніемъ“ [5]). Извѣстный путешественникъ во Св. Землю Лукьяновъ, посѣтившій Кіевъ въ 1701 году, говоритъ, что вечеромъ студенты ходили по избамъ псалмы пѣть и хлѣба просить и что имъ давали всячиною, и деньгами и хлѣбомъ, при чемъ студенты дозволяли себѣ и предосудительныя средства къ пріобрѣтенію себѣ пропитанія [6]). Но до конца XVII вѣка воспитанники Кіево-Брат-

[1]) „Описаніе Кіево-Софійскаго Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 215.
[2]) Въ архивѣ Борисоглѣбской церкви ктиторскій реестръ 1661—1669 г.г.
[3]) „Описаніе Кіево-Софійскаго Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 115.
[4]) „Педагогія древнихъ братскихъ школъ“ и проч., М. З. Линчевскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, Сентябрь, 1870 г., стр. 584
[5]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 215.
[6]) „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1884 г., II, стр. 120 и 121.

ской Коллегіи едва ли прибѣгали къ этимъ предосудительнымъ средствамъ. Если гражданскія и военныя власти въ польско-литовскомъ государствѣ смотрѣли сквозь пальцы на проказы и безчинства воспитанниковъ католическихъ коллегій; то, наоборотъ, они жестоко карали воспитанниковъ православныхъ школъ за дѣйствительные или даже мнимые только проступки ихъ. Въ 1640 году, въ отсутствіе митрополита Петра Могилы изъ Кіева, кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, желая повредить Кіево-Братской Коллегіи и разогнать ея студентовъ „по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде учились“, приказалъ своему замковому намѣстнику „взвести клевету на какого либо студента въ важномъ преступленіи“, вслѣдствіе чего и казненъ былъ въ Кіевскомъ замкѣ отсѣченіемъ головы студентъ Ѳеодоръ Гоголевскій яко бы за участіе его, вмѣстѣ съ другими студентами, въ нападеніи на корчму [1]). Понятно, что такая жестокая расправа съ кіевскими студентами должна была, сама по себѣ уже, заставить ихъ вести себя тише воды, ниже травы. Хотя, со времени возстанія Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, власть ихъ надъ Кіевомъ фактически прекратилась; но съ этого же времени и почти до 1680-хъ годовъ Кіево-Братская Коллегія неоднократно была разоряема и опустошаема, нерѣдко состояла только изъ низшихъ классовъ и была немноголюдна, а потому не заключала въ себѣ благопріятныхъ условій для развитія и проявленія школьныхъ проказъ и безчинствъ. Лишь къ концу XVII вѣка, при измѣнившихся условіяхъ существованія Кіево-Братской Коллегіи, и въ ней стали замѣчаться школьныя проказы и безчинства, подобныя тѣмъ, какія сплошь и рядомъ допускали воспитанники тогдашнихъ католическихъ школъ, особенно же іезуитскихъ.

Во время праздниковъ Рождества Христова и Пасхи студенты и ученики ходили по домамъ со звѣздами, съ вер-

---

[1]) Исторія Русской Церкви, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 499.

тепомъ или райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христово, а впослѣдствіи представляли діалоги, драмы и говорили поздравительныя рѣчи [1]). Но въ XVIII вѣкѣ пѣніе стиховъ и кантовъ и хожденіе со звѣздою и вертепомъ постепенно стали выходить изъ употребленія въ Кіевской Академіи. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ письмѣ своемъ къ кіевскому митрополиту Заборовскому, 1736 года, указывая экономическія средства для содержанія академіи, писалъ, что, при улучшеніи академическаго хозяйства, „не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да и еще и неосновательныхъ подаяній нищетнымъ образомъ вымирковывать“ [2]). Вертепныя же представленія въ XVIII вѣкѣ пренебрегались даже самими студентами и сдѣлались достояніемъ студенческаго отребія. Въ одномъ спискѣ шутливаго „правила увѣщателнаго пияницамъ“, 1779 года, говорится слѣдующее: „Радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуйтеся! се радости день приспѣваетъ, день—глаголю—праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составте партесы! егда же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя“ [3]).

Въ лѣтнія вакаціи воспитанники низшихъ классовъ, составивъ изъ себя артели, уходили по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ для сбору подаяній. „Есть *древній обычай*,—говоритъ инструкція кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго,—въ Кіевской Академіи ежегодно въ мѣсяцѣ маѣ отпускать учениковъ реторики, піитики и синтаксимы бѣдныхъ, лишившихся родителей и вовсе никакого пропитанія ниоткуда не имѣющихъ, для испрошенія себѣ милостыни“ [4]). Они пѣвали по церквамъ приходскимъ службы, а по домамъ раз-

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож. стр. 216.

[2]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, октябрь, 1865 года.

[3]) Тамъ же, октябрь, 1879 г. стр. 254 и 255.

[4]) Тамъ же, сентябрь, 1870 г., стр. 584.

ные канты, говорили также рѣчи, - представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч. Эти хожденія назывались „епетиціями“; а многіе и оставались въ этихъ путешествіяхъ, нанимаясь въ домашніе учителя и на другія должности [1]). Но и эти „епетиціи“ въ XVIII вѣкѣ упали и опошлились. „Достойно и праведно есть,—говорится въ „правилѣ увѣщателномъ піяницамъ“ 1779 г.,—похулити подвиги и труды ваши, голкопійцы; обтекаете бо вселенную аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе шинковъ, винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь, а идѣже по желанію вашему не получите, то тамо и прахъ отъ ногъ вашихъ отрясше, дерзаете возглашати безумніи апостольское слово“ [2]).

Лучшіе студенты и ученики, по выбору и назначенію префекта Коллегіи, получали содержаніе отъ зажиточнѣйшихъ шляхетныхъ дѣтей, жившихъ по квартирамъ, нанимаясь у нихъ въ инспекторы, т. е. наблюдатели за ученіемъ и поведеніемъ, и такой наемъ назывался кондиціею. Такіе инспекторы отъѣзжали со своими учениками въ ихъ дома, а иногда, съ дозволенія начальства, оставались у нихъ на годъ и болѣе [3]). Обычай этотъ ведетъ начало свое еще отъ временъ Петра Могилы, какъ это можно видѣть изъ автобіографической записки Игнатія Іевлевича [4]).

Къ числу бѣдныхъ учениковъ относились также такъ называемые „филаксы“, т. е. сторожа, и „калефакторы“, т. е. истопники, изъ возрастныхъ учениковъ, употреблявшіеся для прислуживанія, караула и посылокъ по коллегіи, для топки печей въ бурсѣ и для выполненія тѣлесныхъ наказаній [5]).

4) Школьные порядки въ іезуитскихъ и піарскихъ кол-

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 216.

[2]) „Труды Дух. Кіев. Академіи“, октябрь, 1879 г., стр. 255.

[3]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 26; сн. „Труды Кіев. Дух. Академіи“, сентябрь, 1870 г., стр. 582 и 583.

[4]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Голубева, вып. I, прилож., стр. 78.

[5]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 222.

легіяхъ были слѣдующіе. Ученье въ іезуитскихъ школахъ происходило утромъ и послѣ обѣда, каждый разъ по два часа, а въ рекреаціи—только до обѣда. Въ піарскихъ школахъ утреннія занятія происходили отъ 8 до 11-ти часовъ, а послѣ обѣда—отъ 2-го часу до 4-го; въ четвертокъ была цѣлый день рекреація. Большія вакаціи продолжались отъ 25 іюля до 1 сентября. Въ числѣ ученическихъ занятій были письменныя упражненія, классныя и домашнія, въ которыхъ учитель указывалъ недостатки и заставлялъ исправлять ихъ. Ежемѣсячно въ залѣ или въ костелѣ одинъ изъ учениковъ реторики произносилъ собственную рѣчь, стихи, діалогъ латинскій или греческій, однако предварительно поправленные учителемъ. Въ классѣ реторики черезъ два мѣсяца развѣшивались по стѣнамъ лучшія сочиненія учениковъ, а иногда, съ разрѣшенія ректора, рисунки и изображенія. Студенты философіи и богословія участвовали въ диспутахъ. Въ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ юношество обязано было говорить между собою дома и въ школахъ полатыни, и для этого введенъ былъ въ каждомъ классѣ signum: ученикъ, имѣющій его въ субботу, былъ наказываемъ розгами. Другимъ способомъ пріученія къ латыни былъ строгій наказъ, чтобы ученикъ никогда и нигдѣ не смѣлъ говорить съ другимъ ученикомъ по-польски. Для этого употреблялся кусокъ доски на подобіе таблички въ полчетверку, съ буквами N. L., т. е. nota linguae. Эту ноту профессоръ первоначально отдавалъ кому либо изъ лучше знающихъ полатыни и довѣренныхъ учениковъ, съ приказаніемъ, если услышитъ кого либо говорящимъ по-польски, хотя бы одно слово, отдать ему эту ноту, какъ знакъ нарушенія приказанія. Не всѣ, которымъ неосторожный языкъ вручалъ эту ноту, были за то наказываемы; даже никто не былъ наказываемъ, кромѣ того, у кого нота обѣдала или ночевала. Ибо профессоръ, вошедши въ классъ, послѣ обычной молитвы Св. Духу, прежде всего спрашивалъ учениковъ: quis habet notam linguae? Тотъ, кто послѣднимъ имѣлъ ее, стѣснялся

отвѣтить на вопросъ профессора, но имѣвшій ее предпослѣднимъ сообщалъ профессору, кому ее отдалъ, и такимъ образомъ послѣдній за всѣхъ другихъ получалъ наказаніе: за обѣдъ—нѣсколько линеекъ по рукѣ, за ночь—нѣсколько розогъ. Кромѣ того, въ школахъ піарскихъ было другое Signum съ буквами N. M., т. е. nota morum, дававшееся за неряшество, и т. п. Въ видахъ поощренія къ ученію, широко практиковалось въ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ соревнованіе, подъ названіемъ „концертацій", которыя были частныя и общія. Частныя концертаціи у іезуитовъ состояли въ томъ, когда грамматическія ошибки отвѣчающаго ученика поправлялъ другой, когда одинъ ученикъ задавалъ другому вопросы изъ грамматики, исторіи, древностей и т. д. Для этого придумана была цѣлая система соперничества, по которой весь классъ дѣлился на пары, одинъ противъ другаго, за исключеніемъ послѣдняго, оставшагося безъ пары, на котораго профессоръ и обращалъ особенное свое вниманіе. Эти соперники старались одинъ превзойти другаго во всемъ, а кто одержалъ надъ своимъ соперникомъ верхъ въ урокѣ, или въ какомъ либо внезапно заданномъ вопросѣ, или въ писаніи оккупацій, тотъ, по суду преподавателя-профессора, имѣлъ право наказать побѣжденнаго противника, что скорѣй сердило и стыдило, чѣмъ причиняло боль, и затѣмъ побуждало къ отмѣсткѣ посредствомъ преуспѣванія въ ученіи. Другая концертація была общая, одной половины класса противъ другой половины. Весь классъ дѣлился на двѣ стороны: pars romana, считавшуюся старшею, и pars graeca, считавшуюся младшею. Обѣ стороны соперничали между собою въ ученіи, и которая изъ нихъ въ теченіи недѣли или мѣсяца получила больше похвалъ отъ профессора, та имѣла право согнать противоположную сторону съ ея мѣста и занять его и удержать или вновь получить названіе pars romana. Школьныя почести также были немалымъ поощреніемъ къ ученію. Школьными почетными должностями и названіями были: диктаторъ, императоры, ав-

диторъ, авдиторъ авдиторовъ, декуріонъ, декуріонъ верховный (decurio maximus), цензоръ, директоръ и др. Диктаторъ имѣлъ свое особое мѣсто возлѣ каѳедры профессора и выбирался въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда весь классъ не въ состояніи былъ отвѣтить на какой либо заданный профессоромъ вопросъ, который однако же вызывался разрѣшить и разрѣшалъ одинъ изъ учениковъ и такимъ образомъ какъ бы спасалъ цѣлый классъ отъ посрамленія. Диктаторъ не зависѣлъ отъ авдиторовъ и цензора и, получая за свои учебныя отличія похвалы отъ профессора, умножаемыя въ 10 разъ, имѣлъ право передавать эти похвалы или римской, или греческой сторонѣ класса, которыя, поэтому, наперерывъ заискивали его расположеніе къ себѣ подарками; но, въ случаѣ провинности, диктаторъ низводился „на скамьюословъ“ („ad scamnum asinorum“). Императоры занимали на школьныхъ лавкахъ и въ процессіяхъ первыя мѣста и вели списокъ ученикамъ, каждый своей стороны, отмѣчая въ немъ, по сообщенію авдиторовъ, степень знанія или незнаніе урока. Авдиторы и авдиторъ авдиторовъ, выбираемые изъ способнѣйшихъ и усердныхъ учениковъ, обязаны были приходить въ классъ раньше всѣхъ, чтобы до прихода профессора выслушать уроки учениковъ и подать императору для записи. Авдиторы, выслушавши другихъ, сами отвѣчали свои уроки авдитору авдиторовъ, который, въ свою очередь, отвѣчалъ свой урокъ предъ какимъ либо авдиторомъ. Въ каждомъ классѣ были декуріоны, обязанностью коихъ было: поддерживать въ классѣ, въ отсутствіе учителя, порядокъ, выслушивать уроки соучениковъ, представлять учителю фамиліи шалуновъ или не знающихъ заданнаго урока, равно и отсутствующихъ, опускающихъ уроки и т. п. Надъ декуріонами, которыхъ было въ классѣ нѣсколько, имѣлъ наблюденіе decurio maximus или цензоръ, иногда называемый также преторомъ. Обязанностію его было, сверхъ того, смотрѣть, сидятъ ли ученики, передъ приходомъ учителя въ классъ, на своихъ мѣстахъ, не шумятъ ли, всѣ ли на-

ходятся въ классѣ, и т. п. Директорами или инспекторами были обыкновенно ученики высшихъ классовъ изъ бѣдныхъ сословій, отличающіеся доброю нравственностію и усердіемъ; но бывали директора и не изъ студентовъ. Жили они въ одной квартирѣ съ учениками, надъ которыми имѣли наблюденіе, повторяли съ ними школьные уроки, провожали въ школу и изъ школы. За трудъ свой они имѣли даровой столъ, квартиру и порядочное денежное вознагражденіе [1]).

Подобные школьные порядки перенесены были и въ Кіево-Братскую Коллегію. Уроки здѣсь были утренніе и послѣобѣденные, какъ это можно видѣть изъ замѣтокъ на одномъ спискѣ богословскаго курса Стефана Яворскаго 1695—1697 г.г. [2]). По четвергамъ еженедѣльно назначалась рекреація, если не случалось на недѣлѣ ни одного праздника [3]), а въ маѣ мѣсяцѣ для рекреацій назначались цѣлыхъ три дня [4]). Лѣтнія вакаціи продолжались два мѣсяца, іюль и августъ. Кромѣ того, были небольшіе отдыхи съ навечерія Рождества Христова и до 1-го Января, на масляницу, на страстную и свѣтлую седмицы и на три дня праздника Св. Троицы [5]). Въ урочное время учителя входили въ классы въ такомъ порядкѣ: „со вторымъ звонкомъ—три меньшихъ школъ учители, съ третіимъ піита, съ четвертимъ риторъ, съ шестимъ богословъ и философъ“ [6]). Правила для учениковъ вывѣшивались префектомъ въ классахъ на видномъ мѣстѣ и въ началѣ каждаго

---

[1]) Historia Szkół w Koronie i w W. Książstwie Litewskiem, I. Лукашевича, т. I, стр. 236, 237, 241—244, 257, 291, 293, 294, 297—301.

[2]) „Описаніе рукоп. сооранй, находящихся въ Кіевѣ“, вып. I, № 186, стр. 258—9.

[3]) „Смоленскія Епарх. Вѣдом.“, 1870 г., № 22, стр. 595.

[4]) „Описаніе Кіево-Соф Собора“, м. Евгенія, прилож. стр. 223; см. „Св Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, 1891 г., стр. 341 и 342.

[5]) „Смоленскія Епарх. Вѣдом.“, 1870 г., № 22, стр. 595—596.

[6]) Тамъ же, 1871 г., № 2, стр. 24; См. „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива Св. Синода, т. II, кн. 2, 1877 г., прилож., стр. 23.

мѣсяца прочитывались въ реторикѣ и остальныхъ низшихъ классахъ [1]). Ученики разсаживались въ классахъ въ извѣстномъ порядкѣ, указанномъ наставниками [2]), по успѣхамъ. Въ Ростовской школѣ Св. Димитрія дурные ученики сидѣли назади, возлѣ печки и дверей. Лучшій ученикъ назывался императоромъ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ. Императоръ садился на своемъ мѣстѣ съ особыми церемоніями; ученики воспѣвали ему: „здравствуй, новый императоръ! Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ [3]). Въ классахъ, отъ реторики до низшаго, назначались особые авдиторы, которые до прихода учителя выслушивали у всѣхъ учениковъ заданные имъ уроки и въ своихъ „нотатахъ“ или „ерратахъ“ отмѣчали противъ каждаго имени *scit* или *nescit, erravit, non tota, prorsus nescit, non recitavit*, а самихъ авдиторовъ выслушивалъ *auditor auditorum*. Въ субботу же авдиторы, а отчасти и сами учителя, выслушивали всѣ уроки, выученные въ теченіи недѣли, и это повтореніе называлось *sabbativa*. По приходѣ въ классъ, учитель провѣрялъ нотаты собственнымъ выслушиваніемъ нѣкоторыхъ. По выслушиваніи уроковъ, учитель изъяснялъ правила и задавалъ на нихъ ученикамъ устные примѣры, дѣлалъ изъясненія авторовъ съ переводомъ на русскій языкъ и обратно. Задачи сочиненій или переводовъ на письмѣ были двоякія: однѣ—въ школѣ и назывались „экзерциціями“, а другія—на квартирѣ и назывались „оккупаціями“. Для послѣднихъ ученики имѣли особыя разрисованныя тетради, по порядку связанныя, и надписывали *Labor*, или *Codex laborum*, или просто Occupationes. Школьныя оканчивались въ самомъ классѣ и подавались учителю, который, прочитавъ ихъ дома и подчеркнувъ ошибки, подписывалъ похвалу или неодобреніе, чрезъ цензора возвращалъ ихъ въ классъ, а по приходѣ

---

[1]) „Смоленск. Епарх. Вѣдом“, 1870 г., № 23. стр. 615.

[2]) Тамъ же, 1871 г., № 3, стр. 74 и 75.

[3]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, 1891 г., стр. 340—341; Сн. „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 220.

своемъ самъ раздавалъ ученикамъ съ критикою по правиламъ, прежде изъясненнымъ [1]). Въ Московской академіи и въ Смоленской коллегіи, въ началѣ XVIII вѣка, „для экзерциій учениковъ", учителя богословія и философіи, „всякъ въ своей школѣ" должны были имѣть „публично диспути; субботнія, мѣсячныя, четвертковныя по должности, при концѣ же года публичныя по произволенію, на которыхъ долженъ присутствовать ректоръ и прочіи. Подобне учители реторики и піитики всякаго мѣсяца перемѣнно устрояли декламаціи краткія, или орацію или симъ подобнія, и то чрезъ полчаса токмо или наиболше черезъ часъ единъ" [2]).

Всѣ ученики должны были говорить между собою полатыни какъ въ школѣ, такъ и внѣ школы [3]). Для пріученія говорить полатыни, были по грамматическимъ классамъ длинные столпцеватые, вкладывавшіеся въ деревянный футляръ листы, называвшіеся *calculi*, которые передавались однимъ другому за отвѣты не на латинскомъ или и на латинскомъ, но ошибочномъ языкѣ, со вписаніемъ имени отвѣчавшаго. И тотъ считался нерадивѣйшимъ, у кого этотъ листъ переночуетъ, что̀ и отмѣчалось на немъ надписью: pernoctavit apud dominum N [4]).

Были также въ Кіевской Академіи и въ происшедшихъ отъ нея школахъ и концертаціи, частныя и общія. Нѣкоторые ученики изъ соревнованія надписывали на своихъ упражненіяхъ, или прилагали особыя записки на товарищей *de erratis, de calligraphia, de diligentia, de loco.* Обиженные надписывали—*de plagis*, а бѣдные на богатыхъ—*de pane, can-*

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора", м. Евгенія, прилож., стр. 220.

[2]) „Описаніе документовъ и дѣлъ" архива Св. Синода, т. II, кн. 2, 1878 г., прилож., стр. 22; „Смолен. Епарх. Вѣдом.", 1871 г., № 2, стр. 30 и 31.

[3]) „Описаніе документовъ и дѣлъ" архива Св. Синода, т. II, кн. 2, прилож., стр. 51; „Смолен. Епарх. Вѣдом.", 1871 г., № 3, стр. 74.

[4]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора, м. Евгенія, прилож., стр. 220 и 221; Сп. „Труды Кіев. Дух. Академіи", 1870 г., августъ, стр. 462.

della, indusio, calceis и проч. [1]). Въ Ростовской школѣ св. Димитрія мы видимъ и концертаціи въ формѣ раздѣленія учениковъ не по предметамъ, а по успѣхамъ, на отдѣленія латинское и греческое (pars romana, pars graeca) [2]). Изъ лучшихъ студентовъ выбирались для каждой бурсацкой комнаты и приходской школы инспекторы, которые повторяли ученикамъ уроки, поправляли ихъ оккупаціи и подписывали на тетради, подаваемой учителю, correcta. Но лучшіе ученики, для того, чтобы заслужить большую похвалу отъ учителя, не показывали имъ своихъ оккупацій, а подавали учителю, съ надписью— *non correcta* [3]). Вѣроятно, они соотвѣтствовали диктаторамъ іезуитскихъ и піарскихъ школъ.

Для наблюденія за поведеніемъ, въ каждомъ изъ низшихъ классовъ, по реторику включительно, былъ цензоръ, который имѣлъ ключъ отъ класса и наблюдалъ въ немъ чистоту и опрятность, содержалъ алфавитный списокъ всѣхъ учениковъ, въ коемъ отмѣчалъ, кто не былъ въ классѣ или—по праздникамъ—въ церкви, и кто шалилъ. Обо всемъ этомъ онъ доносилъ до класса учителю, который виновныхъ наказывалъ въ классѣ или въ келліи. Его обязанностію было также приносить въ классъ учительскія классныя книги и поправленныя учителемъ ученическія экзерциціи и оккупаціи. Въ бурсѣ и по приходскимъ школамъ для этой цѣли установлены

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора", м. Евгенія, прилож., стр. 220; „Св. Димитрій Ростовскій и его время", И Шляпкина, 1891 г., стр. 334. Въ сборникѣ упражненій Харьковской Коллегіи, 1738–1743 г г., говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Мстячися чрезъ долгое время на тебе, господине Колхонте и Тимбрецше, соученикъ твой, знать великую имѣлъ вражду, понеже вчерашнего дни, сбросивши з вишаго мѣста, посадилъ тебе низше всѣхъ, гдѣ не господа сенаторѣ сидятъ, но толко онимъ служащіе парнѣ, и хотѣлъ еще, здравши кавалерию с тебе, розгами наказивати". См „Описаніе рукоп. церковно-археологич. музея", № 661, стр. 675.

[2]) „Св Димитрій Ростовскій и его время", И. Шляпкина, 1891 г, стр. 332.

[3]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора", м Евгенія, прилож , стр. 221

были сеніоры (старшіе) изъ благонравнѣйшихъ студентовъ, а въ каждой ученической комнатѣ—директоры, коихъ обязанностію было смотрѣть за инспекторами, чтобы усерднѣе повторяли ученикамъ уроки, и за учениками, чтобы не дѣлали шалостей. Директоры эти имѣли власть наказывать инспекторовъ выговорами, а учениковъ—другимъ образомъ [1]). Высшее же наблюденіе за поведеніемъ воспитанниковъ принадлежало префекту, который, въ случаѣ лѣности и проступка ученика, въ первый разъ дѣлалъ ему выговоръ, во второй и третій разъ могъ наказать его, но не собственноручно, а чрезъ назначеннаго на то корректора, о неисправимыхъ же доносилъ ректору; но не имѣлъ права наказывать студентовъ богословія и философіи [2]).

5) Іезуиты и отчасти піары не придавали особаго значенія школьному обученію и внушали своимъ питомцамъ, что наука не есть главная цѣль ихъ пребыванія въ школѣ, а есть только средство къ полученію спасенія. Для достиженія этой цѣли они придали публичному воспитанію въ своихъ школахъ чисто религіозный и даже фанатическій характеръ. Іезуиты давали своимъ ученикамъ читать: Przyklady mąk piekielnych; Pętko N. Panny Maryi; Slonecznik Drexeliusza; Pišma Kaspra Druźbickiego и т. п. аскетическія сочиненія. Каждый урокъ ученики начинали и оканчивали молитвою съ колѣнопреклоненіемъ; каждый день должны были, подъ строжайшими наказаніями, находиться на литургіи; въ воскресенье—на литургіи, проповѣди и вечернѣ, равно какъ и въ нарочитые праздники и въ ихъ навечерія. Еженедѣльно, а въ послѣдствіи времени ежемѣсячно обязаны были ходить на исповѣдь. Въ каждой іезуитской школѣ было студенческое братство, называемое Sodalitas annunciatae Mariae Virginis,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива Св. Синода, т. II, кн. 2, 1878 г., прилож., стр. 21; „Смоленскія Епарх. Вѣдомости“, 1871 г., № 1, стр. 13 и 14.

которое имѣло особый уставъ, предписывавшій ему духовныя упражненія, посты, молитвы и празднества. Къ братству этому долженъ былъ принадлежать каждый ученикъ, и оно связывало съ іезуитами даже старѣйшія поколѣнія На каждомъ одпустѣ въ городѣ, въ которомъ они имѣли свои школы, на каждомъ торжествѣ по поводу канонизаціи какого либо святаго или святой,—а такія канонизаціи въ XVII в. и до половины XVIII вѣка были весьма часты,—ученики ихъ выступали съ рѣчами, хоругвями, носилками и т. п. Въ великій пятокъ они разыгрывали діалоги о страстяхъ Господнихъ; на праздникъ Божьяго тѣла убирали одинъ или нѣсколько алтарей полотенцами, цвѣтами и т. п.; иные налагали на жидовъ подать изъ пороху и огнестрѣльнаго оружія для стрѣльбы во время процессіи. Во время народныхъ бѣдствій, напр., засухи, скотскаго падежа и т. п., іезуитскіе воспитанники съ хоругвями участвовали въ процессіяхъ къ чудотворнымъ образамъ.

Подобнымъ образомъ и въ піарскихъ школахъ ученики четырехъ высшихъ классовъ составляли братство Маріи Милостивой (Sodalitas Mariana), которое употребляло много времени на размышленія, процессіи и разныя другія духовныя упражненія. Каждый вновь поступившій въ школы ученикъ, прежде чѣмъ начать хожденіе въ классы, обязанъ былъ предварительно исповѣдаться и причаститься. Ходили каждый день на ранюю литургію и пѣли здѣсь годзинки о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы; по субботамъ, въ третьемъ часу по полудни, пѣли литаніи; на ораторіяхъ старшіе слушали проповѣди, а младшіе—катихизисъ; присутствовали на пассіяхъ, которыя совершались въ посту въ третьемъ часу, пѣли на нихъ жалобные плачи и слушали проповѣди, и проч. Въ день памяти Ѳомы Аквината піарскіе ученики проводили весь день въ доминиканскомъ костелѣ, если онъ находился въ городѣ [1]).

---

[1]) Historya szkòl..., I. Лукашевича, т. I, стр. 252—256, 259 и 297.

Эти способы религіозно-нравственнаго воспитанія учащагося юношества въ общихъ чертахъ переняты были у іезуитовъ и піаровъ и Кіево-Братскою Коллегіею. Самъ Петръ Могила составилъ и напечаталъ въ 1636 году книгу „Анѳологіонъ, сирѣчь молитвы и поученія душеполезная, въ душевную пользу спудеовъ и всѣхъ благочестивыхъ любомолитвенникъ“, посвятивъ ее „всему содружеству, т. е. конгрегаціи кіевскихъ школъ“. Въ этомъ „Анѳологіонѣ“ изложены благочестивыя размышленія, или только наставленія о нихъ, и умиленныя молитвы: сначала размышленія и молитвы вечернія, которыми должны были юноши оканчивать каждый день своей жизни, отходя ко сну; потомъ утреннія, которыми они должны были начинать каждый день своей жизни, возставъ отъ сна [1]). Впослѣдствіи переводились на южно-русскій языкъ и нѣкоторыя аскетическія произведенія Дрекселлія, принятыя въ употребленіе въ іезуитскихъ школахъ [2]). Прежде начатія ученія самъ учитель, или ученикъ, отъ него опредѣленный, читалъ молитву краткую, на то опредѣленную, которую учитель и ученики должны были слушать откровенною главою. Въ три годовые поста (а по инымъ правиламъ—въ четыре) всѣ должны были исповѣдывать свои грѣхи и причащаться св. таинъ, и приходить въ церковь на молитву въ дни недѣльные и въ праздники, также и въ предпразднства, на вечерню, равно какъ и въ самый праздникъ, на всенощную, на заутреню, литургію, на вечерню, и на проповѣдь. „Во дни недѣлнія съ утра, единъ часъ будутъ отправлять акаѳисты Христу Спасителю, или къ преблагословенной Дѣвѣ Богоматери, или чести житія св. отецъ; втораго часу будутъ толковать катехизмъ, на которомъ вси должни быти“ [3]).

---

[1]) „Исторія Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 135.

[2]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, 1891 г., стр. 81, 83, 90 и 91.

[3]) „Описаніе документовъ и дѣлъ“ архива св. Синода, т. II, ч. 2, 1878 г. приложен. стр. 30; „Смолен. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 2, стр. 32, и № 3, стр. 75 и 76.

Къ средствамъ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся въ Кіево-Могилянской Коллегіи относились также конгрегаціи или духовныя братства, составленіе и представленіе религіозныхъ драмъ и участіе учащихся въ религіозныхъ процессіяхъ.

Относительно студенческихъ конгрегацій митрополитъ Евгеній утверждаетъ, что Петръ Могила раздѣлилъ учениковъ Коллегіи на два разряда, высшій и низшій. Первые назывались sodales majoris congregationis и состояли изъ студентовъ философіи и богословія, а другіе—sodales minoris congregationis изъ учениковъ реторики и низшихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ построена и конгрегаціонная училищная церковь, сперва деревянная во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, двухъэтажная [1]). Но при Петрѣ Могилѣ и позже его, до 1689 года, не было еще въ Кіевской Коллегіи студентовъ богословія, которые должны были бы составлять ядро большой конгрегаціи, а потому едва ли существовало и раздѣленіе конгрегаціи на большую и малую. Вѣроятно, всѣ учащіеся въ Коллегіи первоначально составляли одно „младенческое“ братство, учрежденное еще въ 1620 году іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ, въ отличіе отъ старшаго Богоявленскаго братства [2]). Самъ Петръ Могила въ предисловіи къ своему „Анѳологіону“ 1636 года и въ своемъ духовномъ завѣщаніи говоритъ объ одной только студенческой конгрегаціи, не раздѣляя ее на большую и малую [3]). Цѣль этой студенческой конгрегаціи или братства была, повидимому, чисто религіозная. Гетманъ Самойловичъ, самъ учившійся въ Кіево-Братской Коллегіи, приглашая козаковъ на пожертвованія Кіево-Братской церкви, между прочимъ говоритъ о необходимости

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 213.

[2]) „Труды Кіев. Дух. Академіи“, Сентябрь, 1870 г., стр. 573.

[3]) „Исторія Русской Церкви“, м. Макарія, т. XI. кн. 2, 1882 г., стр 495 и 613.

снабдить эту церковь большими свѣчами, „якъ здревле звычай панамъ студентамъ есть въ Коллегіумѣ Кіево-Могилянскомъ, для выраженія чести Богу, во время богослуженія съ факелами и свѣчами на херувимскомъ выходѣ чинно выходить“ [1]). Вѣроятно, эта конгрегація имѣла святыми покровителями своими равноапостольнаго князя Владиміра и его сыновей, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Іоасафъ Кроковскій въ своей реторикѣ 168$^3/_4$ года прямо называетъ св. Владиміра „особеннымъ покровителемъ нашего братства (praesipuum sodalitatis nostrae patronum)“ [2]), и на память св. Владиміра сочинялись и произносились въ Кіево-Братской Коллегіи особыя проповѣди [3]). А стольникъ Иванъ Обидовскій подъ гравированными богословскими и философскими тезисами 1691 года называетъ покровителями сообщества воспитанниковъ Кіево-Братской Коллегіи святыхъ Бориса и Глѣба [4]). Нѣкоторые курсы богословія и философіи, конца XVII вѣка, оканчиваются молитвенными обращеніями къ святымъ Борису и Глѣбу [5]). Можетъ быть, впрочемъ, что съ 1680-хъ годовъ ученическая конгрегація въ Кіево-Братской коллегіи раздѣлялась уже на большую и малую, изъ коихъ первая имѣла покровителями своими святыхъ Бориса и Глѣба, а вторая—равноапостольнаго князя Владиміра.

Изъ религіозныхъ драмъ самою раннею въ Кіевской Коллегіи было „Дѣйствіе на страсти Христовы“, исполнявшееся воспитанниками въ страстную пятницу. Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ Мелетію Дзику писалъ въ 1676 году о покой-

---

[1]) „Памятники“ Кіевск. врем. Комм., т. II, № 26, стр. 268.

[2]) Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 444, л. 245 на оборотѣ.

[3]) „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, 1892 г., № 244, стр. 281.

[4]) „Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Д. А. Ровинскаго, С.-Петербургъ, 1889 г. т. II, стр. 1294.

[5]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 218, л. 270 и 396; „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. 1, № 126, стр. 232.

номъ Ѳеодосіѣ Сафоновичѣ: „когда-то въ трагедіи мы вмѣстѣ играли, я—роль Іосифа, а въ Бозѣ почившій—роль Веніамина“ [1]). Вѣроятно, этою трагедіею было что-либо въ родѣ „Дѣйствія на страсти Христовы“, XVII в., содержащаго въ себѣ исторію библейскаго патріарха Іосифа, который обыкновенно служилъ прообразомъ страждущаго Спасителя. „Дѣйствіе“ это заканчивается рыданіемъ Плача объ умершемъ и во гробѣ положенномъ Христѣ и не доводится до Воскресенія и Вознесенія Господня. На основаніи этого плачевнаго окончанія пьесы можно думать, что она писана для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовала великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя [2]). Есть и положительное извѣстіе о томъ, что въ XVII вѣкѣ такія трагедіи исполнялись воспитанниками Кіевской Коллегіи публично въ страстную пятницу. Иностранецъ Гордонъ, строившій въ концѣ XVII вѣка кіевскую крѣпость, въ дневникѣ своемъ подъ 1685 годомъ передаетъ, что въ великую пятницу онъ, со многими другими, „отправился въ Братскій монастырь, чтобы быть тамъ на школьной церемоніи (schul-actus [3])“. Кромѣ „Дѣйствія на страсти Христовы“, въ Кіевской Коллегіи представлялись, въ XVII вѣкѣ, и другія пьесы, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ современной дѣйствительности. Такова пьеса объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, написанная и представленная въ честь царя Алексѣя Михайловича, „въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ Коллегіуму Кіево-Могилянскому на публичномъ діалогѣ“, 1674 года. Эта пьеса, подражательная какъ по содержанію, такъ и по языку, представляетъ изъ себя передѣлку польскаго подлинника подъ тѣмъ же заглавіемъ, заимство-

[1]) „Письма Лазаря Барановича“, письмо 31.

[2]) „О словесныхъ наукахъ... въ Кіевской Академіи“, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, ноябрь, 1866 г., стр. 359–361.

[3]) „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1875 г., № 5, стр. 195.

ваннаго изъ житія св. Алексія, составленнаго іезуитомъ Скаргой. Хотя пьеса и вызвана политическимъ положеніемъ Юго-западнаго края, однако нисколько не касается современной общественной и политической жизни его и имѣетъ строго священный характеръ [1]). Довольно рано появились въ Кіево-Братской Коллегіи драматическія представленія на праздники Рождества Христова и Пасхи, перенятыя и Ростовскою школою св. Димитрія [2]), а также на конгрегаціонный праздникъ св. Владиміра [3]). Кромѣ того, „въ три майскія рекреаціи,—по слогамъ митрополита Евгенія,—всѣ ученики и учители и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители—діалоги“ [4]).

Изъ школьныхъ церемоній и процессій въ Кіево-Братской Коллегіи упомянемъ: великопостныя пассіи, съ произнесеніемъ на нихъ проповѣдей [5]); торжественную панихиду въ годовщину кончины основателя Коллегіи Петра Могилы, 31 декабря, на которой одинъ изъ учителей говорилъ слово въ похвалу усопшаго [6]); участіе въ процессіяхъ при погребеніи учителей, студентовъ и учениковъ Коллегіи [7]), и даже сторон-

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ.. въ Кіев. Академіи“, въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.“, ноябрь, 1866 г., стр. 362.

[2]) Тамъ же; ноябрь и декабрь 1866 г. и январь 1867 г.; см. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкинъ, 1891 г., стр. 343.

[3]) См. трагедокомедію Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“. 1705 г., въ „Трудахъ Кіев. дух Акад.“, ноябрь, 1866 г., стр. 368–372.

[4]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, прилож. стр. 223.

[5]) Проповѣдь на пассію см. въ реторикѣ 1711 г., въ рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 474, л. 159–163.

[6]) Проповѣдь на этотъ день см. тамъ же, л. 172–176; см. „Описаніе Кіево-Соф. Собора“ м. Евгенія, приложен., стр. 223.

[7]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 223.

нихъ знатныхъ лицъ, какъ напр. въ 1685 году при погребеніи боярыни Шереметевой [1]), и проч. По словамъ митрополита Евгенія,—„въ вербную субботу всѣ ученики съ начальствующими Академіи собирались передъ вечернею къ старокіевской Георгіевской церкви и съ вербою въ рукахъ шли къ Софійскому собору. А между тѣмъ начальствующіе съ нѣкоторыми изъ студентовъ входили къ митрополиту и, пропѣвъ стихъ *Днесь благодать Св. Духа насъ собра* и проч., говорили рѣчи архипастырю и, принявъ отъ него благословеніе, всѣмъ собраніемъ проходили сквозь Софійскій Соборъ и потомъ шли въ Братскій монастырь церемоніально рядами до конгрегаціонной академической церкви на вечерню, поя по пути вышеупомянутый стихъ *Днесь благодать Св. Духа насъ собра*, и проч., и въ церкви говорена была проповѣдь“ [2]). Но эта послѣдняя церемонія, повидимому,—позднѣйшаго происхожденія.

6) Скажемъ, наконецъ, о школьной дисциплинѣ въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ сравнительно съ дисциплиною въ Кіево-Братской Коллегіи.

Постановленія іезуитскаго ордена требовали отъ учителя, чтобы онъ обращался съ учениками вѣжливо и справедливо, а отъ учениковъ, чтобы они оказывали учителямъ величайшее послушаніе и повиновеніе, соблюдая при томъ строжайшимъ образомъ школьныя предписанія. Эти предписанія въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ вывѣшивались на стѣнахъ классовъ и прочитывались ученикамъ однажды въ мѣсяцъ. Вновь поступающій въ школу ученикъ письменно обязывался никогда ни въ чемъ не нарушать школьныхъ порядковъ. Ученика, въ первый разъ нарушающаго школьные порядки, уставъ предписывалъ учителю кротко увѣщевать и отечески наставлять на путь обязанностей; слѣдующую же провинность строго нака-

[1]) Дневникъ Гордона въ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1875 г. № 5, стр. 194

[2]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, прилож., стр. 223.

зывать розгами, карцеромъ и т. п., а неисправимаго никакими наказаніями навсегда удалять изъ школъ іезуитскихъ, и при этомъ предостерегать всѣ коллегіи и школы въ провинціи, чтобы его не принимали. Но всѣ эти предписанія были только на бумагѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между учениками господствовали величайшее своеволіе и безнаказанность. Не говоря уже о томъ, что іезуиты только въ классѣ держали свою молодежь въ строгости, нисколько не обращая вниманія на то, что́ дѣлалось внѣ классовъ, не говоря о томъ, что между учениками ихъ, особенно высшихъ классовъ, нерѣдко бывали пьянство, распутство и т. п. проступки,— самый интересъ ордена заставлялъ его не разъ смотрѣть сквозь пальцы на тягчайшія безчинія и буйства учениковъ, даже поощряя ихъ къ безчинствамъ, въ которыхъ не разъ проливалась кровь. Ибо, нужно ли было іезуитамъ сдѣлать непріятность кому либо изъ разновѣрцевъ или жидовъ, или же всей ихъ общинѣ,—то они наущали на нихъ своихъ учениковъ, которые поэтому смѣло, безъ опасенія малѣйшаго наказанія, покушались на имущество, здоровье и даже на жизнь непріязненныхъ іезуитамъ лицъ. Сами даже магистраты, трибуналы, учрежденія, цехи по городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ были іезуитскія школы, предоставлены были своеволію ихъ учениковъ: ибо, лишь только о. ректоръ или о. префектъ шепнетъ имъ на—ухо, что бурмистръ мѣшаетъ ордену въ пріобрѣтеніи земельнаго участка или какого либо угодья въ городѣ, лишь только портной или другой ремесленникъ осмѣлится носить, по обычаю шляхетскому, поясъ на кунтушѣ,— то іезуитская молодежь бросалась на него съ неистовствомъ. Отсюда разбои, погромы, процессы многолѣтніе. Если, при этомъ, рядомъ съ іезуитскими школами были въ томъ же самомъ городѣ школы академическія, піарскія, или же протестантскія, тогда своеволіе учениковъ іезуитскихъ не имѣло конца и мѣры. Они рубили саблями, ранили и не разъ уби-

вали, какъ превосходящіе численностію своихъ юныхъ непріятелей, которые имѣли несчастіе ходить въ другую, а не въ ихъ школу. На такія кровавыя преслѣдованія не разъ смотрѣли Познань, Львовъ, Піотрковъ, Торунь, Слуцкъ и другіе города [1]).

Гораздо лучше были порядки въ піарскихъ школахъ, за исключеніемъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ были вмѣстѣ и іезуитскія школы. Малѣйшій проступокъ, напр. небытіе на студенческой литургіи, вызываніе изъ класса и т. п., наказываемъ былъ розгами или карцеромъ; за важныя провинности удаляли изъ школъ. За охраненіемъ добраго поведенія между піарскимъ юношествомъ слѣдили директоры, за которыми опять наблюдали профессора и префектъ; а послѣдній иногда неожиданно посѣщалъ квартиры учениковъ и этимъ способомъ освѣдомлялся объ ихъ поведеніи и усердіи. Не знающіе урока обыкновенно наказываемы были стояніемъ на колѣнахъ среди класса. Упорная лѣность наказывалась розгами. И не было примѣра, чтобы ученики піарскіе когда либо дозволяли себѣ такія безчинства, какія допускали іезуитскіе ученики почти ежедневно. Піары внушали своему юношеству любовь къ порядку, не возбуждая его противъ разновѣрцевъ, жидовъ, магистратовъ и т. п., какъ это привыкли дѣлать іезуиты. За охраненіемъ нравственной чистоты своихъ воспитанниковъ піары наблюдали по-отечески, не давая имъ для чтенія никакой плохой книжки, охраняя ихъ отъ пьянства и распущенности [2]).

Въ дисциплинарномъ отношеніи Кіево-Братская Коллегія скорѣе походила на піарскія школы, чѣмъ на іезуитскія, по крайней мѣрѣ до временъ Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго. Вѣроятно, и въ Кіево-Братской Коллегіи, по примѣру іезуитскихъ школъ, вывѣшивались въ классахъ и

---

[1]) Historya szkół.., І. Лукашевича, т. І, стр. 266—269.

[2]) Тамъ же, стр. 298—299.

ежемѣсячно прочитывались правила поведенія для учащихся [1]); но эти правила не оставались только мертвою буквою. Мы видѣли уже, что за порядкомъ школьнымъ и за поведеніемъ учениковъ въ классахъ и на квартирахъ наблюдали особо назначаемые для того цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. п., и что высшій надзоръ за поведеніемъ учениковъ принадлежалъ префекту, который имѣлъ право дѣлать выговоръ ученикамъ и даже наказывать учениковъ низшихъ классовъ розгами. Тѣлесными наказаніями въ Кіево-Братской Коллегіи были: стояніе на колѣняхъ, пали или лопатки (линейки) по рукамъ и розги. Палями наказывали и сами учителя, и ученики одинъ другаго, по приказанію ихъ. За школьныя вины учитель наказывалъ въ классѣ или въ келліи, а за другія вины внѣ класса—сеніоры и префектъ. За важнѣйшія же безчинія учениковъ наказывали въ сѣняхъ предъ тѣмъ классомъ, изъ котораго былъ виновный ученикъ, при открытыхъ классныхъ дверяхъ, или на дворѣ подъ звономъ колокольчика, и такихъ со срамомъ уже изгоняли изъ коллегіи, или же, если усматривалась еще надежда къ исправленію, то низводили въ низшій классъ [2]). Учениковъ, разъ выгнанныхъ изъ школы, или самовольно отлучившихся изъ нея, префектъ не имѣлъ права принимать обратно, безъ вѣдома ректора [3]).

Изъ сличенія школьныхъ правилъ и порядковъ Кіево-Братской Коллегіи съ соотвѣтствующими правилами и порядками іезуитскихъ и піарскихъ коллегій нельзя не видѣть, что школьный строй Кіево-Братской Коллегіи въ общихъ чертахъ заимствованъ у іезуитовъ и піаровъ. Мѣстами есть даже бук-

---

[1]) См. выше, и „Смоленскія Епарх. Вѣдомости“, 1870 г., № 23, стр. 615.

[2]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м, Евгенія, прилож., стр. 222, Сн. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И Шляпкина, 1891 г. стр. 349.

[3]) „Смоленск. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г., № 1, стр. 14.

вальныя,—можно сказать,— заимствованія нѣкоторыхъ порядковъ Кіево-Братской Коллегіи у іезуитовъ и піаровъ, какъ напр. о школьномъ провинціалѣ и вообще о начальствующихъ лицахъ Коллегіи, о цензорахъ, авдиторахъ, директорахъ или инспекторахъ, калефакторахъ, калькулюсѣ (calculus), трагедіи въ страстную пятницу, пассіяхъ и т. п. Но, при всемъ сходствѣ, есть и значительныя отличія между іезуитскими и піарскими школами съ одной стороны и Кіево-Братскою Коллегіею—съ другой, а именно:

Во первыхъ, кругъ предметовъ преподаванія въ Кіево-Братской Коллегіи былъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ соотвѣтствовавшихъ ей іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ. Не говоря уже о томъ, что въ Кіевской коллегіи до 1689 года не преподавалось догматическое богословіе, самые курсы философіи и реторики въ Кіевской Коллегіи были короче, чѣмъ въ піарскихъ коллегіяхъ: въ послѣднихъ курсъ реторики для орденскихъ воспитанниковъ продолжался два года, а философіи—три года, тогда какъ въ Кіевской Коллегіи реторика преподавалась въ теченіи одного года, а философія—въ теченіи двухъ лѣтъ, за нѣкоторыми развѣ исключеніями. При томъ же, въ древнѣйшихъ учебникахъ Кіево-Братской Коллегіи по философіи мы не видимъ этики или нравственной философіи; равно не видимъ, чтобы въ философскомъ классѣ преподавались математика и географія [1]).

Во вторыхъ, въ Кіево-Братской Коллегіи было меньше религіозной формалистики и обрядностей, чѣмъ въ коллегіяхъ іезуитскихъ и піарскихъ: ученики и студенты кіевскіе ходили на литургію не каждый день, а только въ воскресные и праздничные дни; исповѣдывались и причащались св.

---

[1]) Учебникъ по математикѣ или ариѳметикѣ мы въ первый разъ встрѣчаемъ подъ 1700 годомъ. См. „Исторію Кіев. Академіи", Макарія Булгакова, 1843 г. стр. 70—74. Притомъ же, въ настоящее время мы не нашли и этого учебника.

Таинъ не еженедѣльно или ежемѣсячно, а три или четыре раза въ годъ; молитвы предъ началомъ классныхъ занятій читали и слушали не съ колѣнопреклоненіемъ, а стоя, и проч. Нигдѣ не видимъ мы также у кіевскихъ воспитанниковъ и слѣдовъ того религіознаго фанатизма, какимъ отличались іезуитскіе воспитанники.

Въ третьихъ, школьная дисциплина въ Кіево-Братской Коллегіи была гораздо строже, чѣмъ въ іезуитскихъ и даже піарскихъ школахъ. Іезуиты обыкновенно старались заманивать въ свои коллегіи знатное юношество и дѣлали ему всевозможныя поблажки, чего не было у піаровъ, школы которыхъ отличились сравнительною строгостію дисциплины. Кіево-Братская Коллегія почти буквально позаимствовала у піаровъ мѣры взысканія съ нерадивыхъ и вообще провинившихся воспитанниковъ, какъ напр. о концертаціяхъ, калькулюсѣ, паляхъ, розгахъ и т. п. Можно думать, что воспитанники Кіево-Братскей Коллегіи во все время подчиненія Кіева Польшѣ вели себя скромнѣе даже піарскихъ воспитанниковъ.

Въ четвертыхъ, наконецъ, Кіево-Братская Коллегія, заимствуясь у іезуитскихъ и піарскихъ школъ, старалась во всемъ, касающемся вѣры и нравственности, замѣнить католическое православнымъ. Взамѣнъ католическихъ благочестивыхъ размышленій для чтенія воспитанникамъ, Петръ Могила издалъ для этой цѣли свой „Анѳологіонъ“ 1636 года. Піарскій катихизисъ Петра Канизія для низшихъ классовъ замѣненъ былъ въ Кіево-Братской Коллегіи сначала „Собраніемъ короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской“, Петра Могилы, а потомъ краткимъ катихизисомъ на южнорусскомъ книжномъ и латинскомъ языкахъ, вѣроятно Варлаама Ясинскаго. Вмѣсто древнеклассическихъ латинскихъ писателей и историковъ, объяснявшихся въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ, иногда изъяснялись, повидимому, въ Кіево-Братской коллегіи византійскіе церковные историки, напр. Георгій Кедринъ. Правила латинской реторики примѣнены были Іоанниніемъ Галятовскимъ къ православной церковной проповѣди

въ его „Наукѣ альбо способѣ сочинять проповѣди". Слѣдовательно, Кіево-Братская Коллегія была не рабскимъ подражаніемъ іезуитскимъ и піарскимъ школамъ, а примѣненіемъ ихъ школьной системы къ тогдашнимъ нуждамъ православной церкви. Повидимому, можно бы упрекать основателя Кіево-Братской Коллегіи Петра Могилу только за то, что онъ взялъ за образецъ для своей Коллегіи школы іезуитскія и піарскія, а не другія; но если стать на историческую точку зрѣнія, то нельзя не видѣть, что въ XVII вѣкѣ іезуитскія и піарскія школы считались и отчасти на самомъ дѣлѣ были самыми передовыми и популярными школами въ польско-литовскомъ государствѣ, привлекавшими къ себѣ общественное вниманіе и сочувствіе,—и Петръ Могила могъ отвлечь православное юношество отъ этихъ школъ не иначе, какъ противопоставивъ имъ подобныя православныя школы. И онъ вполнѣ достигъ этой цѣли основаніемъ Кіево-Братской Коллегіи, которая, почти не уступая параллельнымъ ей іезуитскимъ и піарскимъ коллегіямъ, привлекала къ себѣ православное юношество, учившееся дотолѣ въ католическихъ школахъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ Минскому братству, 1640 года, сообщая ему, что кіевскій воевода Тышкевичъ жестокою карою надъ студентомъ Кіево-Братской Коллегіи Ѳеодоромъ Гоголевскимъ хотѣлъ достигнуть того, „чтобы студенты, устрашившись, всѣ разбѣжались по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде учились" [1]), т. е. по католическимъ училищамъ.

Б) Къ концу XVII вѣка Кіево-Братская Коллегія, перешедши окончательно подъ власть московскаго государства, значительно улучшилась противъ прежняго и сдѣлала шагъ къ преобразованію себя въ академію, т. е. въ высшее учебное заведеніе.

Отличительными признаками латино-польскихъ академій

[1]) „Истор. Русской Церкви", м. Макарія, т. XI, кн. 2, 1882 г., стр. 498.

въ XVII вѣкѣ были: преподаваніе высшихъ наукъ, напр. философскихъ, богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ и т. п.; спеціализація этихъ наукъ по факультетамъ и даже между профессорами одного и того же предмета; право возводить въ ученыя степени баккалавра, магистра, лиценціата и доктора; право собственнаго академическаго суда надъ профессорами и студентами и независимость академій отъ сторонныхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей; студенческія корпораціи, конвикты и т. п. Таковы были въ польско-литовскомъ государствѣ католическія академіи: древняя Краковская, Замойская, открытая въ 1595 году, и іезуитская Виленская, преобразованная изъ коллегіи въ 1578 году. Кромѣ того, іезуиты неоднократно пытались преобразовать въ академію свою Познанскую Коллегію, основанную въ 1571 году познанскимъ бискупомъ Адамомъ Конарскимъ [1]). Но всѣ эти академіи далеко не были равны между собою по количеству преподаваемыхъ въ нихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи болѣе подходила къ типу высшаго учебнаго заведенія Краковская академія, и менѣе—іезуитскія академіи Виленская и особенно Познанская. Іезуиты не столько заботились объ умноженіи и спеціализаціи наукъ въ своихъ академіяхъ, сколько о дарованіи имъ правъ высшихъ учебныхъ заведеній. Виленская іезуитская академія ничѣмъ не разнилась отъ другихъ іезуитскихъ школъ, въ которыхъ преподавались философія и богословіе, кромѣ того только, что она возводила на степени академическія и вообще уравнена была въ правахъ своихъ съ Краковскою академіею. Сначала, и очень долго, Виленская академія состояла только изъ двухъ факультетовъ или отдѣленій, философскаго и богословскаго (artium liberalium et philosophiae). Въ отдѣленіи философскомъ преподавались: богословіе догматическое, полемическое, казуистическое, исторія церков-

[1]) Historya szkół w Koronie i w W. Księstwie Litewskiem, т. I, стр. 122, 123, 127, 131, 156 и др.; т. III, стр. 118, 119, 297, 298; т. IV, стр. 4—10, 35 и слѣд.

ная, новый и ветхій завѣтъ, языки еврейскій и греческій. Въ отдѣленіи филофскомъ преподавались: этика и политика, логика, философія, математика, физика, поэзія, краснорѣчіе, исторія свѣтская, географія, языки латинскій, итальянскій, французскій, нѣмецкій и начатки англійскаго. Всѣхъ профессоровъ въ ней, при королѣ Владиславѣ IV, было 23 [1]). Равнымъ образомъ, и въ Коллегіи Познанской, которую іезуиты хотѣли было преобразовать въ академію, съ правами на возведеніе въ баккалавры, магистры и докторы, были только два отдѣленія—богословское и философское [2]). Этотъ-то упрощенный іезуитами типъ академій, по видимому, и взятъ былъ Кіево-Братскою Коллегіею, къ концу XVII вѣка, за исходный пунктъ къ преобразованію ея въ академію.

Въ 1689—1693 годахъ профессоръ и префектъ Кіево-Братской Коллегіи Іоасафъ Кроковскій впервые преподавалъ въ ней четырехлѣтній курсъ богословія [3]), къ сожалѣнію, до насъ не дошедшій. Въ 1693—1697 годахъ Іоасафъ Кроковскій былъ ректоромъ Кіево-Братской Коллегіи [4]), а богословіе въ это время преподавалъ въ ней префектъ и профессоръ Стефанъ Яворскій, который велъ параллельно двоякаго рода лекціи: по богословію созерцательному и богословію полемическому или обличительному [5]). При преподаваніи созерцательнаго богословія, Стефанъ Яворскій, по принятому мнѣнію, придерживался плана богословія Ѳомы Аквината [6]). Что же касается полемическихъ его трактатовъ, то, по всей вѣроятности, они введены по примѣру польско-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 125 и 274; т. IV, стр. 22 и слѣд.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 130—132 и 156.

[3]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 450, л. 114—117.

[4]) „Описаніе Кіево-Соф. собора", м. Евгенія, прилож., стр. 228.

[5]) „Мое. Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ Кіевѣ", вып. 1, № 187, стр. 259 и 260, и др.

[6]) „Исторія Кіевской Академіи" іеромон. Макарія Булгакова, 1843 г., стр. 73 и 74; „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", В. И. Аскоченскаго, т. I. стр. 275—281; „Труды Кіев. Дух. Академіи", январь, 1864 г., стр. 60 и 61. Но здѣсь ошибочно приписывается это богословіе Іоасафу Кроковскому.

католическихъ академій и особенно Виленской іезуитской, въ которыхъ тоже преподавалось полемическое богословіе, въ католическомъ, конечно, духѣ [1]). Но въ Кіево-Братской Коллегіи мы не видимъ въ богословскомъ классѣ ни нравственнаго богословія, ни казуистическаго, ни права каноническаго, ни восточныхъ языковъ и въ частности еврейскаго, преподававшихся въ Виленской академіи [2]). Единственный опытъ казуистическаго богословія въ XVII вѣкѣ, и притомъ внѣ школьныхъ стѣнъ, мы видимъ только въ книгѣ Иннокентія Гизеля „Миръ человѣка съ Богомъ", изданной впервые въ Кіевѣ въ 1669 году.

Съ введеніемъ богословія въ курсъ наукъ въ Кіево-Братской Коллегіи, потерпѣла нѣкоторую перемѣну и философія. Къ концу XVII вѣка послѣдняя изъ частей философскаго курса метафизика дѣйствительно сокращается противъ прежняго и уже не касается вопросовъ основнаго богословія [3]), но за то вторая часть философіи или физика обнаруживаетъ стремленіе къ увеличенію въ своемъ объемѣ. Философскій курсъ 1699—1702 гг., заключая въ себѣ главныя части Діалектику съ Логикой, Физику и Метафизику, вводитъ въ Физику частные отдѣлы о духѣ, о метеорахъ [4]); а въ другомъ философскомъ курсѣ мы видимъ Космологію, Уранологію, Астрологію, Стэхіологію, Психологію, и проч. [5]). Но другихъ существенныхъ перемѣнъ въ философскомъ курсѣ мы не замѣчаемъ. Не преподавались въ философскомъ классѣ ни этика и политика, ни математика, преподававшіяся въ Виленской іезуитской коллегіи [6]).

---

[1]) Historya szkól,, I. Лукашевича, т. I, стр. 274, и т. IV, стр. 24; см. мое „Описаніе рукоп. собраній въ Кіевѣ", вып. 1, № 185, стр. 258.

[2]) Historia szkól, I. Лукашевича, т. IV, стр. 24.

[3]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", В. Аскоченскаго, т. I, стр. 137 и 138.

[4]) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 396, л. 222—594.

[5]) Тамъ же, № 398, л. 180—308.

[6]) Historya szkol., I. Лукашевича, т. IV, стр. 22 и 23.

Впрочемъ, то, чего не доставало въ кругѣ наукъ въ Кіево-Братской коллегіи сравнительно съ іезуитскими академіями, отчасти восполнялось библіотекою Кіевской Коллегіи. Можетъ быть, при составленіи этой библіотеки и имѣлось въ виду преобразованіе, съ теченіемъ времени, Кіево-Братской Коллегіи въ полную академію. Библіотека при этой Коллегіи заведена была еще самимъ Петромъ Могилою [1]) и отчасти уцѣлѣла до настоящаго времени, такъ какъ не менѣе десяти книгъ нынѣшней академической библіотеки имѣютъ на себѣ надписи Петра Могилы. Значительно дополнена она была другимъ просвѣщеннымъ митрополитомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ясинскимъ [2]). Можно даже составить приблизительное понятіе о составѣ и объемѣ нашей академической библіотеки за XVII столѣтіе. По свѣдѣніямъ архива Кіевской дух. Консисторіи, въ 1780 году, во время пожара въ Кіевской Академіи, погибло изъ академической библіотеки до 8900 книгъ [3]). Кромѣ того, уцѣлѣло и вновь поступило въ академическую библіотеку, до 1811 года, 7764 тома, какъ это можно видѣть изъ одного каталога книгъ академической библіотеки, съ донесеніями Иринея Фальковскаго по 1807 годъ включительно, слѣдовательно, составленнаго до большаго пожара 1811 года. Въ этомъ послѣднемъ каталогѣ, въ числѣ 7764 томовъ, значится 1670 томовъ книгъ, изданныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Если предположить, что большая часть этихъ уцѣлѣвшихъ до начала нынѣшняго вѣка книгъ пріобрѣтена

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, стр. 173.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. Аскоченскаго, т. I, стр. 290.

[3]) Въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи, подъ 1780 годомъ, № 34, Донесеніе м. Гавріила Св. Синоду отъ 9 марта 1780 г., за № 241-мъ, гдѣ, между прочимъ, значится, что 29 февраля 1780 года, въ 4 часа по-полудни, на трапезной Борисоглѣбской церкви (нынѣшней Свято-Духовской) сгорѣлъ верхъ и „находившаяся на той же церкви въ горѣ подъ верхними сводами академическая на разныхъ языкахъ библіотека, состоявшая изъ 8632 книгъ, также и начальническія келліи совсѣмъ погорѣли“.

при учрежденіи Коллегіи и библіотеки или же вскорѣ по выходѣ большинства книгъ въ свѣтъ: то мы можемъ заключить, что въ библіотекѣ Кіево-Братской Коллегіи отъ пожара 1780 года уцѣлѣло до 1811 года отъ XVII вѣка не менѣе 1500 книгъ. Изъ перечисленныхъ въ каталогѣ Иринея Фальковскаго 1670 томовъ книгъ XVI и XVII вѣковъ 813 относятся къ XVI и къ первой половинѣ XVII в., и 857 ко второй половинѣ XVII вѣка. По содержанію своему тѣ и другія книги могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы или разряды:

	Книги XVI и 1-й половины XVII в.	Второй половины XVII в.	Итого.
Священное писаніе.	36	18	54
Толкователи Св. Писанія	89	127	216
Отцы церкви греческіе и латинскіе .	123	132	255
Соборы, каноны и обряды	66	27	93
Исторія библейская, церковная, гражданская, литературная, древности и географія	118	135	253
Богословіе и проповѣдничество . .	153	153	306
Философія	51	39	90
Реторика, піитика и грамматика . .	105	131	236
Лексиконы . . , ...	29	40	69
Медицина, математика и астрономія.	36	40	76
Смѣсь	7	15	22
А всего .	813	857	1670[1])

Предполагая же, что изъ числа погибшихъ въ пожарѣ 1780 года 8000 книгъ относилось къ XVI и XVII вѣкамъ не меньше того, сколько ихъ осталось отъ этого пожара, мы можемъ заключить, что академическая библіотека къ концу XVII вѣка заключала въ себѣ отъ 3000 до 3500 книгъ.

Во всякомъ случаѣ, введеніе въ Кіево-Братскую Коллегію богословскаго курса, хотя и съ однимъ только про-

[1]) См. этотъ каталогъ въ рукописи Кіево-Софійскаго собора, № 612.

фессоромъ, послужило достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы ввести въ Кіево-Братской Коллегіи и нѣкоторые другіе академическіе порядки и испросить для нея нѣкоторыя права другихъ академій, напр. раздачу ученыхъ степеней, студенческія корпораціи и конвикты, право собственнаго суда и т. п.

О Стефанѣ Яворскомъ передаютъ, что онъ, окончивъ около 1689 года богословское образованіе въ Познани и Вильнѣ съ званіемъ artium liberalium et philosophiae magistri et consummati theologi и явившись въ Кіевскую Коллегію, былъ подвергнутъ испытанію и обнаружилъ при этомъ испытаніи такое искусство слагать русскіе, латинскіе и польскіе стихи, что кіевскіе ученые пришли въ восторгъ и почтили его наименованіемъ лавроноснаго поэта (poëta laureatus). „И коронованъ бысть,—говорится о немъ въ одной старинной рукописи, *по чину академическому* вѣнцемъ неувядаемыя славы“ [1]). Слѣдов., еще въ 1689 году Кіево-Братская Коллегія присвоила себѣ нѣкоторыя академическія права на выдачу почетныхъ учено-литературныхъ титуловъ. Вѣроятно, такимъ же путемъ пріобрѣлъ въ 1696 году въ Кіево-Братской Коллегіи званіе „баккалавра свободныхъ наукъ и философіи“ Григорій Вишневскій [2]).

Съ введеніемъ въ Кіево-Братской Коллегіи богословскаго четырехлѣтняго курса, открылась возможность выдѣлить студентовъ двухъ высшихъ академическихъ классовъ или курсовъ, т. е. философіи и богословія, въ особую группу или корпорацію, отдѣльную отъ корпораціи учениковъ низшихъ классовъ. У митрополита Евгенія есть извѣстіе о томъ, будто бы ректоръ Кіево-Братской Коллегіи Іоасафъ Кроковскій (1693—1697 г.г.) возобновилъ двѣ конгрегаціи, большую и малую (major et minor congregatio), учрежденныя яко бы Петромъ Могилою. Чьимъ именамъ святыхъ посвящена была та и другая конгрегація,—объ этомъ у митрополита Евгенія нѣтъ

---

[1]) „Труды Кіевской Дух. Академіи“, январь, 1864 г., стр. 56 и 57.
[2]) Рукоп. Кіево-Мих. монастыря, № 1647, л. 142.

твердаго и отчетливаго понятія. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что первоначальная конгрегаціонная училищная церковь была двухъэтажная деревянная во имя благовѣрныхъ князей Бориса Глѣба, а въ другомъ,—что собранія конгрегацій происходили въ церкви зачатія св. Анны, основанной еще Анною Гулевичевною въ странноприимномъ ея домѣ [1]). Но мы уже видѣли, что при Петрѣ Могилѣ и долго послѣ него существовала одна только студенческая конгрегація на всю Коллегію, и что только съ 1680-хъ годовъ приблизительно эта конгрегація могла раздѣляться на большую и малую, изъ коихъ первая имѣла покровителями своими святыхъ Бориса и Глѣба, а вторая—равноапостольнаго князя Владиміра. Поэтому надобно полагать, что Іоасафъ Кроковскій не возстановилъ устроенныя будто бы Петромъ Могилою конгрегаціи, но или одну прежнюю конгрегацію раздѣлилъ на двѣ, т. е. на меньшую для учениковъ низшихъ классовъ, съ посвященіемъ ея Св. Владиміру, и на большую для студентовъ философіи и богословія, съ посвященіемъ Борису и Глѣбу, или же, что вѣроятнѣе, далъ прежнимъ конгрегаціямъ новыя названія. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ ректорства Іоасафа Кроковскаго, является въ Кіевской Академіи „Общество Маріи“ (Societas Mariana), упоминаемое уже въ 1701 году [2]) и подраздѣлявшееся на двѣ конгрегаціи,—одну во имя Зачатія Пресв. Богородицы и другую во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, съ тождественными по содержанію формами „обѣщаній“ для каждой изъ нихъ [3]), и съ особыми „заповѣдями содалѣстомъ“ [4]).

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м Евгенія, прилож. стр. 213 и 215.

[2]) „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, В. Аскоченскаго, т. I, стр. 261.

[3]) См. эти печатныя формы 1721 года въ рукописи Кіево-Соф. Собора, № 235, л. 2 и 441.

[4]) См. мое „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ Кіевѣ“, вып. 1, № 253, л. 375 и 376, стр. 283, и рукоп. библіотеки церковно-археологич. музея при Кіевской Дух. Академіи, № 501. По всей вѣроятности, конгрегація во имя Зачатія пресв. Богородицы праведною Анною дала митрополиту Евгенію поводъ къ домыслу о существованіи конгрегаціонной церкви во имя Зачатія Св. Анны. „Заповѣди содалистамъ“ суть не что иное, какъ краткіе катехизисы.

Образецъ для этихъ конгрегацій Іоасафъ Кроковскій взялъ у высшихъ іезуитскихъ школъ, въ которыхъ были двѣ ученическія конгрегаціи и два особые префекта надъ ними [1]). И въ Кіево-Братской Коллегіи ученики обѣихъ конгрегацій, подъ начальствомъ конгрегаціоннаго настоятеля, избирали двухъ префектовъ, majoris et minoris congregationis, и этотъ обрядъ, совершаемый торжественно, назывался „элекціею", а окончаніе выбора и элекція избранныхъ—„промульгаціею" [2]). Такія элекція и промульгація существовали въ Кіево-Братской Коллегіи въ то время, когда учился въ ней Ѳеофанъ Прокоповичъ II, т. е. въ концѣ XVII вѣка [3]). Кромѣ того, по примѣру Краковской Академіи [4]), заведена была въ Кіево-Братской Коллегіи бѣлая книга, называвшаяся Album, для испрошенія на конгрегаціонную церковь подаяній отъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ. Съ этою книгою ходили префекты конгрегацій со своими ассистентами и секретарями; но къ знатнѣйшимъ людямъ съ этою книгою ходилъ и самъ pater congregationis съ префектами [5]).

Такъ какъ, со введеніемъ въ Кіево-Братской Коллегіи богословскаго курса, умножилось число ея учениковъ и не могло уже помѣщаться въ академической бурсѣ, то къ самому концу XVII вѣка получаютъ развитіе малыя бурсы при приходскихъ школахъ кіевскихъ церквей, представлявшія нѣкоторую параллель съ бурсами или конвиктами Виленской іезуитской и другихъ академій [6]). Въ ктиторскихъ реестрахъ Кіево-подольской Борисоглѣбской церкви, сохранившихся въ ея архивѣ, съ 1694 года стали записываться грошовыя по-

[1]) Historia szkol.., I. Лукашевича, т. 1, стр. 233 и 234.

[2]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора", м. Евгенія, прилож., стр. 215.

[3]) Въ спискѣ настоятелей и ректоровъ Кіево-Братскихъ, 1760-хъ годовъ, о Ѳ. Прокоповичѣ есть ссылка на „списокъ бываемой по обычаю при академіи елекціи студенской sev promulgationis, нимъ Ѳеофаномъ собственноручно написанный".

[4]) Historya szkól.., I. Лукашевича, т. III, стр. 305.

[5]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора", м. Евгенія, прилож. стр. 215.

[6]) Historya szkól., I. Лукашевича, т. IV, стр. 35 и слѣд.

даянія „выросткамъ въ школу“ [1]). Вѣроятно, эти „выростки“ были воспитанники Кіево-Братской коллегіи. Въ дѣлѣ Кіевской Духовной Консисторіи 1741 года „о позволеніи жить студентамъ въ школѣ Притиско-Никольской и о протчемъ“ есть указаніе на то, что въ этой школѣ студенты Кіево-Братской Коллегіи жили еще до 1699 года [2]).

Но самымъ прямымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ преобразованію Кіевской Коллегіи въ академію было испрошеніе ею у Московскаго правительства собственнаго суда и независимости отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Въ польско-литовскомъ государствѣ такими правами пользовались только академіи, напр. краковская, іезуитская виленская [3]) и др., но никакъ не среднія учебныя заведенія. Послѣдствіемъ такихъ привиллегій въ польско-католическихъ академіяхъ были своеволіе и буйство студентовъ, не сдерживаемыя академическимъ начальствомъ [4]). Въ самой Москвѣ въ 1680 году проэктировалась академія, съ предоставленіемъ ей собственнаго суда надъ учащими и учащимися [5]). Такими привиллегіями пожелала воспользоваться и Кіево-Братская Коллегія вскорѣ по введеніи богословія въ кругъ наукъ. Мы уже видѣли, что, вслѣдствіе ходатайства Коллегіи, царскою грамотою 11 января 1684 года разрѣшено было преподавать въ Кіево-Братской Коллегіи не только піитику и реторику, но и философію и богословіе, давалось царское жалованье по 50 рублей и по 50 четвертей хлѣба въ годъ и ограждались права Коллегіи отъ сторонняго вмѣшательства и обидъ. Эти царскія милости, въ связи съ прекращеніемъ военныхъ тревогъ, дотолѣ безпокоившихъ Кіевъ, быстро увеличили число воспитанниковъ

---

[1]) См. реестры 1693—1699 г.г., л. 11, 17 и 25.

[2]) См. выписку о семъ въ V-мъ нашемъ приложеніи.

[3]) Historya szkol., I. Лукашевича, т. III, стр. 297 и 298, и т. IV, стр. 4—10.

[4]) Historya szkòl., I. Лукашевича, т. I, стр. 198, 199, 267, т. III, стр. 306 и слѣд.

[5]) „Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи“, С. Смирнова, Москва, 1855 г., стр. 15 и др.

Коллегіи, которые, сплотившись въ независимую корпорацію, съ собственнымъ управленіемъ и судомъ, стали злоупотреблять дарованными Коллегіи правами и скоро вошли въ непріязненныя столкновенія съ городскимъ населеніемъ. Извѣстный путешественникъ въ Св. Землю, московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, бывшій проѣздомъ въ Кіевѣ въ 1701 году, писалъ слѣдующее: „въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли по избамъ псалмы пѣть, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь“ [1]). Въ 1699 году кіевскіе жители подали въ Москву жалобу на студентовъ, что на нихъ управы нѣтъ у митрополита, и эту жалобу переводилъ съ „бѣлорусскаго“ Каріонъ Истоминъ [2]). Вѣроятно, вслѣдствіе этой жалобы, московскій патріархъ Адріанъ въ 1699 году послалъ въ Кіевъ двѣ грамоты, одну въ магистратъ, а другую Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, который, по полученіи этой грамоты, воспретилъ будто бы студентамъ Кіево-Братской Коллегіи жить въ кіевскихъ церковно-приходскихъ школахъ [3]). Но, по смерти патріарха Адріана, дѣла приняли другой оборотъ, когда мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола сталъ бывшій воспитанникъ и профессоръ Кіево-Братской Коллегіи, Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій. 11 іюля, 1701 года, кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, отъ себя и отъ лица представителей Кіево-Братской Коллегіи, пожаловался, чрезъ Стефана Яворскаго, царю Петру I Алексѣевичу на кіевскихъ мѣщанъ за наруше-

[1]) „Сборникъ матеріаловъ для исторіи, топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., II, стр. 120 и 121.

[2]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. Шляпкина, 1891 г. Приложен., стр. 79.

[3]) См. дѣло Кіевской Дух. Консисторіи, 1741 г. за № 148, и извлеченіе изъ этого дѣла въ V-мъ нашемъ приложеніи.

ніе ими высочайше дарованныхъ въ 1694 году Коллегіи правъ. Варлаамъ Ясинскій писалъ Стефану Яворскому, „что кіевскій войтъ съ мѣщаны чинитъ великую Братскихъ школъ учителемъ обиду, нарушая,—какъ говорится въ отвѣтной грамотѣ,—великаго Государя жалованную грамоту, привлекая себѣ власть, емлетъ студентовъ въ ратушу, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту надлежащей правильно, яко же изначала того училища, но еще изъ своей ратуши отдаетъ въ верхній городъ къ генералу, въ Кіевѣ нынѣ будучему“, и ходатайствовалъ, дабы Кіево-Братскому игумену и ректору дана была вторая подтвердительная царская грамота, „чтобъ тѣхъ училищъ надъ студентами впредь мѣщане и генералъ нашъ, будучій въ Кіевѣ, не имѣли въ томъ надъ ними воли и власти; а кто изъ студентовъ явится кому виновенъ, чтобъ искать управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ школъ Братскихъ Кіевскихъ у ректора и префекта, якоже и прежде было изначала. А учители и студенты били жъ челомъ, что Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилеями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, подтверждена, нынѣ не свободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребываетъ отъ мѣщанъ кіевскихъ, о чемъ покорственно оные учители и ученики ихъ преосвященнаго митрополита кіевскаго просятъ, чтобъ онъ своимъ челобитьемъ къ намъ великому Государю ходатайствовалъ о свобожденіи отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а какая-де случится вина,—судъ бы былъ въ академіи“ [1]).

Нужно при этомъ замѣтить, что какъ митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, такъ особенно учителя и студенты Коллегіи въ основаніе своей просьбы указываютъ уже не одну царскую грамоту 1694 года, а исконныя права коллегіи, которыми она будто-бы пользовалась, наравнѣ съ иностранными ака-

[1]) Памятники, изд. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. II, Кіевъ, 1846 г., стр. 325 и слѣд.

деміями, съ самаго основанія своего, и уже прямо называютъ свою Коллегію Академіею. Когда и кѣмъ даны ей были эти права и въ чемъ именно они состояли,—просители не указываютъ съ точностію; но мы знаемъ, что Кіево-Братская Коллегія приравнивалась къ академіямъ только въ не имѣвшемъ силы гадячскомъ договорѣ гетмана Ивана Выговскаго съ поляками 1658 года [1]), каковой договоръ, вѣроятно, и подразумѣвался въ просьбѣ кіевскихъ учителей и студентовъ, но безъ упоминанія имени Выговскаго, какъ измѣнника Россіи.

Царь Петръ I Алексѣевичъ уважилъ просьбу кіевскаго митрополита. Своею грамотою 26 сентября 1701 года онъ подтвердилъ царскую грамоту 1694 года, предоставивъ ректору и префекту Коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что, если они виновнымъ студентамъ не учинятъ управы, то обиженные могутъ вступать съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія, въ такомъ случаѣ виновные воспитанники подвергаются общему суду кіевскихъ воеводъ, безъ нарушенія однако же правъ коллегіи [2]).

Впрочемъ, и въ этой новой грамотѣ Кіево-Братская Коллегія не названа самимъ государемъ академіею. Но она сама съ этого времени чаще и чаще стала называть себя академіею, особенно въ отличіе отъ другихъ южнорусскихъ коллегій, которыя, по образцу кіевской, стали появляться съ 1700 года [3]). Вскорѣ она приняла и болѣе приличный наружный видъ, соотвѣтствующій новому названію своему. Осенью 1703 года былъ заложенъ, а въ маѣ 1704 года сталъ строиться

---

[1]) „Описаніе Кіево-Соф. Собора“, м. Евгенія, стр. 189.

[2]) „Памятники“, Кіевъ, т. II, 1846 г., стр. 325 и слѣд.

[3]) Первою изъ этихъ коллегій была Черниговская, основанная около 1700 года черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ. См. „Черниговскіе іерархи“, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, 1860 г., кн. II, стр. 236 и 237.

каменный академическій корпусъ, надстроенный впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ Заборовскимъ и существующій до настоящаго времени подъ названіемъ стараго или библіотечнаго корпуса. Объ этомъ сохранилась слѣдующая приписка одного студента Кіевской Академіи на одномъ рукописномъ учебникѣ, относящаяся къ 1704 году: „тою же весною начали строиться каменныя школы въ Коллегіи, самый же фундаментъ положенъ былъ еще осенью“ [1]). Такъ какъ эта постройка была отъ щедротъ тогдашняго гетмана Ивана Мазепы; то коллегія или академія, до измѣны Мазепы, называлась иногда Могило-Мазепіанскою [2]).

Н. Петровъ.

---

[1]) Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 219, на оборотѣ послѣдняго бѣловаго листка. Первоначальный видъ этого корпуса см. въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь 1884 года.

[2]) См., наприм., пѣтику Lyra Heliconis, 1708—9 г., въ рукописи Кіево-Соф. Собора, № 463, гдѣ слово Mazepiana выскоблено впослѣдствіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

Привилей Владислава IV православнымъ, отъ 18 марта 1635 года.

Notum facimus omnibus, quibus interest, quod inhaerentes punctis pacificationis inter unitos et nonunitos ritûs graeci, quae tempore felicis electionis nostrae concluseramus.

Cum ultra omnem illam dispositionem nostram episcopatus Luceoriensis maneat penes episcopum modernum unitum ad vitae illius tempora, post mortem illius episcopatus praedictus episcopo nonunito per incolas Volhynenses electo etiam consecrato conferri debet cum omnibus bonis, ad dictum episcopatum abantiquo spectantibus.

Quod si citius moreretur modernus episcopus Luceoriensis nonunitus, episcopatum illi conferemus, quem iam incolae Volhiniae nonuniti nobis proponunt. Viceversa postquam episcopatus Luceoriensis nouunito conferetur, Archimandria Żydyczinensis exnunc unito debebit conferri cum bonis omnibusque ad illam abantiquo spectantibus cum ecclesia sanctissimae Trinitatis, pariterque cum domo ad dictam archimandriam pertinente in civitate Luceoriensi.

Similiter post mortem episcopi moderni Premysliensis uniti episcopatum hunc cum omnibus bonis illi, quem incolae Premyslienses nonuniti eligent, etiam nobis proponunt, conferimus. Residentia autem episcopi Premysliensis nonuniti monasteria S. Salvatoris, S. Onufrii et Smolniense dictum depraefati cum omnibus bonis ad illa monasteria spectantibus

assignamus et confirmamus. Cum autem modo promisso nonunitus post mortem moderni uniti episcopatus Premysliensis possessionem adierit, exnunc ecclesiae Salvatoris et s. Nicolai in suburbio Premysliensi sitae conferentur unito cum (curam) animarum unitorum ibidem habenti, cum titulo episcopi uniti, ne in possessione illius, eiusque sucessorum manebunt.

Monasterium Grodnense cum bonis ad illud spectantibus ad unitos spectabit, in recompensam vero nonunitis conferimus archimandriam Vidubiczensem Kijoviensem cum omnibus bonis, abantiquo exnunc ad illam spectantibus.

Similiter monasterium S. Salvatoris Mohiloviense cum bonis in possessione unitorum manebit, ecclesia vero Crucis Mohiloviensis cum tribus villis Pieczeren., quas nunc uniti tenent, itemque eclesia Biala dicta Minsci ad nonunitos spectare debent.

Quoniam vero Metropolita nonunitus modernus archimandritium Pieczerense, monasterium s. Nicolai cum ecclesia cathedrali Kijoviensi s. Sophiae nuncupata possidet, etiam non obstante incompatibilitate ad finem vitae suae in illorum possessione manere debet; post mortem autem illius beneficia haec secundum puncta pacificationis in electione nostra firmata distribuentur.

In *scholis* etiam *Kijoviensibus* et Vilnensibus *graece et latine docere nonunitos permittimus, ita tamen, ut humaniora non ultra Dialecticam et Logicam doceant.*

Quascunque autem ecclesias ubicunque commissarii nostri ad haec specialiter deputati unitis et nonunitis assignabunt, utraque pars illis tantum consentiri debet.

Processus iuridicos omnes inter unitos et nonunitos quovis modo excitatos cassamus et annulamus, exceptis damnis et personalibus injuriis, de quibus si quis juridice agere voluerit, non probibemus.

Haec omnia et singula ita nostro et serenissimorum nostrorum successorum nomine confirmamus, et secudum haec puncta praesentibus privillegii nostri, tam uniti, quam nonuniti in

perpetuum juribus propriis gaudere debeant. In cuius rei majorem fidem praesens privillegium manu nostra subscripsimus et sigillo Regni muniri fecimus. Datum Varsaviae in comitiis generalibus Martii 18 anno 1635. [1]).

Приложеніе II.

Списки игуменовъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоровъ, префектовъ и учителей Кіевской Академіи за XVII столѣтіе [2]).

„*Монастырь Богоявленія Господня Братскій Кіевскій.*

Въ немъ училища или школы основалъ славный войска Запорожскаго гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Онъ же первый обновитель и монастыря Братскаго Кіевскаго, иже созда въ немъ церковь Богоявленія Господня, въ ней же и самъ по многихъ побѣдахъ, по преставленіи своемъ, погребенъ року 1622 апрѣля 10 д. [3]).

Во время основанія тѣхъ школъ монастыря тамъ не было, а было толко Братство, то есть такое мѣсто, гдѣ могли жить свѣтскіи и духовныи люди, приходящіи для ученія.

Потомъ преосвященный Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, екзарха святѣйшаго апостольскаго Константинопольского ѳрону, архиманд-

[1]) Привилей этотъ извлеченъ изъ рукописи, принадлежавшей покойному митрополиту Московскому Макарію Булгакову. См. объ этой рукописи въ моемъ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 1, Москва, 1892 г., № 51, стр. 93 и 94. Извлеченіе изъ него, въ русскомъ переводѣ см. въ „Исторіи Русской Церкви", м. Макарія, т. XI, 1882 г., стр. 477—479.

[2]) Списки эти отысканы въ 1894 году въ архивѣ Кіевской Дух. Консисторіи студентомъ Кіевской Дух. Академіи В. Серебренниковымъ. Они доведены до времени ректорства въ Кіевской Академіи Самуила Миславскаго (1759—1768 г.г.), несомнѣнно писаны при Самуилѣ Миславскомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправлены его рукою. Копія ихъ передана нами въ библіотеку Церковно-археологич. музея при Кіевской Дух. Академіи. Мы приводимъ здѣсь только ту часть этихъ списковъ, которая касается XVII столѣтія.

[3]) На сторонѣ замѣчено: „Помянникъ Братскаго Кіевского монастыря".

ритъ святыя великія чюдотворнія Лавры Печерскія Кіевскія, воеводичъ Земель Молдавскихъ, принявъ престолоправленіе митрополіи Кіевскія, съ 1632 по 1647 годъ, бысть фундаторъ монастыря Братского Кіевскаго и при немъ основалъ и построилъ школы.

Когда въ Кіевѣ Могилеанское Коллегіумъ руское стало, и тамо законныки православныи учили, то тому іезуити завидя, костеликъ свой и школы подъ горою Здихалницею построили, чтобы студенти зъ Коллегіумъ руского до іезуитскаго переходили для наукъ, и латинской вѣры научилися, и до латинского костела приступили, и того времени много студентовъ своеволнихъ зъ Коллегіумъ руского до іезуитского перейшло, для того, что который студентъ что въ Коллегіумъ рускомъ преступилъ, тотъ за свое преступленіе наказанія бояся, заразъ до Коллегіумъ іезуитского утѣкалъ, и уже безопаснымъ тамъ былъ и до латинской вѣри приставалъ[1]).

1) Священноинокъ Ісаія Купинскій: былъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ 1615 году, когда еще состоялъ оный монастырь въ вѣдомствѣ святѣйшаго патріарха Константинопольского и былъ ставропигіонъ патріаршескій, и имѣлъ школу и гостинницу, и болѣе объ немъ неизвѣстно.

2) Тарасій Земка игуменъ монастыря Богоявленского Кіевского былъ отъ 1631 года.

3) Первый ректоръ и игуменъ Кіевобратского монастыря премудрій Богословіи учитель и провинціалъ Коллегіума Кіевского и Гойского, которое Гойское Коллегіумъ зъ монастыремъ належали до монастыря Братского Кіевского, іеромонахъ Ісаія Трофимовичъ Козловскій былъ 1633 года. Сей Ісаія Трофимовичъ, будучи Коллегіума Могилеанскаго въ Кіевѣ ректоромъ, 1633 года мѣсяца іуля, дня второго, въ день

[1]) На сторонѣ замѣчено: „Фундамента и штурми 1683 года іюля 7 д. изданный и напечатанный, листъ 70“. Это—извѣстное подъ этимъ заглавіемъ сочиненіе Іоанникія Галятовскаго.

вовторковый часа тринадцатаго отобралъ святыя Софіи церковь отъ уніатовъ зъ отцемъ Анатоліемъ Мужиловскимъ, казнодѣеею Печерскимъ и игуменомъ Билиловскимъ. Потомъ онъ...

4) Вторый ректоръ и игуменъ братскій Кіевскій Софроній Почаскій, мужъ мудрый и добродѣтельный, 1638. Онъ потомъ былъ 1640 года игуменъ Молдавскій Ясскій, преставися же року 1640.

5) Третій ректоръ и игуменъ братскій кіевскій іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ богомудрый и многоболѣзненный. Опредѣленъ 1642 мая 11 д., иже потомъ бысть ігуменъ Видубецкій Кіевскій, а потомъ и Бѣлорускій епіскопъ, преставися року 1650.

6) Іосифъ Кононовичъ Горбацкій ректоръ и игуменъ братскій Кіевскій, добрѣ подвизавшійся о ученіи въ школахъ, иже потомъ бысть епископъ Витепскій, Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій, преставися же року 1650 [1]).

7) Ректоръ и игуменъ Братскій Кіев. Іннокентій Гизель бысть 1648, а 1650 переведенъ въ Николаевскій монастыръ, въ коемъ былъ игуменомъ 1652 году.., иже потомъ бысть архимандритъ Лавры Печерскія, и оставленъ бысть тестаментомъ фундаторскимъ Могилеанскимъ за патрона и благодѣтеля Монастырю Братскому Кіевскому и школамъ при немъ.

8) Лазарь Барановичъ бысть чрезъ долгое время ректоръ и игуменъ Братскій, иже потомъ бысть архіепископъ Черниговскій Новгород. и всего Сѣвера. Былъ въ Братскомъ монастырѣ 1650, 1652 и 1656, и вмѣстѣ и Кириловское игуменство содержалъ. Янъ Казимиръ король полскій въ аппробаціи сеймовой прив. и волностей вѣры греческой народу руского, лѣта Господня 1650, мѣсяца Генваря позволилъ имѣти школы кіевскіи, за митрополіта Кіевскаго Сильвестра Коссова.

---

[1]) На сторонѣ замѣчено: „Помянникъ Братскаго монастыра".

9) Іеромонахъ Іоанникій Галятовскій ректоръ и игуменъ монастыря Братского Кіевского, иже монастырь Братскій по сожженіи отнови и воздиже, былъ 1660 и 1662 года. Потомъ же бысть архимандритъ Черниговскій Елецкій. Книжка Fundamenta y szturmy року 1683 іюля 7 д. виданая и печатаная, въ коей онъ Іоанникій написанъ уже архимандрітомъ Елецкимъ.

10) Ректоръ и игуменъ монастыря Братского Кіевского Мелетій Дзика, первѣе же въ немъ бысть искусный проповѣдникъ слова Божія и учитель; потомъ быть игуменъ Кіевокириловского монастыря въ 1660 и 1676 годахъ.

11) Игуменъ братского Кіевского монастыря и ректоръ Варлаамъ Ясѣнскій избранъ отъ всего консистору митрополіи Кіевскія 1665 года Ноября 13 д. Произведенъ игуменомъ и ректоромъ отъ Меѳодія Філімоновича, епископа Мстиславского и Оршанского, блюстителя каѳедры Митрополітанской Кіевской, 1666, Генваря 6 д.; былъ и въ 1672 году по грамотѣ повелителной преосвященного архіепископа Черниговского Лазаря Барановича потвержденъ отъ митрополіта Кіевскаго Іосифа Нелюбовича Тукальского грамотою 1672 Сентября 17 д. За сего игумена въ лѣто отъ Рождества Христова 1671 мая 3 д. отъ воевъ полскихъ избіени христіане монастырскіи числомъ 31 человѣкъ, при сожженіи и послѣднемъ разореніи имѣнія монастыря Братского Кіевского Новосюлокъ. За того жъ ігумена 1673 года генваря убіени Кіевобратскіи монахы на дорогѣ за Бѣлагородкою едучіи на послушаніе до Новосюлокъ: Мелетій Миколаевичъ намѣстникъ, Іннокентій Можиловскій економъ, и шафаръ іеродіаконъ Лазарь, и погребени марта 2. Проповѣдь была надъ ними: положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ. Варлаамъ Ясѣнскій самъ доброволно отказался.

12) Игуменъ Кіевского братского монастыря и ректоръ іеромонахъ Силвестръ Головчичъ. Онъ же былъ ректоръ и игуменъ монастыря Гойского, надлежавшаго до монастыря братского Кіевского; а по грамотѣ преосвященного Лазаря

Барановича, епископа Черниговского и Сѣверского, переведенъ изъ монастыря Гойскаго, надлежавшаго до Братскаго монастыря, 1673, марта 25, а 1684 опредѣленъ въ Золотоверхо-Михайловскій монастырь.

13) Игуменъ Кіевского Братского монастыря и ректоръ Іезекіиль Филиповичъ, 1684, априля 26 д. опредѣленъ въ игумена и ректора преосвященнымъ Лазаремъ Барановичемъ же, архіепископомъ Черниговскимъ, блюстителемъ митрополіи Кіевскія; утвержденъ универсаломъ гетмана Іоанна Самойловича.

14) Игуменъ Кіевского братского монастыря и ректоръ школъ іеромонахъ Ѳеодосій Гугуровичъ, 1687 года Сент. 16 д. былъ.

15) Іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, обранный ректоръ и намѣстникъ монастыря братского Кіевского, иже смиренія ради своего, ректорства и жадной годности игуменской не восхотѣ, аще и на многія его промовано. Бѣ искусній проповѣдникъ слова Божія. Преставися 1689, апрѣля 3 д.

16) Игуменъ Кіевского братского монастыря и ректоръ іеромонахъ Пахомій Подлузскій, былъ 1691 году.

17) Игуменъ Кіевского братского монастыря и ректоръ іеромонахъ Іоасафъ Кроковскій 1693 и 1694 году былъ. Потомъ былъ онъ Кіевского Пустинноникольскаго монастиря игуменъ и Коллегіумъ Кіевского братского ректоръ, а 1697 года марта 26 д. избранъ онъ въ Кіево-печерской Лаврѣ во архимандрита тоя лавры.

18) Игуменъ Кіевского Братского монастыря и ректоръ іеромонахъ Прокопій Калачинскій 1700, 1701, 1702 и 1703 годовъ былъ.

О Академіи Кіевской.

Академія Кіевская въ Кіево-Братскомъ монастырѣ основана митрополітомъ Кіевскимъ Петромъ Могилою 1630 за царя Михайла Ѳеодоровича.

Ректоръ.

1) Петръ Могила митрополитъ Кіевскій и ректоръ во вся (дни) житія своего; 2) Іосифъ Кононовичъ съ 1640 по 1659; 3) Іакимъ Галятовскій съ 1659 по 1669. Архимандритъ Елецкій. 4) Иннокентій Гизель съ 1669 по 1672, опосля архімандритъ печерскій; 5) Варлаамъ Ясѣнскій съ 1672 по 1688, опосля митрополитъ Кіевскій; 6) Іоасафъ Кроковскій, опосля митрополитъ Кіевскій; 7) Стефанъ Яворскій, опосля митрополитъ Рязанскій 8) Иннокентій Поповскій.

Префекти:

1) Стефанъ Яворскій; 2) Иннокентій Поповскій.

Префекты Академіи Кіевскія:

1) Первый началный премудрій учитель и префектъ школъ Кіевскихъ Сильвестръ Коссовъ былъ 1631 года, иже потомъ бысть митрополитъ Кіевскій. Преставися же 1657 Априля 13.

2) 1672 и 1676 префектъ школъ Братскихъ Кіевскихъ и намѣстникъ Виссаріонъ Шулковскій.

3) Префектъ школъ Кіевскихъ Зосима Согнѣкевичъ былъ 1678.

4) Префектъ Кіевскій и учитель філософіи Озіерскій былъ 1689.

5) Намѣстникъ монастыря Братского Кіевского и префектъ школъ Ѳеодосій Василіевичъ Баевскій, иже потомъ бысть игуменъ Кіево-Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, потомъ Архимандритъ Слуцкій, а потомъ бывъ епископъ Бѣлоруский; умре 1678 года.

6) 1693 и 1697 іеромонахъ Стефанъ Яворскій префектъ школъ Коллегіумъ Кіевомогилеанского, и 1697 учитель богословіи.

7) Префектъ школъ Братскихъ Кіевскихъ іеромонахъ Михаилъ Онихимовскій.

8) Иннокентій Поповскій.

О учителяхъ философіи:

1) Учитель или профессоръ философіи іеромонахъ Исаія Филипповичъ былъ 1631 года за Петра Могилы архимандрита святыя великія чудотворныя Лавры печерскія Кіевскія.

2) Учитель философіи іеромонахъ Іоасафъ Кроковскій училъ философіи чтири лѣта, потомъ бысть богословіи учитель.

О учителяхъ Риторики:

1689 учитель риторики Іоанникій Валявскій".

Приложеніе III.

Черновой списокъ нѣкоторыхъ начальствующихъ и учащихъ лицъ Кіевской Академіи, составленный въ 1820-хъ годахъ [1]).

Списокъ наставникамъ, преподававшимъ въ Кіевской Академіи Богословіе: 1) Исаія Трофимовичъ Козловскій до 1633; 2) Ѳеофанъ Прокоповичъ (старшій) 1675. Философіи: Паисій Лигаридъ, греч. митрополитъ, около 1670.

О способахъ усовершенствованія Кіевской Академіи: а) Лучшіе студенты были посылаемы въ иностранныя училища. именно: аа) во Львовскую Академію: 1) Амвросій Зертисъ—Каменскій; 2) Иннокентій Гизель. bb) Въ заграничныя училища: Давидъ Нащинскій, Епифаній Славинскій. cc) Въ Гальскомъ Университетѣ обучался Симонъ Тодорскій до 1738 года.

Связи и сношенія учившихъ въ Кіев. Академіи съ другими учеными: 1) Къ Кіев. ректору Софронію Початскому 1640 года было написано письмо на лат. языкѣ отъ Коридала, Константинопольскаго дидаскала. См. Латин. изд. сочиненій Зерникава при концѣ".

[1]) Найденъ Н. Ѳ. Мухинымъ въ 1892 году въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря и переданъ въ библіотеку Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи, гдѣ теперь и находится. Изъ него мы извлекли здѣсь преимущественно то, что относится къ XVII столѣтію.

Приложеніе IV.

Описаніе извѣстныхъ доселѣ учебниковъ по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ Кіево-Братской Коллегіи въ XVII вѣкѣ:

1) Orator Mohileanus,—рукописная реторика на латинскомъ языкѣ, безъ нѣсколькихъ начальныхъ и конечныхъ листовъ, съ прибавленіемъ діалектики, въ 4-ку, на 368 листкахъ. На 291 листкѣ, въ концѣ реторики, о времени происхожденія ея говорится, между прочимъ, слѣдующее: Hunc nostrum Oratorem Mohileanum in tres tractatus disparatum sub reverendissimo patre Iosepho Kononowicz Rhet. professore, anno 1636, mensis April. die 27. Въ концѣ діалектики также помѣченъ 1636 годъ. Слѣдовательно, реторика съ діалектикой преподана въ $163^{5}/_{6}$ учебномъ году. См. „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской дух. Семинаріи“, М. И. Лилеева, С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 200.

2) Liber artis Poëticae anno Domini 1637. Capita: 1) De origine, dignitate et nomine poëtarum; 2) Quae materiae poëtae, et quomodo dividitur poëma; 3) De aeporaeia et eius partibus; 4) De comedia et trahicomedia; 5) De tragedia; 6) De bucolica et elegiaca poësi; 7) De linea poësi; 8) De jambea et satirica poësi; 9) De epigrammate ejusque speciebus. Преосвященный Макарій Булгаковъ въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ (С.Петербургъ, 1843 г., стр. 62 и 63) и В. Аскоченскій („Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, Кіевъ, 1856 г., стр. 135 и 332) говорятъ, что учебникъ этотъ хранился въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора; но въ настоящее время его тамъ нѣтъ.

3) Subsidium Logicae,—рукопись 1639 и 1640 годовъ, въ 4-ку, на 474 листкахъ, безъ 5-ти первыхъ, заключающая въ себѣ діалектику и логику, преподанныя въ $16^{39}/_{40}$ учебномъ году въ Кіево-Могилянской Коллегіи профессоромъ философіи Іосифомъ Кононовичемъ Горбацкимъ, какъ это видно

изъ замѣтокъ на 74 и 471 листкахъ, на оборотѣ. На послѣднемъ изъ этихъ листковъ замѣчено: Finitum est illud opus anno post Christi natu 1640, feria 6-ta, 26 die Iunii, Kijoviae, quod audivi sub reverendo in Christo patre Josepho Kononowicz Horbacki, tum professore philosophiae. См. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ", Н. Петрова, выпускъ 1, Москва, 1892 г., № 126, стр. 232, и „Труды Кіевской Дух. Академіи", февраль, 1888 г., стр. 288—290.

4) Преосвященный Макарій Булгаковъ въ своей „Исторіи Кіевской Академіи" (С.Петербургъ, 1843 г., стр. 69) и В. И. Аскоченскій въ своемъ сочиненіи „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею" (Ч. 1, Кіевъ, 1856 г., стр. 140 и 334) указываютъ въ Кіево-Софійской библіотекѣ рукописный учебникъ по богословію, будто бы преподанный въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ 1642—1646 годахъ и составленный, безъ малѣйшаго измѣненія въ порядкѣ, по руководству Ѳомы Аквината. Но въ настоящее время этого учебника нѣтъ въ Кіево-Софійской библіотекѣ, и существованіе его болѣе, чѣмъ сомнительно. См. объ этомъ—въ текстѣ.

5) Opus totius philosophiae, рукопись въ 4-ку, на 699 листкахъ, ex lib. Theo. Horbski, заключающая въ себѣ діалектику (л. 1—59), богословскія замѣтки (л. 60—62), логику (л. 62—277), трактатъ на книги метеоровъ Аристотеля (л. 279—310)), философскія аксіомы (л. 311—339), физику (л. 339—618), метафизику (л. 619—644) и Disputationem de Deo et angelis (л. 644—678). Въ концѣ логики, на 278-мъ листкѣ, приписано: Finitus per reverendum patrem Innocentium Gisiel in almo Collegio Mohilaeano Kijoviensi, rectorem eiusdem Collegii et professorem philosophiae anno 1646 mense Aprilis die 6-ta veteri stylo. Другая подобная замѣтка помѣщена въ концѣ метафизики, на оборотѣ 678 листка: Totum opus hoc perfectum est per reverendum patrem Innocentium Gisiel, professorem philosophiae et rectorem collegii Chioviensis anno

1647 mense Junii 23-tio, veteri stylo, meo tunc anno 21-mo a natu. Во введеніи къ логикѣ Иннокентій Гизель предостерегаетъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые уже раньше успѣли познакомиться съ діалектикой, вѣроятно въ классѣ реторики, и потому могли пренебрегать его уроками, что онъ общеизвѣстное будетъ опускать или сокращать, а особенное отнесетъ къ слѣдующей за діалектикою логикѣ. Если логика окончена 6 апрѣля 1646 года; то, вѣроятно, философскій курсъ Гизеля начатъ еще въ 1645 году. Слѣдовательно, мы имѣемъ отъ него въ этой рукописи двухгодичный философскій курсъ, преподанный въ 1645—1647 годахъ. См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, февраль, 1888 года, стр. 290—294, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, Москва, 1892 г., вып. 1, № 128, стр. 233.

6) Діалектика и логика на латинскомъ языкѣ, писанная тою же рукою, какою и предыдущій курсъ,—рукопись въ 4-ку безъ 33 начальныхъ листковъ. Должно быть, это—первая половина вторичнаго философскаго курса Иннокентія Гизеля, преподанная въ $164^{7}/_{8}$ учебномъ году. См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 290, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г.,—№ 127, стр. 233.

7) Реторика Лазаря Барановича на латинскомъ и польскомъ языкахъ, списанная въ 1647 году воспитанникомъ Кіевской Коллегіи Тимоѳеемъ Топоровымъ при профессорѣ поэзіи Василевичѣ. Въ началѣ книги находится портретъ Лазаря Барановича съ его гербомъ. Въ концѣ книги находится слѣдующая замѣтка: Finis Rhetoricae patris Baranowicz, затѣмъ обращеніе къ нему съ похвалою и увѣренностію, что онъ находится на небѣ, гдѣ его патронъ. Если эта реторика списана въ 1647 году, то она преподавалась не позже $164^{6}/_{7}$ учебнаго года. Рукопись находилась въ библіотекѣ Иркутской Дух. Семинаріи; но не найдена была тамъ и не выслана для пользованія въ Кіевскую Дух. Академію, по желанію послѣд-

ней. См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, февраль 1888 г., стр. 257, и октябрь 1892 г., стр. 305 и слѣд.

8) Въ 1659 году впервые изданъ былъ въ Кіевѣ сборникъ проповѣдей Іоанникія Галятовскаго, подъ названіемъ „Ключъ разумѣнія“, съ приложеніемъ „Науки албо способа сложенія казанія“. А эта „Наука“, по нашему мнѣнію, есть не что иное, какъ примѣненіе къ проповѣдничеству реторическихъ правилъ, которыя преподавалъ І. Галятовскій въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $165^{7}/_{8}$ учебномъ году.

9) Въ 1672 года удалился изъ Москвы въ Кіевъ Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, очень образованный грекъ. Въ Кіевѣ онъ жилъ въ Софійскомъ монастырѣ, на царскомъ жалованьи, и вызвался преподавать философію въ Коллегіи. Лекціи его хранились въ бумагахъ профессора Барсова. Но заведенныя имъ здѣсь интриги заставили кіевскаго воеводу князя Трубецкаго желать удаленія его изъ Кіева. Въ 1676 году Паисій Лигаридъ былъ уже опять въ Москвѣ. См. „Обзоръ русской духовной литературы“ архіепископа Филарета Гумилевскаго, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 241.

10) Преосвященный Макарій Булгаковъ въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ говоритъ, что въ Кіево-Софійской библіотекѣ находится рукописный Cursus philosophicus, doctrinam Aristotelis Stagyritae ea methodo, qua traditur in scholis, complectens, преподанный въ Кіево-Могилянской Коллегіи будто бы въ 1679—1681 годахъ (стр. 66). Въ дѣйствительности же этотъ курсъ преподанъ въ Кіевской Академіи въ 1704—1706 годахъ. См. рукоп. Кіево-Соф. библіотеки, № 403.—Но за то въ той же Кіево-Софійской библіотекѣ есть рукописное Logicae sev philosophiae rationalis compendium въ 4-ку, на 257 листкахъ, преподанное въ 1680—1681 году неизвѣстно гдѣ, можетъ быть въ Кіево-Могилянской Коллегіи. См. рукоп. Кіево-Соф. библіотеки, № 390.

11) Penarium Tullianae eloquentiae ad usus politicos Roxolanae iuventuti in collegio Kijovo-Mohilaeano a reverendo

patre praefecto et professore Rhetorices Ioasaph Krokowski accommodatum et reseratum, $168^{3}/_{4}$ года, въ 4-ку, на 288 листкахъ. См. рукоп. Кіево-Соф. библ.. № 444, и „Исторію Кіев. Академіи“, Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г.. стр. 63 и 64.

12) Rationalis philosophia, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $168^{5}/_{6}$ учебномъ году и заключающая въ себѣ діалектику и логику, рукопись въ 4-ку. См. рукоп. библіотеки Кіево-Печерской лавры, № 88.

13) Часть философскаго курса на латинскомъ языкѣ,—рукопись въ 4-ку, на 398 листкахъ, въ коей заключаются: а) Disputationes per consonam dispositionem Organi Aristotelici traditae et Roxolanae juventuti in Collegio Kijovomohilaeano resolutae..., anno 1686 (л. 1—163); б) In octo libros Aristotelis de physico auditu quaestiones, начатыя 2 октября 1687 года (л. 164—398). См. рукоп. Кіево-Соф. библіотеки, № 393, и „Исторію Кіев. Академіи“ іеромонаха Макарія Булгакова. С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 67 и 68. Эта и предыдущая части философскаго курса преподаны въ Кіево-Могилянской Коллегіи профессоромъ и префектомъ Іоасафомъ Кроковскимъ, который, по свидѣтельству рукописной реторики $16^{89}/_{90}$ года, до 1689 года преподавалъ два курса философіи въ Кіево-Могилянской Коллегіи. См. эту реторику въ библіотекѣ Кіево-Соф. Собора, № 450, л. 114—117.

14) Tulliana Arbor., латинская рукописная реторика, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $168^{5}/_{6}$ учебномъ году,—рукоп. въ 4-ку, на 439 листкахъ, со спискомъ учениковъ. См. рукопись библіотеки Кіево-Соф. Собора, № 479, и „Исторію Кіев. Академіи“ Макарія Булгакова, С.-Петербургъ, 1843 г., стр. 65 и 66.

15) Curiae Bethleemicae,—рукописная піитика на латинскомъ языкѣ, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $168^{6}/_{7}$ учебномъ году. См. рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, № 1729.

16) Orator e mente Tulliana,—рукописная реторика съ прибавленіемъ діалектики, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $168^{7}/_{8}$ учебномъ году. Тамъ же.

17) Fons Castalius in duplices divisus rivulos, solutam scilicet et ligatam orationem, Krjovo-Mohilaeanis musis consecratus,—піитика, преподанная въ $168^{8}/_{9}$ учебномъ году, въ 4-ку, на 85 листкахъ. См. рукопись Кіево-Соф. библіотеки, № 446.

18) Camoena in Parnasso Kijovo-Mohilaeano ad svavissimum coelestis musae Mariae modulamen duplici, oratorio piëticoque sono inter amoena literariorum ludorum spectacula suum devote exhibens tenorem anno... 1689,—рукописная піика, преподанная въ $16^{89}/_{90}$ году, въ 4-ку. См. экземпляры ея въ Кіево-Соф. библіотекѣ, №№ 448 и 449.

19) Rhetor Roxolanus ad mentem suae patriae eruditus, nobili juventuti in Collegio Kijoviensi ad usum productus per fratrem Ioannicium Walavski anno... 1689, т. е. препод. въ $16^{89}/_{90}$ учебномъ году,—рукопись въ 4-ку, на 180 листкахъ. См. рукоп. библіотеки Кіево-Софійскаго Собора, № 450, и „Исторію Кіев. Академіи“ Макарія Булгакова, стр. 64.

20) In Logicam universalem disputationes, ex libr. Syluani Ozierski applicatus bibliothecae Kijovo-Mohilaeanae,—рукопись въ 4-ку, на 385 страницахъ. См. „Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи“, Н. Петрова, Кіевъ, вып. 1, 1875 г., № 46, стр. 23. А. Силуанъ Озерскій былъ въ 1689—1691 годахъ префектомъ и учителемъ философіи въ Кіево-Могилянской Коллегіи. См. объ этомъ въ текстѣ. Сн. часть философскаго курса, 1690 г., въ моемъ „Описаніи рукоп. собраній“, вып. 1. Москва, 1892 г., № 151, стр. 246.

21) Agonium philosophicum in arena Gymnadis Mohilaenae Kiioviensis orthodoxae Rossiacis agonothetis apertum,—философскій курсъ, преподанный въ 1691—1693 годахъ. Экземпляры его см. въ Кіево-Соф. библіотекѣ, №№ 307 и 398, и

въ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1. Москва, 1892 г., № 152, стр. 246 и 247. Преподанъ Стефаномъ Яворскимъ.

22) Promptuarium artis oratoriae candidatis eloquentiae in Collegio Mohileano oblatum anno... 1691, съ прибавленіемъ краткой діалектики, оконченной въ 1692 году. См. рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 394, л. 410—558, и „Исторію Кіевской Академіи“ Макарія Булгакова, стр. 64—65.

23) Subsidium rhetoricum variis refertum notatis Roxolano rhetori ad rostra Kijovomohilaeana oblatum anno 1692, съ діалектикою, начатою 6 мая 1692 года. См. рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 394, л. 192—409. Въ „Исторіи Кіев. Академіи“ Макарія Булгакова (стр. 62) ошибочно отнесена эта реторика къ 1670—1671 году.

24) Amphion lyrico cantu Mohilaeanae Petrae saxa movens.., anno 1692,—рукописная піитика, преподанная въ $169^2/_3$ учебномъ году, въ 4-ку, на 174 листкахъ. См. „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской Дух. Семинаріи“, М. Лилеева, С.-Петербургъ, 1880 г., № 175, стр. 200 и 201.

25) Meta scientiarum, ad quam omnis rationalium discursuum intellectus, Aristotelico decertans agone, coronatur, sub augustissimis omni voto expetitis novae cunctorum desideriorum Metae Mariae natalitiis nobili Roxolonae juventuti ad eruditum Stagiriticae palaestrae certamen, in Olympo Mohilaeano Kijoviensi anno... 1693-tio proposita,—рукопись въ 4-ку, на 191 листкѣ, заключающая философскій курсъ, преподанный, вѣроятно, Прокопіемъ Калачинскимъ въ 1693—1695 годахъ. См. рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 394, л. 1—191, и „Исторію Кіев. Академіи“ Макарія Булгакова, стр. 66.

26) Ttactatus theologiae speculativae et theologiae controversae, преподанные въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ 1693—1697 годахъ. Экземпляры этого богословія есть въ Кіево-Софійской библіотекѣ, №№ 217 и 218; въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры, № 40; въ библіотекѣ Кіевской Дух. Семи-

наріи (см. „Описаніе рукописныхъ собраній находящихся въ г. Кіевѣ“; Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г., №№ 176 и 187, стр. 258—260); въ библіотекѣ Иркутской Духовной Семинаріи (См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, февраль, 1888 г., стр. 306). Преосвященный Макарій Булгаковъ въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ (стр. 73 и 74), а вслѣдъ за нимъ и другіе наши ученые приписываютъ эти трактаты Іоасафу Кроковскому. Между тѣмъ въ одномъ экземплярѣ ихъ эти трактаты, за вторую половину богословскаго курса, т. е. за 1695—1697 годы, прямо приписываются Стефану Яворскому, профессору священной богословіи. См. мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. 1, Москва, 1892 г., № 187, стр. 259—260.

27) Tractatus theologiae controversae, одинъ de Deo, ut Trino, Ejusque processionibus, а другой—De ecclessia, преподанные С. Яворскимъ въ $169^{7}/_{8}$ учебномъ году, въ Кіево-Могилянской Коллегіи, въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи. См. „Труды Кіев. Дух. Академіи“, январь, 1864 г., стр. 60 и 61.

28) Cytheron bivertex irriguis poëtico - oratorii eloquii fontibus rorans in Collegio Mohilaeano polonis neovatibus erectus, съ упоминаніемъ о взятіи гетманомъ Мазепой Кизикермена въ 1695 году,—рукопись въ 8-ку, на 203 листкахъ. См. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, Москва, 1892 г. № 235, стр. 278.

29) I. Хс. Petra Mohilaeanis munita rostris ac Tulliano rhetorum tyrocinio oppugnanda anno increatae Petrae creatam restaurantis Petram 1695 Octobr. 26 die,—реторика $169^{5}/_{6}$ учебнаго года, въ 4-ку, на 85 листкахъ. См. „Труды Кіев. Дух. Академіи“, Октябрь, 1892 г., стр. 306. Есть и въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря.

30) Философскій курсъ на латинскомъ языкѣ, вѣроятно преподанный въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ 1695—1697 годахъ профессоромъ Іеронимомъ Симаровскимъ. См. рукоп

Кіево-Печерской лавры, № 87. О Симаровскомъ см. въ текстѣ.

31) Rosa inter spinas,—піитика, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $169^{6}/_{7}$ учебномъ году. См. рукопись Кіево-Соф. Собора, № 456, и „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1, 1892 г., № 238, стр. 278.

32) Lyra variis praeceptorum chordis ad edendam civilem et palestricam vocem, conformem voci in deserto clamantis s. Ioanni Baptistae, Apollineo pollice instructa anno... 1696, піитика 1696—7 учебнаго года. См. ее въ Кіево-Соф. библ., №№ 451 и 455, и Кіево-Мих. № 1719.

33) Triumphus cum annui laboris victoria in faecunda Mohileanae Petrae arena Tulliano tyrocinio triumphandus, anno... 1696, mense Novembris 2 die,—рукописная реторика $169^{6}/_{7}$ учебнаго года. См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, октябрь, 1892 г., стр. 306, и рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 471.

34) Concha, novas easque praesentis aevi genio accommodatas artis oratoriae gemmas continens,—рукописная реторика, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ $169^{8}/_{9}$ учебномъ году. См. рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 457 и № 219 л. 206 и слѣд.; Кіево-Печерской лавры, № 121; Кіево-Мих. монастыря, № 1732; „Исторію Кіевской Академіи“ Макарія Булгакова, стр. 65, гдѣ она невѣрно приписывается Стефану Яворскому; мое „Описаніе рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи“, № 416, стр. 385.

35) Ilias oratoria sive brevissima summa rhetoricae, in gratiam tyronum eloquentiae collecta atque illustrissimo Domino Domino Basilio Galicin et illustrissimo Domino Domino Sergio Galicin germanis fratribus benefactoribus suis clementissimis in pignus gratitudinis dedicata anno Domini 1698,—рукопись въ 4-ку, на 24 листкахъ. См. мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, вып. 1, 1892 г., № 238, стр. 278.

В. Какое начало символа?

О. Вѣрую во единаго Бога.

В. Можно ли познать, что есть Богъ?

О. Нельзя совершенно познать, ни изъяснить.

В. Какія суть совершенства Божіи?

О. Безконечныя.

В. Перечисли нѣкоторыя!

О. Вѣчность, безконечность, всевѣденіе, всемогущество, милосердіе, правосудіе.

В. Почему Богъ называется вѣчнымъ?

О. Поелику онъ безъ начала и конца, всегда былъ, всегда будетъ, всегда есть.

В. Почему онъ называется безконечнымъ?

О. Поелику видитъ и знаетъ все прошедшее и будущее и все могущее быть.

В. Видитъ ли онъ всѣ помышленія?

О. Несомнѣнно видитъ даже до глубины сердца нашего.

В. Почему Онъ называется всемогущимъ?

О. Поелику нѣтъ ничего невозможнаго для Его воли.

В. Можетъ ли Онъ творить міры?

О. Можетъ безконечные.

В. Въ чемъ состоитъ промышленіе Божіе?

О. Въ управленіи всѣми тварями отъ ангела даже до червячка.

В. Въ чемъ еще!

О. Въ предопредѣленіи, въ осужденіи людей!

В. Осуждаетъ ли Богъ кого либо за предвидимые грѣхи?

О. Нѣтъ.

В. Въ чемъ проявляется милосердіе Божіе?

О. Во всѣхъ дѣлахъ Его и особенно въ спасеніи.

В, Въ чемъ проявляется Его правосудіе?

О. Въ наказаніи злыхъ.

В. Поясни примѣрами!

О. Въ наказаніи отпадшихъ ангеловъ и въ погубленіи Содома.

В. Много ли достойныхъ наказанія?

О. Много нечестивыхъ.

В. Много ли Боговъ?

О. Нѣтъ, но есть единый.

В. Почему же три именуются: Отецъ, Сынъ, Духъ Святый?

О. Суть три лица, но единъ Богъ по существу.

В. Объясни примѣромъ!

О. Это можно пояснить примѣромъ ангела; ибо въ немъ суть три способности—разумъ, воля, память, но одна душа.

В. Скажи первый членъ символа!

О. Вѣрую въ Бога Отца всемогущаго, Творца неба и земли.

В. Что значитъ слово „вѣрую“?

О. Значитъ то, что я содержу крѣпчайшимъ образомъ, безъ всякаго колебанія.

В. Что значитъ „вѣрую въ Бога“?

О. Обыкновенно различаются сіи выраженія: вѣрую Богу, вѣрую въ Богѣ, вѣрую въ Бога.

В. Покажи различіе!

О. Вѣровать Богу значитъ вѣрить, что истинно то, что Онъ говоритъ, вѣровать въ Богѣ значитъ вѣровать, что Онъ есть; вѣровать въ Бога значитъ надѣяться и вѣровать съ какимъ либо сердечнымъ расположеніемъ въ Бога Отца.

В. Что значитъ „вѣрую въ Бога Отца“?

О. Подъ Отцемъ разумѣется первое лице Троицы.

В. Почему называешь Его всемогущимъ?

О. Слово „всемогущій“ есть общее для всѣхъ лицъ, но особенно приписывается Отцу, поелику Онъ есть источникъ происхожденія и начало безъ начала.

В. Почему въ началѣ символа тотчасъ же упоминается всемогущество?

О. Дабы для насъ не было никакого затрудненія вѣрить во все, что въ немъ должно быть предложено.

О. Есть даръ Божій, чрезъ который мы твердо вѣруемъ откровенію.

В. Что требуется для совершенной вѣры?

О. Требуется свѣтъ сверхъестественный въ отношеніи разсудка.

В. Что еще?

О. Благочестивое произволеніе въ отношеніи воли.

В. Какимъ образомъ Богъ призываетъ невѣрныхъ къ вѣрѣ?

О. Призываетъ путемъ и гласомъ внутреннимъ, призываетъ также и внѣшнимъ Самъ или чрезъ своихъ.

В. Какъ тверда должна быть вѣра?

О. Должна быть такъ тверда, чтобы не допускала никакого колебанія.

В. Почему такъ?

О. Поелику посвящается Богу, который есть первая истина, не могущая ни ошибаться, ни обманывать.

В. Кто одному только члену не вѣруетъ, тотъ теряетъ ли всю вѣру?

О. Совершенно теряетъ, если только будетъ упорнымъ, поелику вѣра должна быть цѣльною.

В. Достаточно ли вѣрить тому, что содержится въ Писаніи?

О. Недостаточно, но нужно еще вѣровать преданіямъ церковнымъ.

В. Можно ли это показать примѣромъ.

О. Совершенно, ибо и еретики вмѣстѣ съ нами вѣруютъ въ символъ апостольскій, хотя его нѣтъ въ Писаніи.

В. Какой грѣхъ, противоположный вѣрѣ?

О. Ересь.

В. Великій ли она—грѣхъ?

О. Тягчайшій.

В. Почему?

О. Поелику разрушаетъ вѣру, которая есть первый даръ Божій и основаніе всѣхъ другихъ даровъ.

В. Почему еще?

О. Поелику обыкновенно доводитъ человѣка до безбожія.

В. Нужно ли избѣгать еретиковъ?

О. Непремѣнно, и притомъ больше, чѣмъ заразительной язвы.

В. Откуда ересь ведетъ свое происхожденіе?

О. Отъ злобнаго Каина, который первый не вѣровалъ промышленію и правосудію Божію.

В. Отъ какихъ грѣховъ нынѣ раждаются ереси?

О. Преимущественно отъ гордости и похоти.

В. Почему Богъ допускаетъ ереси?

О. Или для наказанія грѣшниковъ, или для утвержденія избранныхъ.

В. Кто суть основатели вѣры?

О. Апостолы.

В. Какъ они основали ее?

О. Ученіемъ своимъ, которое проповѣдали во всемъ мірѣ.

В. Еще какъ?

О. Кровію своею, которою запечатлѣли и утвердили ученіе.

В. Кто суть основатели вѣры въ новомъ мірѣ?

О. Мужи апостольскіе, проникшіе туда по ревности къ Богу.

В. Кто составилъ нашъ символъ?

О. Апостолы.

В. Какимъ образомъ?

О. Когда разсѣяны были по вселенной.

В. Для какой цѣли они составили его?

О. Дабы всюду преподать одну и ту же форму вѣры.

В. Составили ли они по одному члену символа?

О. Сіе неизвѣстно; достаточно того, что всѣ члены они составили по общему согласію.

В. Почему,—говорятъ,—часто нужно повторять его?

О. Поелику онъ есть зерцало нашей вѣры.

В. Имѣетъ ли силу противъ сатаны?

О. Несомнѣнно, есть щитъ противъ его стрѣлъ.

В. Нужно ли знать на память символъ?

О. Нужно знать и въ нѣкоторомъ родѣ понимать.

матѣ де, присланной въ магистратъ, ничего о студентахъ не упомянуто. Въ присланномъ же отъ протопопи Кіевоподолского Стефана (Лубенскаго), по силѣ указа Его Преосвященства, прошлого мая 26 д. къ нему отпущенного, репортѣ между протчимъ написано: посилалъ де онъ протопопъ Стефанъ двухъ священниковъ въ Магистратъ Кіевскій ради учиненія справки о присланной граматѣ отъ патріярхи Адрияна въ тотъ магистратъ, которая де граммата прислана не войту Кіевскому Димитрію Полоцкому, но бывому войту Ѳеодору Биковичу, показаннимъ священникамъ была обявлена, и въ оной де граматѣ не упомянуто о студентахъ ничего; точію де по сказкамъ магистратовимъ отъ вышъ означеннаго года и по нинѣшное время въ Притиско-Николской школѣ студенти не жили [1]).

Приложеніе VI.

Вопросы и отвѣты з разныхъ писмъ служачіе вѣре православной" [2]).

В. Естесь ты Христіянинъ?

О. Естемъ заисте през ласку Божую.

В. Откуль тобѣ тое имя?

О. Отъ Ха, который мѣромъ освященія помазавъ мя.

В. Якъ имя тое приняли вѣрные?

О. На початку церкви новой в мѣсте Анътіохийском.

В. Якъ пред тымъ называлися?

О. Учениками або братіею.

В. Еще иначей якъ?

---

[1]) Извлечено изъ дѣла Кіевской Дух. Консисторіи 1741 г., № 148, „О позволеніи жить студентамъ въ школѣ Притиско-Никольской и о прочемъ", отыскано въ 1894 году въ старомъ Консисторскомъ архивѣ студентомъ Кіевской Дух. Академіи Д. Вишневскимъ.

[2]) Начало этого катихизиса см. въ рукописи 1665—1669 г.г., въ моемъ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ", 1892 г., вып. 1, № 218, стр. 271 и 272.

О. Галилейчиками и Назарейчиками отъ Іса̄ з Назаретy Галилейского.

В. Що по насъ вытягаетъ имя християнское?

О. Умерти за Ха̄.

В. Покажи свѣдоцствомъ!

О. Архидіяконъ Стефанъ, и вси апостолы и мученицы“ [1]) именемъ христіанскимъ одушевлены были къ мученичеству.

В. Есть ли другія обязательства христіанина?

О. Обязанъ непрестано благодарить Бога за свое призваніе къ цѣли.

В. Что еще?

О. Какъ наслѣдникъ имени, долженъ быть подражателемъ святости Христа.

В. Что должно быть ежедневнымъ зрѣлищемъ христіанина?

О. Жизнь и добродѣтели Іисуса Христа.

В. Много ли христіанъ?

О. Суть многіе числомъ, но немногіе по образу жизни.

В. Почему такъ?

О. Поелику немногіе подражаютъ Христу.

В. Что есть знаменіе христіанства?

О. Знаменіе креста.

В. Какой плодъ его?

О. Содержитъ обладаніе вѣрою въ пресв. Троицу, также воплощеніе и страданіе Сына Божія.

В. Какой дальнѣйшій плодъ?

О. Великую имѣетъ силу противъ демона и козней.

В. Что есть вѣра?

---

[1]) Отселѣ продолженіе „катехизическихъ вопросовъ“ переведено съ латинскаго, изъ Кіевской Пінтики Fons Castalius, 1700—1701 г.; см. тамъ же, № 239, стр. 278 и 279. „Катехизическіе вопросы“ раздѣлены здѣсь на уроки. Латинскій текстъ весьма неисправенъ.

36) Classis Tullianna,—реторика, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ 1699—1700 учебномъ году. См. рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря, № 1726. Вѣроятно, тѣмъ же преподавателемъ преподана въ 1700 году и краткая діалектика, подъ заглавіемъ Iter breve, и проч. См. ее въ рукописи Кіево-Печерской лавры, № 121.

37) Universa philosophia, commentariis scholasticis illustrata, doctrinam peripateticam complectens, ingenuo Roxolano auditori exposita, преподанная въ Кіево-Могилянской Коллегіи въ 1699—1701 годахъ. См. рукоп. Кіево-Михайловскаго монастыря, №№ 1706 и 1707; рукоп. Кіево-Соф. Собора № 396; мое „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіевской Дух. Академіи", Кіевъ, 1875 г., № 42, стр. 22. Вѣроятно, преподана Иннокентіемъ Поповскимъ.

38) Fons Castalius ad hauriendum sitienti eruditae juventuti intra montana Kijoviae in Collegio Kiiovo-Mohileano excussus.., anno... 1700,—піитика, преподанная въ 1700—1701 учебномъ году. См. рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 459, и мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 1, 1892 г., № 239, стр. 278 и 279.

39) Cornucopiae artis oratoriae omni genio eloquentiae fructu ad genium et ingenium gentis Roxolanae accommodo fecundae in Kijovo-Mohyleani Athaenei promptuario neorhetori oblatae,—реторика, преподанная въ 1700—1701 году Іосифомъ Туробойскимъ. См. мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 1, 1892 г., № 240, стр. 279, и „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской Дух. Семинаріи", М. И. Лиллева, С.-Петербургъ, 1880 г., № 179, стр. 203—204.

40) Tractatus theologiae scholasticae et controversae, преподанные въ Кіевской Академіи въ 1701—1705 годахъ. См. рукопис. Кіево-Соф. библіотеки, №№ 219—222 и прибавл. № VII, 3; рукоп. Кіево-Печерской лавры, №№ 18 и 41, и мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ".

вып. 1, 1892 г., № 188, стр. 260 и 261. Авторъ въ схоластическомъ богословіи пользовался Ѳомой Аквинатомъ, а въ полемическомъ слѣдовалъ Стефану Яворскому. Вѣроятно, преподаны тогдашнимъ префектомъ Иннокентіемъ Поповскимъ.

Приложеніе V.

Въ 1741 году одинъ изъ священниковъ Кіево-подольской Притиско-Николаевской церкви Іаковъ Жураховскій пригласилъ на жительство въ Притиско-Николаевскую школу четырехъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, „для ученія элементара сына своего и протчіихъ дѣтей мѣщанскихъ“. Но другой Притиско-Никольскій священникъ Романъ Антоновъ и церковные ктиторы не пускали студентовъ въ школу, ссылаясь на то, „что де въ насъ имѣется граммата отъ преосвященного митрополита Ясинскаго, дабы въ школѣ студенты не жили“. По этому поводу возникло дѣло, осложнившееся другими, побочными обстоятельствами. Кіевская Духовная Консисторія, разбирая это дѣло, коснулась и вопроса о грамотѣ митрополита Варлаама Ясинскаго и допросила объ этомъ священника Романа Антонова. Послѣдній 19 мая, 1741 года, „повторе въ канцеляріи Его Преосвященства сказкою обявилъ: на требованіе де его граммати о нежитіи въ школѣ Притиско-Никольской студентамъ Михайло Ященко (одинъ изъ ктиторовъ) сказалъ, что де въ прошломъ 1699-мъ году, по доношенію войта Кіевскаго Димитріа Полоцкаго, прислана граммата въ магистратъ Кіевскій отъ патріярхи Андрияна, къ которой де показано, что граммата, послана ко Варлааму Ясѣнскому, митрополитѣ Кіевскому, до вичету въ магистратъ не отдана; въ оной же граммативѣ что написано, онъ де ктиторъ не вѣдаетъ, токмо де сказуетъ, что онъ митрополитъ, получивши оную граммату, заразъ велѣлъ студентовъ изъ школи Притиско-Николской изослать,—и отъ того времены и по сіе время не жили въ Притиско-Никольской школѣ студенти; а въ грам-

О. Потому что не было ничего жесточае того, когда тернія терзали плоть и нервы главы.

В. Почему называешь безславнѣйшимъ?

О. Поелику возложили на него такой вѣнецъ, что насмѣхались надъ его царствомъ.

В. Какія, сверхъ того, присоединили къ сему поношенія?

О. Трость, какъ бы скипетръ, и багряную одежду, какъ бы императорскую порфиру.

В. Что потомъ претерпѣлъ Христосъ?

О. Новыя страданія въ несеніи возложеннаго на него креста.

В. Объясни это!

О. Ибо подъ симъ тягчайшимъ и по замыслу новымъ бременемъ облилъ кровію пяты.

В. Почему называешь крестъ столь тяжкимъ бременемъ?

О. Какъ потому, что онъ былъ тяжелъ, такъ и потому, что на него возложены грѣхи всѣхъ.

В. Почему Симонъ Киринейскій помогъ Христу въ несеніи креста?

О. Онъ предъизображаетъ, что всякій истинно вѣрующій во Христа долженъ нести крестъ.

В. Какія были дальнѣйшія страданія Христа?

О. Они состояли въ пригвожденіи рукъ и ногъ жесточайшими гвоздями.

В. Почему Христосъ не восхотѣлъ облегчить креста?

О. Онъ избралъ крестъ какъ бы жертвенникомъ, на которомъ долженъ быть закланъ.

В. Какимъ это образомъ?

О. Нижняя часть въ глубинѣ означаетъ вѣру, верхняя—надежду, ширина—благодать, длина—твердость.

В. Былъ ли Христосъ весь обнаженъ на крестѣ.

О. Вѣроятно, да.

В. Почему Христосъ умираетъ съ восклицаніемъ?

О. Дабы показать, что Онъ имѣетъ власть надъ жизнію и смертію.

В. Почему умираетъ, преклонивъ главу?

О. Дабы показать, что изъ повиновенія принимаетъ смерть.

В. Почему благоволилъ, чтобы Ему умершему проболи ребро?

О. Чтобы показать крайнюю любовь своего сердца къ намъ.

В. Было ли оно (прободеніе), по разрѣшеніи узъ, болѣзненнымъ?

О. Не было для Христа, поелику Онъ уже умеръ, но было жесточайшею раною для стоящей при крестѣ Дѣвы.

В. Было ли погребеніе Христа почетное?

О. Очевидно, было.

В. Поясни!

О. Поелику мужи первые и знатные погребли его въ гробницѣ новой и тѣло плащаницею чистѣйшею обвили со множествомъ ароматовъ.

В. Почему благоволилъ Христосъ, чтобы погребеніе Его было почетнымъ, тогда какъ смерть Его была безславною?

О. Поелику предсказано было пророкомъ: будетъ погребеніе его честнымъ.

В. Въ чемъ состоитъ особая слава гроба Господня?

О. Въ тѣлѣ, которое онъ сокрылъ, поелику оно никогда не было отлучено отъ божества.

В. Въ чемъ еще состоитъ слава гроба?

О. Во многихъ чудесахъ, совершонныхъ при немъ во всякомъ вѣкѣ.

В. Скажи пятый членъ?

О. Сошелъ во адъ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ.

В. Почему говорится, что онъ сошелъ во адъ?

О. Поелику душа его истинно и дѣйствительно сошла въ нѣдра, находящіяся въ глубочайшемъ мѣстѣ земли.

В. Почему сошелъ туда?

О. Дабы освободить души святыхъ праотцевъ.

В. Почему еще?

О. Дабы получить власть въ преисподнихъ частяхъ земли и восторжествовать надъ княземъ тьмы.

О. Послѣ привѣтствія ангела, когда Марія сказала: „се раба Господня“.

В. Для чего нужно было благовѣстіе ангела?

О. Дабы мысль Дѣвы направлена была на Сына, прежде чѣмъ ему воспринять плоть.

В. Но почему это совершилось черезъ ангела?

О. Дабы то же самое было началомъ возстановленія міра, что—и ниспроверженія.

В. Объясни это!

О. Злой ангелъ бесѣдою съ Евою положилъ начало смерти и грѣху; добрый ангелъ, бесѣдуя съ Маріею, положилъ начало жизни и благодати.

В. Почему зачатіе Христа приписывается именно Святому Духу?

О. Поелику дѣла благости именно ему обыкновенно приписываются.

В. Почему благоволилъ Христосъ родиться въ Виѳлеемѣ?

О. Какъ потому, что былъ изъ рода Давидова, такъ и потому, что благоволилъ избрать мѣсто убогое.

В. Почему благоволилъ повиться въ ясляхъ?

О. Восхотѣлъ, дабы онѣ были первымъ жертвенникомъ, на которомъ Онъ принесъ себя (въ жертву) Отцу.

В. Почему Онъ благоволилъ родиться во время всеобщаго мира?

О. Поелику имя его было „князь мира“.

В. Почему родился въ полночь?

О. Поелику онъ былъ свѣтъ истинный, пришедшій для просвѣщенія нашей тьмы.

В. Какой плодъ производитъ въ насъ рождество Христово?

О. Производитъ въ насъ вѣру, надежду и любовь.

В. Какую вѣру?

О. Научаетъ насъ родившійся Христосъ изъ яслей, какъ бы съ каѳедры, всякой добродѣтели.

В, Почему сказано, что Онъ родился отъ Дѣвы?

О. Поелику Марія пребыла Дѣвою до рожденія, въ рожденіи, послѣ рожденія.

В. Было ли рожденіе Христа безъ болѣзни матери?

О. Было даже съ великою для нея радостію.

В. Нужно ли было присутствовать бабкѣ при рожденіи Дѣвою?

О. Нѣтъ, поелику роды ея были легки и безъ всякой болѣзни.

В. Скажи четвертый членъ!

О. Пострадалъ при Понтійскомъ Пилатѣ, распятъ, умеръ и погребенъ.

В. Гдѣ Христосъ началъ свое страданіе?

О. Въ саду.

В. Почему въ саду?

О. Гдѣ началась болѣзнь и смерть чрезъ перваго Адама, тамъ вторый Адамъ благоволилъ начать врачевство, чтобы возратить жизнь.

В. Источалъ ли Христосъ истинную и естественную кровь?

О. Непремѣнно.

В. Не произошло ли это чрезъ особенное чудо?

О. Произошло это естественно, силою тяжкаго томленія и страданія.

В. Что прежде всего претерпѣлъ Христосъ при Понтійскомъ Пилатѣ?

О. Жесточайшее бичеваніе.

В. Почему называешь его жесточайшимъ?

О. По причинѣ жестокихъ орудій, и притомъ различныхъ: сѣченъ былъ прутьями, ременною плетью и даже,—какъ прибавляютъ нѣкоторые,—цѣпями.

В. Какъ велико было число ударовъ?

О. Нѣкоторые говорятъ, что оказалось свыше пяти тысячъ.

В. Что потомъ претерпѣлъ?

О. Увѣнчаніе жесточайшее и безславнѣйшее!

В. Почему называешь жесточайшимъ?

В. Какой отъ того плодъ?

О. Оттого нисходитъ на насъ благодать.

В. Почему необходимо было Сыну Божію воплотиться?

О. Потому что безъ сего человѣкъ не могъ освободиться отъ грѣха.

В. А что, если бы человѣкъ не согрѣшилъ,—воплотился ли бы Сынъ Божій?

О. Не воплотился бы.

В. Не могъ ли также Отецъ или Духъ Святый воспринять плоть и искупить человѣка?

О. Могъ.

В. Почему же преимущественнѣе Сынъ совершилъ это?

О. Поелику надлежало чрезъ естественнаго Сына возвратить усыновленныхъ сыновей къ участію вѣчнаго наслѣдія, отъ котораго они отвергнуты.

В. Могъ ли Богъ болѣе возлюбить міръ, чѣмъ „яко Сына Своего Единороднаго далъ“?

О. Не могъ.

В. Почему Богъ освободилъ скорѣе человѣка грѣшника, чѣмъ ангела?

О. Поелику природа человѣческая, слабѣйшая ангельской, тронула Божіе милосердіе.

В. Не могъ ли человѣкъ освободиться чрезъ ангела?

О. Ангелъ не могъ принесть такого совершеннаго удовлетворенія за грѣхъ человѣка, какъ Христосъ.

В. Въ чемъ состоитъ это совершенное удовлетвореніе?

О. Въ томъ, что кровь Христа и его удовлетвореніе были безграничной цѣны.

В. Не могло ли лучше возвысить себя естество человѣческое, чѣмъ таинство воплощенія?

О. Не могло, поелику оно само наздано было Единымъ Словомъ Божіимъ.

В. Можетъ быть, праотцы сильно желали сего воплощенія?

О. Конечно; ибо Писаніе наполнено ихъ горячими желаніями.

В. Почему же такъ долго замедлялось?

О. Поелику Христосъ благоволилъ прійти въ срединѣ вѣковъ.

В. Скажи слова втораго члена въ символѣ!

О. И въ Іисуса Христа, Сына Его, Господа единаго нашего.

В. Почему выражаешь благоговѣніе, произнося имя Іисусъ?

О. Поелику оно есть собственное и достойнѣйшее имя воплощеннаго Сына Божія.

В. Кѣмъ оно было дано?

О. Вѣчнымъ Отцомъ.

В. Не далъ ли его ангелъ?

О. Нѣтъ, но онъ возвѣстилъ его Маріи и Іосифу.

В. Почему оно называется „именемъ паче всякаго имени“?

О. Поелику содержитъ остальныя имена, приписываемыя Христу, и превосходитъ ихъ.

В. Почему Іисусъ называется еще Христомъ?

О. Христомъ названъ, поелику помазанъ.

В. Какимъ образомъ помазанъ?

О. По троякому достоинству: какъ священникъ, какъ царь, какъ князь.

В. Почему Христосъ называется Единороднымъ Сыномъ Божіимъ?

О. Поелику въ предвѣчномъ рожденіи не имѣетъ братьевъ.

В. Не состоимъ ли и мы Сынами Божіими?

О. Состоимъ чрезъ усыновленіе, но Онъ единородный по естеству.

В. Почему называется „Господомъ нашимъ“?

О. Поелику Онъ именно искупилъ *насъ рабовъ* цѣною крови своея.

В. Скажи третій членъ!

О. Который зачатъ былъ отъ Духа Святаго, рожденъ отъ Маріи Дѣвы.

В. Когда Онъ былъ зачатъ?

В. Въ чемъ прежде всего Богъ показалъ всемогущество?

О. Въ сотвореніи неба и земли.

В. Что побудило Бога къ сотворенію всего этого?

О. Единая Его благость, потому что ничто другое не побуждало къ тому Творца.

В. Какъ много обязаны люди Богу за его твореніе?

О. Весьма много, поелику человѣкъ сотворенъ ради Бога и все иное—ради него.

В. Когда Богъ сотворилъ ангеловъ?

О. Въ первый день, когда сотворилъ небо, Онъ не сотворилъ его пустымъ, но наполненнымъ ангелами.

В. Велико ли число ангеловъ?

О. Несравненно больше числа людей и какъ-бы безчисленное.

В. Велико-ли число падшихъ ангеловъ?

О. Велико, поелику изъ всякаго чина отпали нѣкоторые и на ихъ мѣсто возводятся избранные люди.

В. Начальствуютъ ли добрые ангелы надъ управленіемъ міромъ?

О. Несомнѣнно начальствуютъ надъ стихіями, областями, храмами, алтарями, городами и каждымъ человѣкомъ.

В. Какія благодѣянія получаютъ люди отъ ангеловъ хранителей?

О. Получаютъ благодѣянія какъ тѣлесныя, такъ и духовныя.

В. Скажи о благодѣяніяхъ тѣлесныхъ!

О. Сохраняютъ отъ многихъ опасностей жизнь нашу и помогаютъ въ нуждахъ.

В. Скажи о нуждахъ духовныхъ!

О. Хранятъ насъ, дабы мы не впали въ грѣхи, и приносятъ къ Богу молитвы наши; если же проводимъ жизнь въ грѣхахъ, располагаютъ насъ къ покаянію.

В. Къ кому они оказываютъ особенное благоволеніе?

О. Къ любителямъ чистоты.

В. Когда начинается храненіе ангельское?

О. Немедленно съ рожденія нашего.

В. Какъ долго оно продолжается?

О. Даже до смерти.

В. Продолжается ли ангельская обязанность и послѣ смерти?

О. И по смерти они отводятъ души на небо и въ чистилище.

В. Когда сотворилъ Богъ человѣка?

О. Въ шестой день.

В. Какъ сотворилъ?

О. По образу и по подобію своему.

В. Въ чемъ состоитъ это подобіе?

О. Въ томъ, что человѣкъ по душѣ безтѣлесенъ, безсмертенъ, участникъ вѣчности и славы.

В. Былъ ли созданъ человѣкъ съ совершенствомъ естественныхъ дарованій?

О. Несомнѣнно былъ сотворенъ въ совершенномъ возрастѣ разумѣнія, и съ другими дарованіями, а также съ полнымъ владычествомъ надъ другими тварями.

В. Если бы человѣкъ не согрѣшилъ, былъ ли бы онъ смертнымъ?

О. Нѣтъ, но дѣйствіемъ непорочной жизни и особымъ даромъ Божіимъ сохранилъ бы жизнь.

В. Что жъ потомъ?

О. Во время, назначенное Богомъ, безъ смерти былъ бы перенесенъ въ сообщество ангеловъ [1]).

В. О чемъ говоритъ вторая часть символа?

О. О великой тайнѣ воплощенія.

В. Почему называется великою тайною?

О. Поелику есть основаніе другихъ и таинство таинствъ.

В. Какъ мы возблагодаримъ Бога за сіе таинство?

О. Часто и благоговѣйно воспоминая о немъ.

---

[1]) Здѣсь оканчивается первая часть Катихизиса о первомъ лицѣ св. Троицѣ, Богѣ Отцѣ, и затѣмъ начинается вторая часть о Сынѣ Божіемъ.

В. Сошелъ ли Онъ также въ чистилище?

О. Да, поелику и оттуда освободилъ нѣкоторыхъ, даже почти всѣхъ.

В. Сошелъ ли Онъ также въ мѣсто осужденныхъ?

О. Не сошелъ, по крайней мѣрѣ оттуда никого не освободилъ.

В. Когда Христосъ воскресъ?

О. Въ третій день, и это былъ день Господень.

В. Почему не тотчасъ послѣ смерти воскресъ?

О. Чтобы, по обычаю, признанъ былъ умершимъ.

В. Сколько часовъ прошло между Его смертію и воскресеніемъ?

О. Около сорока.

В. Въ какое время воскресъ?

О. Подъ утро дня Господня.

В. Взялъ ли Онъ всѣ части своего тѣла?

О. Взялъ всѣ, даже взялъ всѣ волосы, въ разныхъ мѣстахъ разсѣянные.

В. Взялъ ли всю кровь?

О. Взялъ всю.

В. Что же скажешь о крови, которую показываютъ прилипшею къ полотняному сударю или гвоздю?

О. Это не есть кровь по естеству, но только оставшійся отъ крови цвѣтъ.

В. Почему Христосъ сохранилъ язвы ранъ на рукахъ, ногахъ, на боку?

О. Дабы показать истину воскресенія и дабы на вѣки представить ихъ Отцу за насъ.

В. Какой плодъ имѣемъ мы отъ воскресенія Христова?

О. Утверждается вѣра и надежда наша на то, что вмѣстѣ съ Нимъ наконецъ воскреснемъ и мы.

В. Почему по воскресеніи Христосъ такъ часто и такъ долго являлся?

О. Чтобы укрѣпить вѣру въ воскресеніе.

В. Кому сдѣлано было первое явленіе?

О. Дѣвѣ Матери; ибо этого требовали заслуги матери.

В. Кому второе?

О. Маріи Магдалинѣ, которая пылала величайшею любовію.

В. Кому третье?

О. Другимъ женамъ, носящимъ масти изъ благоговѣнія къ Христу.

В. Кому четвертое?

О. Ученикамъ, идущимъ въ Еммаусъ и между собою бесѣдующимъ.

В. Кому шестое?

О. Апостоламъ всѣмъ въ горницѣ, въ отсутствіе Ѳомы, и потомъ снова въ восьмой день, въ его присутствіи.

В. Скажи шестой членъ!

О. Восшелъ на небеса, сидитъ одесную Бога Отца.

В. Съ какого мѣста восшелъ?

О. Съ горы Масличной, гдѣ оставилъ и слѣды, отпечатлѣнные на землѣ.

В. Почему съ этого мѣста восшелъ?

О. Дабы на томъ мѣстѣ начать возноситься, гдѣ было особенное униженіе.

В. Въ какое время восшелъ?

О. Около полудня, когда обѣдалъ съ учениками.

В. Какъ восшелъ?

О. Простертыми руками благословляя учениковъ.

В. Какое было торжество восшествія?

О. Ангелы вышли на встрѣчу царю своему съ покорностію и душамъ, которыя велъ съ собою, и слѣдовали за Нимъ съ торжествомъ.

В. Почему Онъ восшелъ на небо?

О. Дабы исполнить все написанное и дабы привлечь другія сердца наши.

В. Какимъ образомъ Онъ желаетъ привлечь?

О. Чрезъ вѣру, надежду и любовь.

В. Скажи седьмой членъ!

О. Оттуда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

В. Каждый ли при смерти подлежитъ частному суду?

О. Да, дѣйствительно.

В. Почему нужно придти Христу, какъ Судіи, въ концѣ міра?

О. Тогда будетъ судъ общій: всякій человѣкъ будетъ судиться не только по душѣ, но и по тѣлу.

В. Укажи и другую причину!

О. Дабы Христосъ, который здѣсь уничиженъ былъ отъ всѣхъ, тогда былъ признанъ предъ небомъ, міромъ и адомъ; ибо этотъ судъ будетъ происходить здѣсь, въ дольнемъ мірѣ, въ юдоли.

В. Какія знаменія будутъ предшествовать сему суду?

О. Придетъ антихристъ и обольститъ многихъ.

В. Кто будетъ предтечами суда?

О. Илія и Енохъ, которые еще не умерли.

В. Гдѣ же они находятся?

О. Находятся они въ земномъ раю или въ нѣкоторой пріятной странѣ, вѣдомой Богу.

В. Что тогда они будутъ дѣлать?

О. Обратятъ многихъ къ покаянію и умрутъ за вѣру Христову.

В. Какія будутъ знаменія?

О. Будутъ знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ.

В. Что потомъ явится?

О. Знаменіе креста на небѣ.

В. Для какой цѣли?

О. Чтобы было утѣшеніемъ для праведныхъ и угрозою для нечестивыхъ.

В. Кто явится на послѣдній судъ?

О. Всѣ явятся, даже и младенцы.

В. Будутъ ли отдѣлены добрые отъ злыхъ?

О. Добрые будутъ одесную, злые ошую.

В. Какое будетъ испытаніе?

О. Будетъ во всѣхъ грѣхахъ, даже и сокровеннѣйшихъ.

В. Будетъ ли также и относительно добрыхъ дѣлъ?

О. Непремѣнно и о нихъ будетъ испытаніе, каковы они были и истинно ли добрыя.

В. О чемъ еще будетъ испытаніе?

О. О дарахъ и благодѣяніяхъ Божіихъ, хорошо ли мы пользовались ими.

В. Какой будетъ приговоръ о благочестивыхъ?

О. Пріидите, благословеніи Отца моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ сложенія міра.

В. Кто произнесетъ его?

О. Христосъ Господь, сопровождаемый безчисленными ангелами.

В. Какой будетъ приговоръ о нечестивыхъ?

О. Идите проклятые въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его.

В. Какое будетъ величайшее наказаніе нечестивымъ?

О. Навѣки будутъ отлучены отъ Бога и его славы.

В. Что вытекаетъ изъ этого проклятія, грозно провозглашеннаго Богомъ?

О. Безчисленныя проклятія за нимъ послѣдуютъ.

В. Поясни это!

О. Поелику сынъ отца и отецъ сына проклянутъ, также сами себя проклянутъ, тѣло свое, душу проклянутъ, также небо и землю и самого Бога проклянутъ.

В. Почему огонь тотъ называется вѣчнымъ?

О. Поелику не на время нѣсколько продолжительное, или на половину лѣтъ только, но будетъ мучить въ безконечные вѣки вѣковъ, съ отчаяніемъ осужденныхъ.

В. Почему говорится, что Христосъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ?

О. Этимъ мы означаемъ, что будетъ судить всѣхъ какъ нынѣ живущихъ, такъ и тѣхъ, которые умерли [1]).

[1]) Здѣсь оканчивается вторая часть символа о Сынѣ Божіемъ и вслѣдъ затѣмъ начинается третья часть о третьемъ лицѣ Св. Троицы, т. е. о св. Духѣ.

В. Скажи восьмой членъ!

О. Вѣрую въ Духа Святаго.

В. О чемъ говоритъ сей членъ?

О. О третьемъ лицѣ Троицы, о Св. Духѣ.

В. Равенъ ли Св. Духъ Отцу и Сыну?

О. Равенъ во всякомъ совершенствѣ.

В. Какъ это пояснить?

О. Ученіемъ церкви, которая всюду воспѣваетъ одинаковую славу Отцу, и Сыну и Духу.

В. Исходитъ ли Духъ Святый отъ Отца и Сына?

О. Исходитъ отъ одного Отца.

В. Почему Духъ Святый называется животворящимъ?

О. Поелику вдыхаетъ жизнь духовную нашимъ душамъ и всей церкви.

В. Какъ пояснишь ты это?

О. Какъ тѣло безъ души лежитъ мертво, такъ душа мертва безъ дыханія Св. Духа.

В. Является ли когда либо Духъ Святый?

О. Являлся въ различныхъ видахъ.

В. Поясни!

О. При крещеніи Христа явился въ видѣ голубя, и посему часто такъ изображается.

В. Почему явился въ видѣ голубя?

О. Поелику бѣлизна голубя и его чистота означаютъ дары Духа Святаго.

В. Какъ еще являлся?

О. Въ видѣ свѣта, при Преображеніи.

В. Почему въ день Пятидесятницы явился въ видѣ огня и языковъ?

Поелику на подобіе огня возжигалъ сердца и языки апостоловъ къ возвѣщенію величія Божія.

В. Скажи девятый членъ!

О. Вѣрую въ Св. Церковь соборную, въ общеніе.

В. Что разумѣешь подъ церковью?

О. Собраніе всѣхъ вѣрныхъ подъ Христомъ и его законными на землѣ преемниками или намѣстниками.

В. Видима ли церковь?

О. Подлинно видима, какъ солнце.

В. Почему же еретики говорятъ, что она невидима?

О. Потому что они слѣпы или сóвы, которыя не могутъ видѣть солнца.

В. Какъ называется церковь въ свящ. Писаніи?

О. Называется иногда Царствомъ Божіимъ, Невѣстой Христовой.

В. Одна ли церковь, или многія?

О. Одна въ отношеніи единства вѣры и ученія.

В. Кто раздираетъ сіе единство?

О. Еретики.

В. Почему?

О. Потому что вводятъ различное ученіе.

В. Поясни!

О. Не принимаютъ ни исповѣди, ни елеосвященія, ни священства, которыя принимаетъ церковь отъ начала.

В. Почему церковь называется святою?

О. Поелику сохраняетъ святость какъ въ вѣрѣ, такъ и въ нравственности.

В. Представь и другую причину!

О. Поелику въ ней находятся средства освященія—крещеніе и другія таинства, и глава ея есть святый изъ святыхъ.

В. Представь и третью причину!

О. Поелику внѣ ея нельзя найти ни святости, ни спасенія.

В. Всякій ли можетъ спастися въ своей вѣрѣ?

О. Никакъ не можетъ, но какъ внѣ двора не можетъ быть спасенія, такъ и внѣ церкви.

В. Почему называешь церковь соборною? (каѳолическою?)

О. Поелику распространяется на всѣ народы и всѣ царства.

В. Объясни это полнѣе!

О. Нѣтъ ни одного царства, народа, намъ ни одного из-

вѣстнаго, который не будетъ имѣть религіи и вѣры церкви каѳолической, но еще не имѣлъ или только не началъ имѣть.

В. Почему называешь церковь апостольскою?

О. Поелику основана отъ апостоловъ ученіемъ и кровію.

В. Что значитъ: вѣрую въ общеніе святыхъ?

О. То есть, вѣрую, что святые и праведные имѣютъ особое общеніе между собою, какъ члены того же тѣла.

В. Представь и другое значеніе!

О. То есть, вѣрую, что въ церкви есть общеніе святыхъ, или вещей святыхъ.

В. Какія суть иныя вещи святыя, въ коихъ мы имѣемъ общеніе?

О. Кровь искупленія, Таинства, дары благодати Божіей, Слово.

В. Есть ли еще въ церкви общеніе добрыхъ дѣлъ.

О. Непремѣнно; ибо, такъ какъ мы—члены того же тѣла, то, если кто молится или постится, то не для себя только молится и постится, но для всѣхъ молится или постится.

В. Объясни сравненіемъ.

О. Подходящее сравненіе членовъ: когда ухо слышитъ,—глазъ видитъ, ротъ ѣстъ, и такимъ образомъ они приносятъ пользу всему тѣлу.

В. Имѣютъ ли также и злые плодъ въ семъ общеніи святыхъ?

О. Имѣютъ нѣкоторый, поелику добрые своими молитвами часто испрашиваютъ имъ благодать; также вслѣдствіе сообщества съ добрыми, часто избѣгаютъ гнѣва и мщенія Божія.

В. Имѣютъ ли души въ чистилищѣ или мытарствахъ плодъ отъ сего общенія?

О. Непремѣнно, ибо, такъ какъ они суть члены, соединенные вмѣстѣ съ нами тою же вѣрою, надеждою, любовію, то живятся нашимъ удовлетвореніемъ.

В. Скажи десятый членъ!

О. Вѣрую во оставленіе грѣховъ.

В. Есть ли предъ Богомъ какой либо тяжкій грѣхъ, который бы не могъ быть отпущенъ?

О. Нѣтъ никого.

В. Почему?

О. Потому что милосердіе Божіе, и благодать, и кровь Христа препобѣждаютъ всякій грѣхъ.

В. Можетъ ли быть такое число грѣховъ, чтобы ему не было дано отпущеніе?

О. Никакъ не можетъ, если только будетъ сокрушеніе о нихъ.

В. Почему же грѣхи противъ Духа Святаго называются непростимыми?

О. Потому что, такъ какъ они злобою противодѣйствуютъ благодати Св. Духа, то почти невозможно, чтобы являлось сокрушеніе о нихъ.

В. Можетъ ли одинъ смертный грѣхъ быть отпущенъ безъ другаго?

О. Не можетъ.

В. Почему?

О. Потому что отпущеніе грѣха есть возстановленіе дружбы съ Богомъ; когда же остается одинъ смертный грѣхъ, то никто не можетъ быть въ милости и дружбѣ у Бога.

В. Можетъ ли кто либо быть увѣреннымъ въ отпущеніи ему грѣховъ?

О. Не можетъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, развѣ только изъ духовнаго откровенія.

В. Какъ же онъ будетъ имѣть спокойствіе совѣсти?

О. Достаточно для сего имѣть вѣроятныя свидѣтельства, въ которыхъ нѣтъ недостатка у тѣхъ, кто исполняетъ должное.

В. Можетъ ли праведный человѣкъ быть увѣренъ въ своей непоколебимости?

О. Не можетъ, развѣ только по особому откровенію.

В. Скажи одиннадцатый членъ!

О. Вѣрую въ воскресеніе тѣла.

В. Что разумѣешь подъ воскресеніемъ тѣла?

О. Воскресеніе тѣлъ, когда снова соединятся съ ними души.

В. Какъ можетъ воскреснуть тѣло, обратившееся въ прахъ?

О. Это легко для всемогущества Божія.

В. Представь какой либо символъ сей вещи въ предметахъ естественныхъ!

О. Посѣянное сѣмя портится, гніетъ и замираетъ, но потомъ прозябаетъ, оживаетъ и воскресаетъ.

В. Будетъ ли тѣло тѣмъ же самымъ по составу?

О. Подлинно будетъ то же, хотя измѣненное въ свойствахъ.

В. Какъ измѣняется?

О. Поелику тѣла прославленныя будутъ имѣть свойства и дары прославленные.

В. Какія это свойства?

О. Легкость, ясность, подвижность, тонкость.

В. Въ какомъ возрастѣ воскреснемъ?

О. Въ возрастѣ совершенномъ, въ которомъ воскресъ Христосъ.

В. Съ какимъ ростомъ?

О. Съ тѣмъ ростомъ, который каждый имѣлъ бы пристойно во цвѣтѣ лѣтъ.

В. Почему говоришь „пристойно“?

О. Потому что не будетъ тамъ никакихъ исполиновъ или карликовъ, никакихъ слѣпцовъ или хромцевъ.

В. Слѣдовательно, никто изъ дѣтей не воскреснетъ?

О. Не воскреснутъ дѣтьми, воскреснутъ мужами.

В. Какъ будетъ сіе воскресеніе?

О. Будетъ во гласѣ архангела, въ трубѣ Божіей.

В. Для какой цѣли запоетъ труба?

О. Дабы ангелы немедленно приготовились къ собиранію праха мертвыхъ.

В. Что потомъ?

О. Тотчасъ услышатъ его находящіеся во гробахъ, какъ гласъ... Божій.

В. На какомъ мѣстѣ будетъ воскресеніе?

О. На мѣстѣ, гдѣ будетъ лежать большая часть тѣлъ мертвыхъ; туда принесены будутъ ангелами и остальныя части.

В. Въ какое время будетъ воскресеніе, днемъ или ночью?

О. Вѣроятно, въ утреннее время.

В. Скажи двѣнадцатый членъ!

О. Вѣрую въ жизнь вѣчную.

В. Почему сей членъ полагается послѣднимъ?

О. Поелику жизнь вѣчная есть цѣль наша и награда, которой въ заключеніе ожидаемъ вѣрою.

В. Всѣ ли созданы для этой вѣчной жизни?

О. Не всѣ.

В. Почему не всѣ?

О. Поелику не всѣ слѣдуютъ той жизни и тѣмъ средствамъ, какія предписаны имъ Богомъ.

В. Будетъ ли это недостаткомъ со стороны Бога или благодати?

О. Нисколько.

В. Откуда же недостатокъ?

О. Со стороны пріобрѣтенія свободнаго произволенія.

В. Въ чемъ состоитъ жизнь вѣчная?

О. Состоитъ въ ясномъ созерцаніи Бога.

В. Развѣ ничего, кромѣ Бога, не увидимъ на небѣ?

О. Увидимъ всѣ тайны, всѣ совершенства Бога, имѣющія отражаться въ Немъ, какъ въ зеркалѣ.

В. Что вытекаетъ изъ сего созерцанія?

О. Любовь и вѣчное плодотвореніе Божіе съ неизреченною радостію.

В. Что дальше слѣдуетъ изъ любви и плодотворенія?

О. Хвала и пѣніе непрестанное, которое не окончится во вѣки вѣковъ.

В. Почему не окончится?

О. Потому что не окончится созерцаніе, любовь и радость, отъ которыхъ звучитъ хвала.—И этого пока достаточно.

ЦѢНА 1 РУБ. СЕР. БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

1 АВГ 19